

2
1972

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

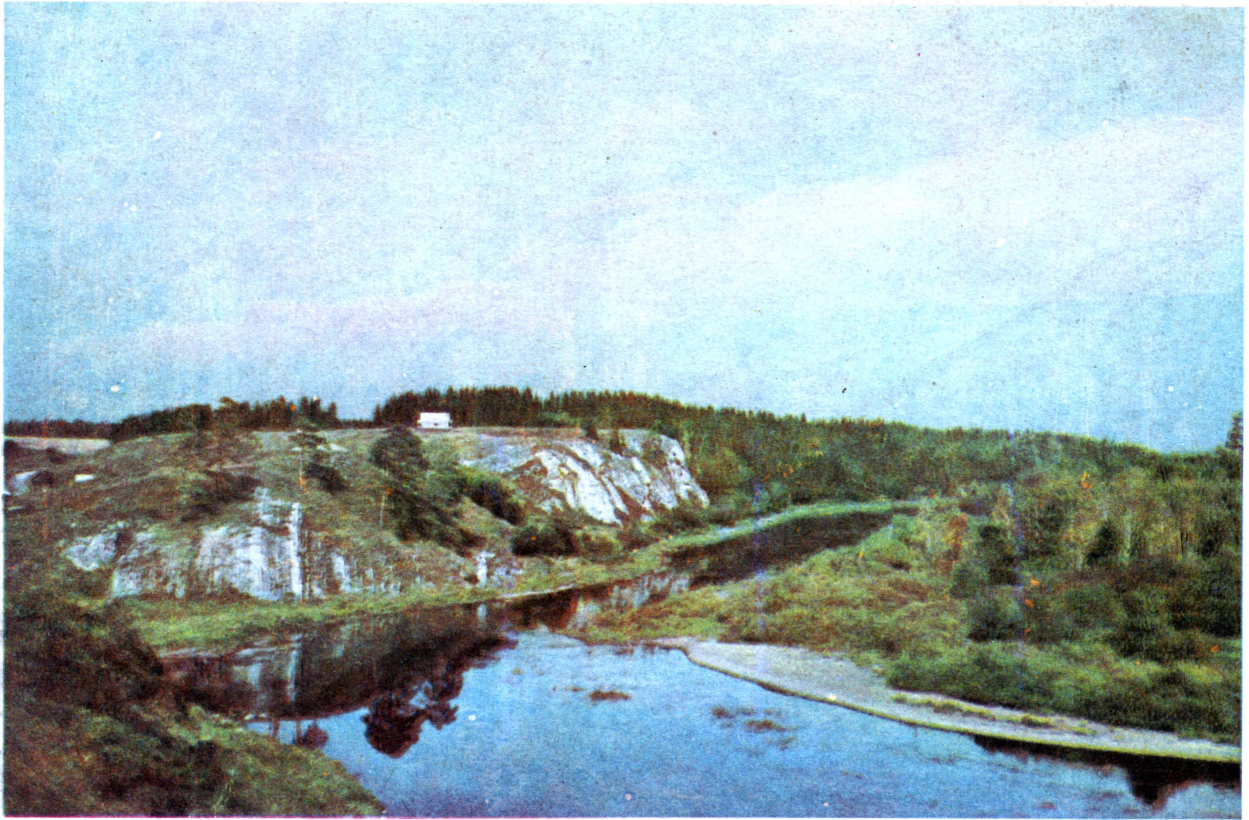

Фото П. Абакумова

РЕКА ЧУСОВАЯ

«БОЯРИН»
Рисунок А. Тумбацова

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества,
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания пятнадцатый

В номере:

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	2
Г. Карпушкин МЫЗА КРОТЕ. Рассказ	3
В. Хохлачев ПОВЕСТЬ О КРАСНОМ МАДЬЯРЕ	12
А. Нагибин ДАЛЕКО В ЗАПОЛЯРЬЕ ЗАСТАВА	16
Л. Цесюлевич РЕРИХ НА АЛТАЕ	17
В. Кибардин ПРИЗВАНИЕ. Очерк,	20
ТАНКОГРАД	27
В. Коротяев СТИХИ	28
Л. Пискарева ЖИВАЯ ВОДА. Операция «Ч»	30
М. Петров О БЕРЕЖЕНИИ ЛЕСОВ...	34
Е. Богданов ПОВЕТЕРЬ. Повесть.	36
В. Бобылев ДЛИННЫЕ СУТКИ	54
А. Артамонов ЗНАМЯ ПЕРВЫХ ПИОНЕРОВ	55
С. Долгова СОКРОВИЩА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА	56
И. Варшавский ВЗАИМОПОНИМАНИЕ ВОЗМОЖНО. Фан- тастическая юмореска.	60
А. Филатов ПАРАД САМОДЕЛОК	64
А. Мотырев ПИСЬМА ИЗ НИЖНЕГО ТАГИЛА	66
Б. Аншаков В. А. ЖУКОВСКИЙ В ВОТКИНСКЕ	71
Ю. Шумайлов МЕДВЕДЬ КРУПНЫМ ПЛАНОМ. Рассказы у костра	72
Б. Сергеев ПАЛИТРА ХАМЕЛЕОНА	73
А. Беляев ИНТЕРЕСНО ЛИ ЧИТАТЬ СЛОВАРИ?	75
В ОБЪЕКТИВЕ — МГНОВЕНИЕ!	78
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	80

Обложка Е. Стерлиговой

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т 2
1972

С Л Е Д О П Ы Т С К И Е Д Е Л А

На берегу Северной Двины стоит обелиск «Жертвам интервенции». На этом месте погребены бойцы Красной Армии, сражавшиеся против интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны.

Следопыты средней школы № 23 города Архангельска следят за состоянием обелиска. Ребята не только поддерживают порядок у памятника. Они собирают материалы о тех, чьи имена высечены на обелиске, встречаются с ветеранами гражданской войны, знавшими погибших бойцов, выпускают бюллетени, посвященные героям-землякам.

Корольков Алексей Афанасьевич, красноармеец. Место рождения — Вологодская область, Ловриново... Адрес семьи — Вологодская область, Грязовец, улица 1 Мая, дом 77», — гласила записка, вытасненная из металлической капсулы, обнаруженной после взрыва, неожиданно раздавшегося неподалеку от поселка Яшкуль Калмыцкой АССР. Взорвался снаряд, пролежавший в земле почти тридцать лет. Следопыты местной школы-интерната, которым передали записку, нашли на месте взрыва полуистлевшие документы советских воинов, комсомольский значок, две медали. Сейчас они разыскивают родных погибших воинов...

Следопыты минской школы № 65 имени Героя Советского Союза Бориса Окрестина недавно принесли в школьный музей планшет с документами, принадлежавшими стрелку-радисту старшине Федору Андреевичу Силке. Они нашли его на месте гибели боевого самолета в годы Великой Отечественной войны. В планшете следопыты обнаружили комсомольский билет, знак участника боев за Хасан, удостоверение о награждении медалью «За отвагу». Ребята установили, что экипаж самолета в начале войны сбил в бою несколько вражеских машин. Разыскали школьники и родных Федора Силки: отца и двух сестер, живущих в селе Александровка Азовского района Ростовской области...

Случай спас медицинскую сестру Нину Чамину от верной смерти. Ураганный артиллерийский обстрел на минуту прервался, и она выбежала из операционной полевого госпиталя близ Кандалакши. Еще через минуту на месте блиндажа, где она жила, оказалась глубокая воронка. Среди немудреного имущества медсестры сгорела и гимнастерка с прикрепленной к ней медалью «За боевые заслуги».

Юные следопыты Кандалакши недавно нашли эту медаль, потом в городе Николаеве разыскали и Нину Чамину. Она работает старшей сестрой в больнице. Медаль № 63386 «За боевые заслуги» снова вручена ее владелице.

Музей истории борьбы за советский Север решили создать следопыты школы № 497 Невского района города Ленинграда. Они познакомились с экспозициями историко-революционных и военно-исторических музеев города. Потом встретились с ветераном 6-й армии Северного фронта Н. В. Епифанцевым. Он помог ребятам связаться с другими бывшими бойцами, освобождавшими советский Север от интервентов. От них следопыты получили фотографии, документы, вещи, записали воспоминания ветеранов. Так появились первые экспонаты музея.

Потом ребята списались с краеведческими музеями Архангельска, Перми, Свердловска и оттуда получили новые адреса, копии фотографий и документов. Так накапливался материал.

И вот в 1971 году следопыты открыли свой школьный музей. В экспозиции его два основных раздела: «Ленин и оборона Севера», «6-я армия Северного фронта, Северодвинская и Онежская военные флотилии в боях за освобождение советского Севера. На стендах представлены фотокопии постановлений Советского правительства по обороне Севера, подписанных В. И. Лениным, его директивы и письма. Вывешены схема Северного фронта, протянувшегося тогда от Уральских гор до берегов Ладоги, схемы боев. Среди многочисленных фотографий много портретов ветеранов гражданской войны.

Летом этого года отряд красных следопытов 497-й школы выезжал на места бывших боев.

МЫЗА КРОТЕ

Рассказ

Г. КАРПУШКИН

Сырой морской ветер порывами налетает из-за обнаженных оттепелью холмов. Над полями низко нависло мутное небо.

В окружении порубленного осколками сада, среди свежих воронок, догорают разрушенные строения хутора Слутури. Окрестности, где идут теперь бои, обозначены на полевой карте как мыза Кроте¹. Ветер стелет дым пожарища, разносит смешанный запах гари, сухой смолистой сосны, талого морского снега, вспаханной снарядами земли.

В раскрытом сарае, от которого, в сущности, остались одни стены, возле костра сидят трое: ординарец командира роты автоматчиков Черемисин, связист сержант Киричко и водитель тяжелого танка старший техник-лейтенант Конаков.

Над сараем проносятся снаряды. В проем стены сквозь редкие деревья хорошо видно, как встанут колючие фонтаны разрывов на сыром, подтаявшем лугу.

Привычное ухо среди свиста и грохота отчетливо различает и залпы своих батарей, и приглушенные выстрелы вражеских орудий, и прерывистое рыканье немецкого шестиствольного миномета, прозванного солдатами «ишаком». Мины «ишака», содрогая землю, рвутся с каким-то особым противным звуком.

Каменные стены сарая служат надежной защитой от пуль и осколков. Бойцы, конечно, не застрахованы от прямого попадания снаряда, но кто же «на передке» не пренебрегает таким маловероятным случаем!

Ординарец, полный курносый парень с покрасневшими от жара щеками, готовит обед для своего командира. Связист, нескладный сутуловатый юноша, увлеченно рассказывает о танковом бое под Прохоровкой.

— Ты говоришь, ни разу не видел, чтоб башни с танков слетали,— обращается он к Черемисину.— Посмотрел бы ты тогда на это побоище: прут друг на друга тысячи танков, пыль, грохот, лязг — не поймешь, что творится. Небо почернело, земля горит — кто наступает, кто отступает? И главное — деваться некуда: тут река, а там насыпь... И вот что удивительно! — продолжает Киричко, придвигая к бревну, на котором сидит, трофейный телефонный аппарат.— Башня сбита, металл не выдерживает — горит, а человек, смотришь, выскакивает из этого ада живым...

Старший техник-лейтенант, хоть и догадывается, что последние слова связиста больше адресованы к нему, не вмешивается в разговор. Он, подложив под голову руку, лежит на опрокинутых воротах. От его подпаленного на правом рукаве полушубка, от сырых, набухших и лоснящихся ватных штанов валит пар.

Утром, в самом начале атаки, его танк был подбит. Машина вспыхнула. Первым наружу выбросился наводчик. Вслед за ним из дыма вынырнул водитель Конаков и плюхнулся в снег, гася прихваченную огнем одежду.

Из открытого люка, бушуя, ломилось белое пламя. Огонь стремительно, кольцами, взлетал вверх. С секунды на секунду внутри могли взорваться снаряды...

Едва водитель с наводчиком успели залечь в луговую канаву, залитую жидким снегом, как воздух содрогнулся. Над головой густо заняли осколки.

Бой, между тем, уходил вперед, а вслед за танками шли полковые службы. Наводчик, у которого оказалось легкое осколочное ранение в руку, был тотчас отправлен санитарями в тыл. А насчет Конакова, три раза горевшего в танке за последние полтора месяца, с того времени, как он вернулся после ранения в свою часть, командир полка, подъехавший на

¹ Мыза — местечко, населенный пункт.

своей боевой машине, сделал особое распоряжение:

— Ты вот что, Конаков! Отправляйся-ка в штаб и принимай роту ремонтников. В танк мы тебя уж больше не посадим. Хватит испытывать судьбу.

И, усомнившись, что, может, не по-военному мягкий отдал приказ, добавил, вопросительно глядя на начальника разведки, очутившегося рядом:

— Так или не так я говорю, Еремин?

— Точно так, товарищ гвардии подполковник,— поспешно вытянулся тот.— Хватит испытывать судьбу...

Вот и остался на сегодня не у дел механик-водитель тяжелого танкового полка гвардии старший техник-лейтенант Конаков.

После Конаков ходил к догорающей машине. Сбитая взрывом башня лежала на земле. Бревном стелилась по снегу длинная танковая пушка с черным набалдашником — дульным тормозом...

Ходил Конаков и к тому немецкому орудью, из которого была подбита их машина. Вражескую пушку с одного выстрела подавил танк лейтенанта Федорова. Расчет 88-миллиметрового орудия противника окопался возле ветхой хозяйственной службы, что стояла неподалеку.

От взрыва нашего снаряда то ветхое деревянное строение рухнуло и загорелось. Возможно, что кое-кто из орудийной прислуги остался погребенным под обугленными бревнами. Конаков увидел только двух убитых. Первого, громадного немца, смерть наступила в окопе, откинутая навзничь голова лежала на глиняном бруствере, застыла запрокинутая рука с пухлыми рыжеволосыми пальцами, униженными золотыми кольцами. Множество золотых колец...

Второй немец, по-видимому, тяжело раненный, пытался, должно быть, уползти, но обломок упавшей горячей кровли преградил ему путь. Так и остался он лежать в позе пластуна.

В общем-то, это была обыденная для войны картина. Но сегодня — нервы, что ли, стали сдавать или просто не ко времени задумался? — все это странным образом подействовало на Конакова. Оставшись без машины, Федор испытывал такое чувство, будто потерял родных и кров. Мысли бессвязно текли в его отяжелевшей голове.

4 Конакова раздражало все: и то, что подбили их очень скоро, едва после арт-

подготовки выехали они с опушки леса, и то, что сорвало башню, которая даже и теперь, поверженная, на снегу, казалась невредимой и грозной. Раздражала нелепость: вот еще утром командир танка Слава Гусев, веселый, общительный, и заряжающий Иван Журавлев, известный в полку силач — еще утром это были живые, здоровые люди, а теперь... Как это уложить в сознании? Конакову все представлялось, что ребята целы, что они просто в отлучке; и он, пожалуй, несколько бы не удивился, а скорее, наоборот, посчитал более естественным, если бы сейчас, в эту самую минуту, сияя белозубой улыбкой, подошел к костру погреться Слава Гусев, с которым Федор еще только хотел подружиться и которому так мало успел сказать.

И еще — о чем бы ни думал Конаков — подсознательно его все время беспокоил приказ командира полка: принять роту ремонтников. Федор и остался-то здесь, у костра и телефона, потому, что ожидал, впрочем, безо всякой надежды: вдруг возьмет да и передумает гвардии подполковник и сообщит об этом сюда ему, Конакову.

— Линкс! — раздался за стеной звонкий голос.

В проеме показались двое пленных, с заложенными за спину руками, в сопровождении сержанта Баркова из роты автоматчиков.

— Вот где Ташкент! — Барков восторженно потер над костром руки, присаживаясь на бревно и отложив в сторону автомат.

В дни боев много обезоруженных немцев уводили в тыл, и не было к ним теперь такого интереса, как прежде. Пленные, которых привел Барков, стояли у входа, неловко переминаясь с ноги на ногу, по-прежнему сложив руки за спиной. Старший из них, мужчина лет сорока пяти, был в маскировочной куртке и егерской ушанке с длинным козырьком. На младшем, очень молодом, была новая зеленая шинель, туго подпоясанная ремнем с надписью «Gott mit uns» на белой бляхе.

Первым метнул озлобленный взгляд на немцев Черемисин:

— А ну-ка, голубчики, проваливайте от двери: весь ветер, фрицы проклятые, загородили,— ефрейтор стяхнул с закоптелой щеки слезу, набежавшую от евшего глаза дыма.— Барков! Ты привел —

так поставь куда-нибудь в сторону или уберайся совсем с ними отсюда!

— А ты мне не командуй! — вспыхнул сержант. — Возисься с котелками — и возись...

Этот гнев, отчасти нарочитый, никак не шел к красивому, добродушному лицу Баркова.

— Вот возьму и посажу их рядом!.. Ну, чего опешили? Садитесь, грейтесь! У костра всем места хватит, — предложил немцам конвоир.

— *Sitzen Sie sich, bitte!*¹, — произнес заученную еще в школе фразу Андрей Киричко, указывая пленным, где сесть.

Старший примостился в сторонке, на краю бревна, почти у самого проема. Младшего гвардейцы усадили ближе к костру, напротив Андрея Киричко.

Это был почти совсем мальчишка, по всей вероятности, из самого последнего призыва фольксштурма. Испуганно глядели из-под каски большие голубые глаза. Среди небритых, загубевших в боевой страде людей его безусое розовое личико выглядело особенно чистым и опрятным, как у прилежного школьника.

— Андрей, ты спроси — не осталась ли у него дома невеста? — ординарец проворно присел на корточки и стал быстро снимать пену с варева в котелке. Маленькие заплывшие глазки Черемисина сощурились в усмешке.

Андрей Киричко наморщил лоб, тонкие брови его сошлись на переносице.

— *Wie heißen sie? Woher sind Sie gebürtig?*², — начал он, как мог, допрашивать пленного.

— *Mein Name ist Heinrich Grimm. Ich bin aus Tilsit gebürtig*³.

Пленный, к удивлению Андрея, явно не реагировал на то, что к нему обратились на его родном языке. На вопросы он отвечал рассеянно, повесив голову и уставясь в одну точку. Однофамилец знаменитых братьев-сказочников в страхе все еще не мог, должно быть, осознать факта своего пленения.

— Барков! — сухо и строго сказал старший техник-лейтенант. — А интересно знать, как ты их поведешь? Видишь, что на лугу творится, все кругом простреливается...

— Очень просто, — Барков молоде- вато, на самую бровь надвинул добытую где-то офицерскую, пушистого меха шапку. — Автомат у меня в порядке, заартачатся — короткая очередь... И крышка! А в штабе доложу: так и так, мол, при попытке к бегству...

¹ Садитесь, пожалуйста.

² Ваше имя? Откуда родом?

³ Меня зовут Генрих Гримм. Родом я из Тильзита.

Техник-лейтенанту, как старшему по званию, подобало бы пресечь такие разговоры. Но Конаков отлично знал, что это просто-напросто бравада, что у Баркова, у которого сейчас, когда он нагибается, поправляя поленья в костре, из-под отворта фуфайки, позванивая, выскакивают две медали «За отвагу», у этого, быть может, лихого в бою автоматчика никогда не поднимется рука так вот запросто, с глазу на глаз убить безоружного человека. И скорее всего — никогда раньше он пленных вовсе не водил, а получил приказ доставить немцев в штаб первый раз за всю войну...

И потому Конаков ничего не сказал и лишь поудобнее повернулся на своих воротах.

К тому же, как он заметил, пленные ничего не поняли из этого разговора. Один, старший, спокойно сидел, откинувшись слегка назад, выставив вперед крутой, с ямкой подбородок. Другой по-прежнему был занят самим собой, все еще не воспринимал окружающего.

Андрей, между тем, начал и дальше выпытывать молодого немца. Оказалось, что только полтора месяца, как призван он в вермахт, и всего два месяца, назад встречал дома Новый год, когда русские стояли уже у Немана, против самого Тильзита.

«Всего два месяца!» — подумал Конаков. Два месяца назад он и сам был на Новый год в родном селе: прибыл из госпиталя в отпуск, по ранению. И сколь же много, казалось, прошло времени с того праздника! Какими событиями, подробно прожитыми в каждом своем грозном миге, он отдален от нынешнего дня! Конаков с усилием представил свою деревню, засыпанную снегом где-то в глуши, в рязанских лесах.

Как раз первого января, в понедельник, Федора вызвали повесткой в военкомат на медицинскую комиссию. День с утра выдался морозный, ветреный и хмурый. Слабая заметь белыми космами припорошила заледепелый санный след. С заснеженных крыш тянуло дымом. Федор ждал, пока ездовой заложит белоногого дончака, жеребенком отбившегося от табуна в сорок первом при эвакуации. К Федору подошла Наталья Шошкина.

— Приходи вечером к нам: Зинка приехала.

6 Федор ничего не успел ответить Наталье: едва сдерживая Белоногого, подка-

тил конюх дед Иван, не доверявший в чужие руки выхоленного им рысака.

— В добрый час! — отпустил дед вожжи.

Зацокали подковы. В лицо брызнул снег. Федор поднял воротник, отвернулся.

Дорога шла берегом речушки. Санки бросало на раскатах. Мимо плыли кусты ольшаника.

— В добрый час! — повторил дед, и Федор понял, что говорит это он неспроста. Тревожится старик, что вот вдруг снова заберут единственного вернувшегося с войны в их деревушку молодого человека.

Сам Федор об этом беспокоился мало. Домой он пришел с открытой раной. И хотя шрам на раздробленной голени теперь, правда, затянулся, Федор, не чувствуя перемен в здоровье, расценил вызов в военкомат как обычную формальность. Ведь случалось, даже одноногих — и тех, бывало, вдруг вызывали через неделю-другую на повторный медицинский осмотр.

Но не эти думы занимали сейчас Федора. В его мыслях был теплый воскресный майский вечер, в самый канун войны. Цветла черемуха. Ее густой горьковато-хмельной запах бродил по улице, где веселилась молодежь. То и дело в темноту ночи уходили пары.

Федор и Сашка Кравцов стояли с сестрами Шошкиными. Средняя, Зина, училась в районном поселке, там же, где в ту весну кончал десятилетку Федор. Разговор о школьных делах, видно, наскучил Зине. Она первая покинула компанию. Федор бросился ей вдогонку.

Что говорил он тогда Зине? Сейчас не помнит, просто, должно быть, бормотал бессмыслицу. Возле своего дома Зина спокойно, рассудительно сказала:

— Что ж, мне домой. Спать пора. Да и тебе тоже...

Вот, собственно, и все, что было тогда между Федором и Зиной. А по селу, тем не менее, ходили слухи: Федор, вернувшись с войны, потому не подходит ни к одной девушке, что ждет, когда придет из института Зинка Шошкина.

Тем временем дед Иван, въехав в районный поселок, заворачивал Белоногого к клубу железнодорожников, где заседала медицинская комиссия. В тот день туда было вызвано много народу, и Федор Конаков только к вечеру предстал перед врачами.

Вопросы Федору больше задавал военком: «В каких частях служил? Не назначили ли его, офицера, теперь, по возвращении из армии, на какой-либо ответственный пост?» Этот подход военкома — подход издавека — насторожил Федора. Поэтому, когда Конаков после зашел в комнату знакомой девушки-секретарши, чтобы узнать о результатах комиссии, в душе его уже поселилась тревога.

На столе перед секретаршей как раз лежало личное дело Федора. Девушка так сосредоточилась, что не заметила вошедшего. «Конаков,— читала секретарша вполголоса, удивленно вскидывая брови, и Федор скорее понял по ее губам, чем услышал: — Годен к строевой службе».

Такая неожиданная перемена в судьбе ошеломила Федора. По дороге домой он не замечал, как густо вызвездило небо, не замечал, что выплыла молодая луна, не слышал, как крихтел дед Иван, ерзая в санках. Федора удручало — своим известием он вконец убьет мать, которая воспрянула было духом, дождавшись сына с войны, после того, как получила похоронную на отца.

И все-таки, распрощавшись по приезду с дедом Иваном возле конюшни, Федор, не заходя домой, пошел к Шошкиным.

Новогоднее веселье было в самом разгаре. Среди девчат уже был один мужчина — Сашка Кравцов. В лейтенантских погонах, перетянутый ремнями. Федор слышал, что Сашка служит где-то неподалеку и часто приезжает на побывку.

Кравцов был весел, острит. Федор молчал, пил из наполненного до краев граненого стакана спирт-сырец, что делили в колхозе на трудодни наравне с другими продуктами. Краем глаза наблюдал за Зиной.

Теперь это была уже не та строптивая девчонка, худенькая и жиденькая. Возбужденный хмелем, Федор видел улыбающуюся Зину в каком-то радостном, смутном озарении.

Вот Зина о чем-то пошептала с Лидой — младшей сестрой. Они оделись и вышли из избы. И тотчас за ними — Кравцов. Федор вышел вслед, без шапки, накинув полушубок на плечи.

По стезжке, скрипя валенками, уходили Сашка с Лидой. Кравцов рассказывал, должно быть, что-то смешное, отчего слегка простоватая Лида беспрепятственно и громко хохотала. Зина стояла в расстегнутом пальто на крыльце и тихонько дви-

гала дверью, взявшись обеими руками за скобу. Она ждала, чтобы Федор начал первым разговор.

— Терпеть не могу тыловых крыс! — начал нехстати Федор.— Мать говорит: «Кравцов обнаглел до того, что пристроился служить где-то прямо на задворках; ночевать уж домой стал ездить».

Внимательно смотрят сквозь мглу зимней ночи большие темные глаза:

— Ты не обижайся, Федя, но мать у тебя — такой уж человек: если у нее убили мужа, то теперь всем чертям на свете должно быть тошно...

Не то, чтобы именно эти слова взбесили Федора. Нет! Ему вдруг стало невыносимо больно от укоров совести: у него лежит повестка в кармане, а мать в неведении томится дома одна, и каждая минута — Федор знает это! — проходит для нее в тяжелом, на этот раз верном предчувствии... Он готов был наговорить Зине грубостей, уйти домой, как вдруг почувствовал прикосновение — Зина робко пыталась поправить свесившуюся прядь.

— Ну, не сердись, не сердись,— взмолилась Зина.— Ни дать, ни взять — мама! Вылитая.

Федор тотчас оттаял: у Зины было такое страдальчески-милое лицо... Все тяжкие думы развеялись, как дым, перед головокружительным и невыразимым чувством первого поцелуя, перед близостью девушки, ее неожиданной покорностью.

Федор, дрожа, искал горячие губы — и целовал, целовал, целовал...

— Ну, хватит, Федя, хватит... Слышишь — кто-то идет...

Но Федор ничего не видел и не слышал.

— Федя... Ну, хватит же! Смотри, а то я буду кричать,— наконец пригрозила, вырываясь, Зина.

— Я не боюсь — кричи! — отступаясь, произнес Федор.— Хочешь, я сам сейчас подниму на ноги весь белый свет?

Он, одуревший от счастья, и впрямь был готов заорать во все горло, но Зина торопливо закрыла ему рот рукой.

— Тише же... Сумасшедший...

От костра в лицо пахнуло вдруг густым, едким дымом: ефрейтор Черемисин, снимая котелок, разворошил поленья.

— Нет, Андрей,— настаивая на своем, не унимался ординарец командира роты,— ты все же спроси у немца: осталась ли у него дома невеста?

Черемисин плутовато подмигнул своим масляным, совершенно скрывшимся в толстых веках глазом, добавил:

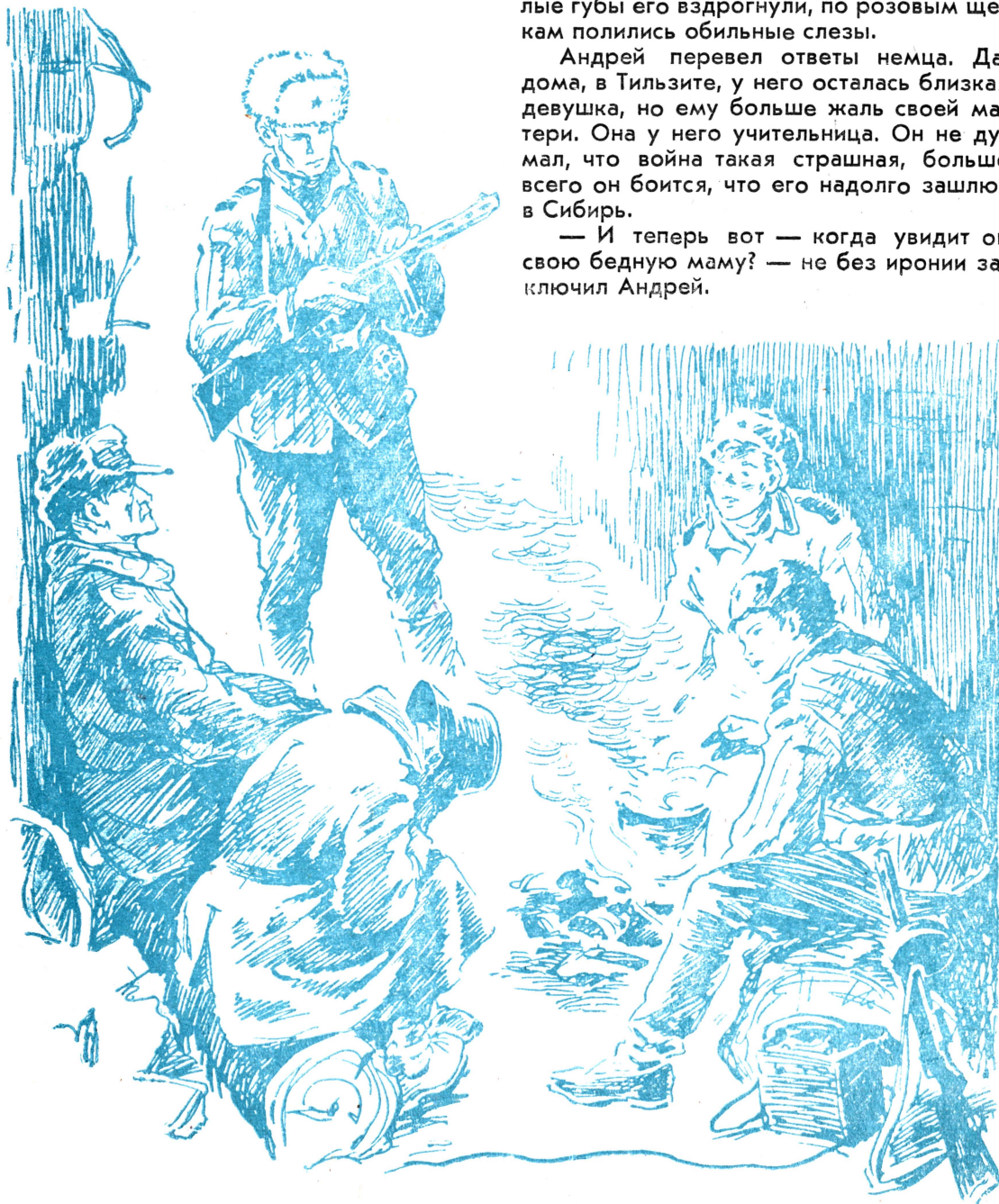
— Каких чудес на свете не бывает — может, еще придется проходить те края, так хоть одна знакомая да будет. Случится — привет можно передать...

Андрей Киричко, должно быть, хорошо освоился в разговоре с пленным. Федор, хотя и не увлекался в школе немецким языком, по немногим знакомым словам понял, что Андрей все-таки исполняет просьбы ординарца и что речь идет не только о девушке, но и о матери, о доме.

После какой-то произнесенной Андреем фразы пленного вдруг прорвало: пухлые губы его вздрогнули, по розовым щекам полились обильные слезы.

Андрей перевел ответы немца. Да, дома, в Тильзите, у него осталась близкая девушка, но ему больше жаль своей матери. Она у него учительница. Он не думал, что война такая страшная, больше всего он боится, что его надолго зашлют в Сибирь.

— И теперь вот — когда увидит он свою бедную маму? — не без иронии заключил Андрей.

— Подумаешь, неженка! — Барков исподтишка взглянул на немецкого парня, почти своего ровесника. — Моли бога, что жив остался! Сибирь ему, видишь ли, не нравится... Потом — что мы к нему одному пристали? Пусть выплачется! Андрей, спроси что-нибудь у пожилого — он-то кто такой?

Другой пленный встрепнулся: вроде бы понял, что обращаются к нему. Повернувшись к Баркову, он, к крайнему удивлению всех, заговорил по-русски:

— Я поляк, — сказал он хриплым от долгого молчания голосом. — Трошки розумию по-российски... Немножко...

«Вот тебе и на! — подумал Конаков, вспомнив слова Баркова насчет возможной крутой расправы над пленными. — Так, значит, этот поляк все понял тогда! Понял и — вот вражина! — не подал даже вида...»

— Я з Катовице. Моя ойчизна Шленск... Силезия, — продолжал между тем пленный солдат, по-прежнему обращаясь к Баркову. И не было в его глазах и в тоне разговора ни заискивания перед конвоиром, ни снисхождения взрослого человека к мальчишке. — Специальность моя... Як это — специальность?

— Да-да, по-русски тоже — специальность, — подтвердил Киричко.

— Специальность моя — не знаю, як то есть по-российски, але по-польски называется «górnik».

— Гурник? Это что такое — гурник? — Барков вопросительно поглядел на связиста: Андрей — он умный, все знает.

— Гурник — это, вероятно, горник. Горняк, шахтер, — сообразил Киричко.

— Шахтер? — подхватил Барков и, сопроводив свои слова тем жестом, будто взял в руки отбойный молоток, спросил поляка: — Уголек рубаете?

— Так есть, — сдержанно ответил пленный.

На этом интерес к пожилому солдату иссяк. Гвардейцы вновь взяли за молодого. Тот все еще всхлипывал, плечи его вздрагивали. Черемисин не спускал с него своих колючих, пытливых глаз. Немец, заметив это, посматривал на ординарца с беспокойством.

— Дитё! Совсем дитё! — рассудил Черемисин. — Маленький сынок, оттого и хлюпает... А что, Андрей, далеко ли от нас этот самый Тильзит?

— Тильзит? — переспросил Киричко, не понимая, куда клонит ординарец. —

Тильзит не так уж и далеко отсюда, по моему, километров сто, может, чуть больше...

— И там уже наши?

— Наши.

— А я к чему это говорю? Утром я заходил в дом на хуторе. Барахла там — всякого! Положим, взять вот сейчас: покопаться, подобрать парню пиджак, шапку... Стащить с него военную шкуру, одеть в гражданское — и пустить! А что — так ведь и дойдет до дому? Кому стукнет в голову проверить его: мальчишка идет и мальчишка...

Черемисину никто не ответил.

Старший техник-лейтенант поднялся, отошел от костра, заглянул в проем сарая, на луг. Артиллерийский огонь вроде бы ослабел.

— Барков! — крикнул Конаков тоном приказа. — А тебе отправляться не пора?

— Пора, товарищ гвардии старший техник-лейтенант, — быстро вставая, отчеканил автоматчик; он, видимо, и сам понимал, что засиделся в тепле, у костра.

Пленные поднялись, заложили руки за спины. Первым к проему шагнул пожилой солдат, потом молодой немец, а за ними — Барков, с автоматом на изготовку.

Конаков видел, как Барков, статный, быстрый, направляясь к лесу, повел пленных вдоль прямого и глубокого канала, по которому, как рассказывают, крестьяне-латыши отводят летом излишние воды.

«Молодец Барков! — отметил про себя танкист. — Соображает! В случае возобновления обстрела будет где укрыться».

Федор еще долго следил, как автоматчик конвоирует пленных, как все-таки беспечно, опрометчиво поступает он, подходя к немецким солдатам вплотную, а иногда и вовсе идя с ними рядом.

Они уже подбирались к самому лесу, и Конаков хотел было спокойно вернуться к костру, как внезапно разверзлось мгlistое небо, над головой — высоко и низко, справа и слева, — понесся, яростно нарастая, пронзительный зловещий свист, и земля содрогнулась от обрушившейся разом лавины. Лес и луг исчезли за стеной разрывов.

— Ну вот и начался сабантуй! — сказал Андрей Киричко.

Шквалы разрывов слились в сплошной, непрерывный грохот. Снаряды ложились

рядом, возле сарая, сотрясая стены и поднимая — бог весть откуда в такую сырость — пыль. В воздухе густо повис кислый пироксилиновый запах.

За стеной резко хлопнули выстрелы 152-миллиметровых пушек-гаубиц, вкопанных на бугре, на прямую наводку. Четким строем, снижаясь над сараем, пошли «утюжить» передний край немцев наши «ИЛы». С их черных тел, искрясь, соскакивали сиреневые огоньки; сверху доносились приглушенное рычание.

Теперь гвардейцам, сидящим в сарае, нельзя было пренебрегать опасностью: при таком плотном огне прямое попадание снаряда отнюдь не явилось бы случайностью.

Молча и по-прежнему угрюмо, вернувшись на свое место к костру, полулежал на воротах Федор Конаков. Ссутулившись, положив локти на колени и подперев ладонями острый подбородок, сидел — тоже молча — Андрей Киричко, уставясь задумчивыми глазами в одну точку. Все так же хватко, но с озабоченным выражением лица орудовал возле котелков, то и дело приседая на корточки, ефрейтор Черемисин. Мгновения проходили в тягостном ожидании. Казалось, никогда не будет конца этой щемящей душу, изнуряющей дуэли.

Артналет так же внезапно стих, как и начался. Собрав котелки, отправился разыскивать своего командира ординарец Черемисин. Собрался, наконец, идти в штаб и старший техник-лейтенант Конаков.

Сдвинув набок шлем, выпростав одно ухо, Федор пошел к лесу той же канавой, вдоль которой уводил пленных Барков. Как и все обстрелянные фронтовики, Конаков мог по звуку определить, куда летит шальной снаряд. Он знал: тех из них, что гудят долго и грозно, страшиться нечего — они проходят мимо. Близкий снаряд — тут надо быть всегда начеку! — издает коварно короткий свист. Вот и выбрал Федор себе такой путь, чтобы в случае чего не упустить мига — быстро броситься в укрытие.

Вечерело. Оттаявший днем снег теперь сковывал легкий морозец. Посыпала колючая крупа. Она шла полосами, как дождь в летнюю пору, — то затихая, то нарастая. Свежей белизной покрывался дуг, густо усеянный воронками и комьями вывороченной из них земли. Склонив голову, Федор торопко, мелкими быстры-

ми шагами продвигался по заледенелой кромке канала.

Что-то вдруг заставило содрогнуться Конакова: прямо под его ногами валялась окровавленная шапка. По голубому пышному меху, выеденному слипшимися пятнами, Федор угадал ушанку Баркова. Рядом, на проталине, лужицей застыли темные сгустки. Конакову вдруг жутко стало при виде этой густой крови, смешанной с грязью. Он настороженно поднял голову — прислушался, осмотрелся...

Далеко в стороне, в снежной завесе, из леса к передовой шли с термосами трое солдат, согнувшись от ветра и тяжести. Где-то за пригорком тихо визжал забуксовавший грузовик. Впереди, по дороге, сбоку рва, виднелся труп человека.

В голове молнией пронеслось — и неслепая, пустая угроза Баркова, и необъяснимо спокойное поведение пожилого чужого солдата, который, несомненно, слышал и понял эти слова, и досужая выдумка Черемисина — переодеть и отпустить мальчишку-фольксштурмовца... Само собой это наводило на жуткую догадку, удивительно простую и досадную от неотвратимости совершившегося.

Конаков, оглядываясь по сторонам, медленно приближался к убитому. «Странно, почему Барков оказался вдруг в шинели? На нем же был ватник! — недоумевал Федор, все больше тревожась и внимательнее про шаривая глазами все подозрительное вокруг. — И почему шинель немецкая, зеленая? Неужто?..»

Мысли Федора оборвались. В первую минуту, подошедши к убитому, он никак не мог осознать неожиданности: это был не Барков! На краю рва, возле небольшой воронки, лежал навзничь, раскинув руки, фольксштурмовец. Лицо его, недавно такое свежее, румяное, теперь стало прозрачно-синим; в побелевшую нижнюю губу намертво впелись два широких зуба; в глазах, застывших и остекленелых, застряли снежные мелкие горошки.

Набежала низкая туча, и дробно, с удвоенной силой, застучали крупинки. Словно живые, в каком-то несказанно веселом азарте, запрыгали они, высоко отскакивая от застывшей, иссеченной осколками шинели убитого.

В нескольких шагах от воронки Федор подобрал автомат Баркова, рукавом смахнул с кожуха смерзшийся снег. Автомат стоял на предохранителе.

Забросив автомат за плечи, Конаков

опрометью пустился к лесу все той же канавой, по дну которой, по заледенелому снегу широкой полосой пролегал кровавый, припорошенный след.

Придя в расположение штаба, Конаков первым делом отыскивал санитарную палатку, раскинутую в окружении вековых сосен. Сквозь брезент у ее входа сочился слабый свет. Благо, немецкая авиация теперь редко беспокоила тылы.

Федор быстро откинул полог, протиснулся внутрь; перед ним тотчас встала санитаринструктор Нина Халдеева, приземистая девушка с татарским складом лица.

— Что с вами? — встревожилась она. — Вы ранены?

Конаков, не отвечая, легонько отстригал Нину, прошел в палатку, ярко освещенную лампочкой-переноской. На нарах, застланных лапником и прикрытых брезентом, лежал Барков и рядом с ним — пленный поляк.

Осторожно ступая по мягкому, тоже застланному еловыми ветками полу, Конаков приблизился к нарам. Оба раненых спали.

Голова Баркова была так увита бинтами, что торчал лишь один его нос. На лице, малиновом от внутреннего жара, не заметно было следов мучительной боли: вероятно, Барков не приходил в сознание.

Поляк лежал в своей маскировочной куртке; поверх ее была ещеброшена наша, русская шинель. Сквозь распоротый до плеча левый рукав белела повязка. Кровь пятнами просачивалась через марлю. Правая рука поляка, бледная и худая, свесилась с края нарах. На запястье вздулась, часто пульсируя, синяя жила.

В палатке густо пахло хвоей, лекарствами, окалиной от топившейся временки.

Конаков снял автомат, положил его на нары возле Баркова, сам присел рядом, на ящик из-под снарядов. К раненым подошла Нина, поправила накиннутую на поляка шинель, положила удобнее свесившуюся руку.

— Этот вот немец, — вполголоса рассказывала Конакову Нина, — он-то и вынес раненого Баркова: под артолет угондили. У самого-то немца рука оказалась перебита, а таскал Баркова на себе. Спасибо, ребята из взвода управления их подобрали...

Конаков, задумавшись, почти не слу-

шал, что говорила Нина: ему и без того все было ясно.

— Немец много крови потерял. Дрожь его такая проняла, что я его уж и чаем поила-поила, и к печке ближе положила, и шинелью еще укрыла — никак не мог согреться. Только-только успокоился, уснул, наконец... Сейчас за ними машина из санбата придет, так гвардии майор передал мне записку, чтобы этого пленного лечили наравне с нашими бойцами... Рана у него не то чтобы опасная, но ведь все-таки пожилой человек...

Конаков взглянул на поляка. Он ему теперь не казался, как это было у костра, опытным, хотя на осунувшихся щеках его еще резче обозначилась густая щетина.

Какие-то неясные, дегские восприятия зашевелились в душе Федора при виде беспомощной фигуры поляка, при виде Баркова, который сейчас почему-то напоминал ему тяжело заболевшего маленького ребенка, принявшего на себя всем своим слабым существом, не осмысливая, всю тяжесть свалившегося на семью горя.

Федора, только что вышедшего с передовой, где на каждом шагу видел смерть, охватило умильное чувство ко всему живому: к пылающим щекам Баркова, к синей, вздрагивающей жилке на руке поляка, к живым, совершенно черным, с блестящими точечками огня глазам Нины, широко поставленным на ее скуластом лице, к домашнему уюту палатки, к этим милым запахам елки.

Помимо воли, стали чаще моргать его глаза, предательски задергался нос, и, боясь не совладать с собой, Федор решительно и быстро вышел из палатки.

В небе неслись, рассеиваясь, низкие тучи. Вершины сосен мирно шумели.

Федор провел ладонью по лицу: оно было мокрым. «Так что же это со мной? — стыдясь своей слабости, подумал он. — Этого еще не хватало...»

Кто знает? Быть может, военная судьба окажется благосклонной к гвардии старшему технику-лейтенанту Федору Конакову, и он останется жить. Когда-нибудь он поймет, что тут вовсе и не надо было бы перед самим собой стыдиться слез, если набегают они после навалившихся и пережитых бед. Это значит, что еще не иссушена, не убита душа; это просто-напросто отходит одеревеневшее сердце, которому дано еще познать счастье и радость жизни...

Рисунки В. Бубениčkова

Как-то, знакомясь с материалами, собранными красными следопытами Томторской школы в Якутии, я обратил внимание на фотокопию рейсового донесения капитана парохода «Ставрополь» П. Г. Миловзорова. Руководитель краеведческого кружка учитель Петр Николаевич Атласов сказал мне тогда, что этот документ адресован управляющему Дальневосточным отделением Добровольного флота и составлен более сорока лет назад. В донесении подробно сообщается о челегкем плавании судна, за месяц проделавшего длинный путь по волнам пяти морей — Японского, Охотского, Берингова, Чукотского и Восточно-Сибирского. Чем же заинтересовал этот документ якутских ребят? Как попал он сюда и почему так бережно, словно самая дорогая реликвия, хранится он здесь, в индигирском поселке?

И тогда Петр Николаевич показал мне стенд, посвященный памяти одного из пассажиров «Ставрополя», и целую папку различных документов о нем. Кто этот человек, о котором так усердно собирают материалы школьники Томтора?

Никто не знал его настоящего имени. В секретных директивах штаба белого адмирала А. В. Колчака он проходил под кличкой «Черный ворон» — по названию возглавляемого им боевого отряда томских партизан. Чего только не сулили за голову неуловимого «Ворона» руководители колчаковской контрразведки! Они и не подозревали, что разыскивают того самого человека, за которым не так давно охотились австро-венгерские жандармы и платные агенты российской охранки. Имя этого человека не удалось узнать даже потом, когда в застенках благовещенской тюрьмы его безуспешно будут допрашивать самыми «утонченными» методами «асы японской секретной службы».

12 Эрнест Светец. Под этим именем он и ушел в бессмертие. 24 сентября 1926 года Президиум

ЦИК Союза ССР посмертно наградил его, уже как командира героической Якутской экспедиции 3-го Верхне-Удинского стрелкового полка Первой Тихоокеанской дивизии, орденом Красного Знамени. А спустя сорок лет, 23 февраля 1966 года, якутские пионеры далекого оймьяконского поселка Томтор, расположенного на самом полюсе холода Северного полушария, на своем дружинном сборе решили: просить исполком местного Второго Борогонского наследного Совета начать сооружение обелиска Светецу и его боевым товарищам и ходатайствовать о присвоении имени Светеца Томторской восьмилетней (ныне — средней) школе.

К этому времени ребята уже располагали богатым документальным материалом о подвиге героя, похороненного на суровой земле Оймьяконья.

Дерзкая операция

...21 июля 1923 года в 5 часов 15 минут «Ставрополь» снялся с якоря. Не успел он доставить из Охотска экспедицию комбрига С. С. Вострецова, разгромившего банды Пепеляева, как вновь отправился пасмурным холодным утром в путь. Здесь, во Владивостоке, революционное судно, зафрахтованное Наркомторгпромом Якутской АССР, приняло на борт новый военный отряд из 50 красноармейцев. Ему предстояло следовать на Колыму, где свили гнездо недобитые отряды белогвардейцев. Под крылышком англичан, захвативших в 1921 году остров Врангеля, бандиты чувствовали себя в полной безопасности и чинили полный произвол. Нужно было спешить: навигация в северных районах подходила к концу.

В Анадыре отряд ждала трагическая весть о том, что почти все советские работники Колымского округа, а также члены Анадырского уездного ревкома, ушедшие в 1921 году на Колыму, расстреляны. Третьего августа, после отхода из Анадыря, отряд был приведен в состояние полной боевой готовности. 10 августа, во время кратковременной стоянки у поселка Уэлен, выяснилось, что колымский отряд белых насчитывает до 50 штыков и что в 45 милях западнее Северного мыса расположен склад американского капиталиста Свенсона с товарами и патронами, предназначенными для белых. Вскоре эти товары были конфискованы.

Нижне-Колымск был взят без боя. Об освобождении города сообщили «Известия». Белые банды окопавшегося здесь поручика Дервянова, узнав о приближении парохода, успели укрыться в глухих улусах. Главные силы их были сконцентрированы теперь в Средне-Колымске и Аллаихе. По словам чукчей, банды Дервянова, руки которого были обгажены кровью председателя Якутского губсовнархоза В. Д. Котенко, продолжали бесчинствовать в тундре.

Оставлять на произвол судьбы Нижне-Колымск было рискованно. Да и сам командир Светец к этому времени уже не мог двигаться. Тяжелая болезнь внезапно свалила его с ног. Видя, что ему не удастся принять участие в бою, Светец разработал дерзкую операцию по захвату логова белых, поручив ее выполнение взводу Игнатенко,

И вот туда, в Средне-Колымск, полетела радиодиаграмма, якобы от имени самого Свенсона: «Встречайте товар и патроны», а вслед за ней 21 августа на конфискованной у торговца Мальсагова шхуне «Уайт Маунтин» под американским флагом отплыл военный отряд, который возглавил боевой друг Эрнеста — военный комиссар В. З. Романовский (впоследствии генерал-полковник Советской Армии).

В ставке белобандитов в ожидании прибытия американцев царило веселье. Весть от заморского покровителя вселяла в них новые надежды.

26 августа 1923 года шхуну заметили на Шатулинской протоке, в семи километрах от города. Преодолевая сильное течение, она медленно продвигалась вверх. Ликующие деревянновцы высыпали на берег.

— Вот чертовщина! Эти Джоны, видать, здорово наакались! — недовольно морщился усатый бандит, первым заметивший, как «Уайт Маунтин», только что преодолевшую перекат, вдруг понесло вниз по течению. Все с нетерпением ожидали, чем закончится этот поединок корабля с бурной рекой. Вновь затарахтел мотор, на этот раз с перебойми. Но стоило судну почти выбраться с переката, как снова заглох двигатель. Так продолжалось почти два часа, до тех пор, пока напряженную тишину не взорвал голос откуда-то сверху.

— А ну, руки вверх! При попытке сопротивления все будет уничтожено! — раздалось с колокольни церкви, стоявшей на берегу.

Отряд красноармейцев, пробравшийся в город с тыла, к этому времени уже успел захватить радиостанцию и штаб белых, затащить на колокольню пулемет. Проклиная злополучную шхуну-приманку, которая теперь уже удивительно быстро приближалась к берегу, столпившиеся на пристани бандиты сдались без боя. Среди пленников оказались шесть офицеров и один полковник. Уже на следующий день на «Ставрополе» читали телеграмму об успешном захвате города. Потеряв Средне-Колымск, Деревянов решил изменить тактику.

В октябре Советская власть в Колымском округе, очищенном от белых банд, была полностью восстановлена. Первый Колымский окружной съезд Советов избрал председателем окрисполкома боевого соратника Светеца — В. З. Романовского. Многие красноармейцы пожелали остаться работать в Советах и кооперативных хозяйствах на Колыме. В свою очередь отряд пополнился за счет добровольцев из местного населения. В городе возобновила свою деятельность партийная организация и три комсомольские ячейки. Были организованы первые колхозы. Стала регулярно издаваться машинописная газета «Заполярная жизнь».

А тем временем разрозненные белые банды, потрепанные красноармейцами, видя бесполезность вооруженного сопротивления, ушли в тундру и тайгу, где притаились в надежде на лучшие времена. Некоторым белогвардейцам удалось даже пробраться в органы Советской власти.

Деревянов тщательно готовился для выступления в новом облике.

11 октября 1923 года в своем воззвании к населению матерый враг объявил себя командиром партизанского отряда, борющегося якобы за восстановление власти Советов. В Аллаихе вскоре появился созданный им «ревком». Этот

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

хитрый маневр удался: специальная комиссия ЯЦИК амнистировала деревянновцев, не распознав волков в овечьей шкуре. Окруженные и обезоруженные В. Романовским в Аллаихе, бандиты были отпущены на волю.

Через год недобитые белогвардейцы-пепеляевцы и якутские буржуазные националисты подняли голову в районах Аяна, Нелькана и Охотска. Особенно активизировались они зимой 1924—1925 года, когда закончилась навигация и трудно было послать воинские части на их подавление. Против Советской власти выступили черные сотни офицера Артемьева. Контрреволюционеры решили, что настал час расквитаться с «красным мадьяром»...

Оймьяконская трагедия

Поздним февральским вечером 1925 года председатель Оймьяконского улусисполкома Михаил Николаевич Винокуров (он же Индигирский) читал только что полученное им сообщение. Пароход «Ставрополь», вышедший за отрядом Светеца, застрял, зажатым льдами у мыса Шалаурова, и остался на зимовку в Чукотском море. Продовольственные запасы на Колыме подходят к концу. Населению грозит голод. Отряд Светеца вышел к Охотскому побережью зимним путем, разбившись на две группы. Один взвод численностью 16 человек под руководством командира двигался через Верхне-Колымск по тропе Черского. Другой взвод — 15 красноармейцев, возглавляемый Р. Игнатенко, — выехал в Приморье через Абый. Соединиться они предполагали в Оймьяконе, чтобы отсюда вместе двигаться в Охотск.

— Что ж, устроим героям достойную встречу! — довольно потирал руки предулусисполкома Винокуров-Индигирский.

Нелегко дался отряду Светеца переход через момские хребты. Ночевали в палатках. Утопали в лютых снегах. Не хватало продуктов и одежды. Половина бойцов была больна цингой.

Седьмого февраля Винокуров-Индигирский встречал красноармейский отряд с нарочитой радостью:

— Давно дожидаемся. Хотели даже на поиски выходить. Времена-то тревожные. В Сибири, говорят, снова восстание. Народ — как улей встревоженный. Ну, отдыхайте, отдыхайте.

— Да, чуть не забыл!.. — спохватился вдруг во время чаепития председатель. — В Охотск не ходите — город вот-вот падет, угодите прямо в руки белым и японцам. Ваша-то вторая группа изменила свой маршрут — идет на Якутск. И вас просила идти к ним на соединение.

Эрнест Светец еще не знал многого. О том, что второй взвод в 25 километрах от Абыя попал в засаду, что Р. Игнатенко с его боевыми товарищами погиб во вражеской ловушке еще одиннадцатого февраля около Арга-Тылахтаха и что оставшиеся после схватки красноармейцы находятся уже в плену у белых. Но каким-то шестым чувством Светец почувствовал недоброе.

Через три дня в таежном зимовье встретились двое.

— Ну, что?

— Сказал, как велели. Пойдут на Якутск.

— Поверили?

— Я им письмо для убедительности показал. Вроде — от самого Игнатенко. Подпись покойника подделал так, что никто и не догадался.

— Хорошо. Еще один счетик за нами. Деревянов будет доволен. Предупреди проводника: как только введет отряд в ущелье — пусть сразу переходит в голову колонны, иначе и он не уцелеет. Наши люди бьют без промаха.

После митинга красноармейский отряд вышел на Верхоянско-Якутский тракт. Олени бежали дружной рысью. Мартовское солнце освещало тайгу. Закутавшись в тулуп, — воспаление легких все еще давало о себе знать, — Светец любовался причудливым оймьяконским пейзажем. Путь пролегал по реке Индигирке. У крутого поворота, в 280 верстах от Оймьякона, русло реки стали сжимать сопки. Долина сузилась до четырех саженей.

Внезапно загремели выстрелы. Светец взглянул из кибитки и тут же упал, сраженный пулями, в снег. Полчаса в прижиме Сохсолах шел неравный поединок горстки красноармейцев с шестьюдесятью бандитами.

Так погиб Эрнест Светец. Это случилось между Кырынастахом и Брюнгядой 12 марта 1925 года.

После расправы с отрядом Светеца Винокуров-Индигирский приказал сбросить со здания исполкома красный флаг и поднять вместо него царский. Исполком был переименован в управу.

Но недолго длился пир белобандитов. Уже летом они были разгромлены.

9 сентября 1925 года, когда в Охотск из Оймьякона прибыли семь уцелевших красноармейцев и жена Светеца, стала известна во всех подробностях страшная трагедия, разыгравшаяся на Индигирке. А вскоре Советское правительство приняло решение о награждении Эрнеста Светеца, героя экспедиции на Колыму, орденом Красного Знамени...

Осенью 1966 года в поселке Томтор, у центральной усадьбы совхоза «Оймьяконский», по инициативе юных следопытов был воздвигнут новый четырехметровый обелиск из бетона. Стоит такой же памятник герою-командиру и в центре верхнеколымского села Арылах, на пути продвижения отряда Светеца из Верхне-Колымска в Оймьякон. Имя легендарного героя носят теперь Томторская средняя школа и центральная улица здешнего поселка якутских животноводов. На фасаде старейшего жилого здания Томтора укреплена мемориальная табличка с надписью:

«В этом доме в марте 1925 г. останавливался со своими красноармейцами командир экспедиционного отряда, имеющего своей целью ликвидацию белобандитских банд и установление Советской власти в Колымо-Индигирском крае, венгр по национальности, коммунист

СВЕТЕЦ

Эрнст Георгиевич
1892—1925 гг.

* *

Не один год юные томторские следопыты под руководством учительницы географии Акулины Иннокентьевны Васильевой ведут поиски материалов об Эрнесте Светеце и его отряде. Им удалось раздобыть личное дело и фотокарточку Светеца, установить имена многих красноармейцев. Отряд был интернациональным по своему составу. В него входили члены РКП(б): Вольф Рудольф Карлович, Галамбош Франц Матвеевич, Палашти И. И., Метцль Юзеф Антонович, Пашта Николай Николаевич и Криста Ф. Ф. (кандидат в члены РКП(б)).

Вместе с Э. Г. Светецем 12 марта трагически погибли З. Маркин, М. П. Кондраков, Н. Комягин, Ф. Сизов, Ф. Зудовский, В. Афоничев, С. Баранов, Н. Андросов и Д. Неустроев.

К сожалению, пока не удавалось установить точное имя и фамилию командира. Как уже говорилось выше, Светец — это подпольная кличка. На это указывал в своих письмах томторским пионерам бывший комиссар отряда Владимир Захарович Романовский. А подлинное имя? В различных документах оно разное: Эрнст и Эрнест, Эрне и Урнел. По хранящимся в краеведческом кружке воспоминаниям жены Светеца, скончавшейся несколько лет назад, ее муж был по национальности австрийцем, хотя все остальные данные говорили о том, что Светец — венгр.

Из материалов, собранных совместными усилиями томторских следопытов и историка Б. И. Мухачева, теперь стало известно следующее.

Эрнест Георгиевич Светец родился в 1891 году в бедной крестьянской семье в провинции Ваш. После окончания шестиклассной школы уехал в австрийский город Грац, где начал свою трудовую деятельность. Его брат служил во флоте морским офицером, в родном местечке Марокрэт оставались лишь мать и сестра Ирма. Когда в 1912 году Эрнеста взяли на военную службу и зачислили в 83-й австро-венгерский пехотный полк, за его плечами уже были шесть месяцев тюрьмы, в которую он был брошен за участие в революционной деятельности.

В 1915 году, находясь на русском фронте, Эрнест попал в плен и был отправлен в Сибирь. Два года работал углекопом в шахтах Кольчугина, вел здесь подпольную работу. Царские власти заключили Эрнеста в тюрьму, откуда его освободила Февральская революция. В 1917 году он вступает в Красную гвардию Томска и с оружием в руках ведет борьбу за власть Советов.

Уже в 1917 году Эрнест Светец был назначен ротным командиром, а в 1918 году — начальником отряда. Он участвовал в установлении Советской власти в Томске, Иркутске, Чите. В июле 1918 года Светец в составе Аргунского кавполка принимал участие в боях против белочехов сначала на Сесеновском, а потом на Иркутском фронтах. Во время отступления полка под натиском превосходящих сил врага Эрнест был захвачен в плен. Но ни тюремный застенок в Благовещенске, ни концлагерь для венгров не сломили волю бойца-интернационалиста, его решимость до конца бороться за власть народа.

В феврале 1920 года партизаны освободили пленных. В области была восстановлена власть Советов, и Светец сразу же приступил к формированию 1-го Благовещенского интернационального отряда, который в апреле вместе с коммунистическим батальоном влился в 1-й Благовещенский коммунистический полк. Здесь венгерский революционер, коммунист (Светец был принят в члены РКП(б) 12 марта) командовал ротой. Вскоре по приказу 3-й Амурской стрелковой

дивизии он сформировал отряд особого назначения и отправился с боевым заданием в Зилово.

21 июля Светеца назначили командиром экспедиционного отряда, отправлявшегося на Крайний Север для ликвидации недобитых банд Пепеляева и Бочкарева на Колыме. Это была его последняя боевая операция.

Следопыты Оймьякона не прекращают своих поисков. К ним присоединились краеведы Якутска и Зырянки, Арылаха и Усть-Неры, учащиеся Магаданской школы № 11. Магаданцы завязали переписку с проживающим в Хабаровске бывшим бойцом отряда венгром Августом Францевичем Гольдфингером.

По его сведениям, в 1920 году Светец был командиром полка интернационалистов в Амурской области, имя Эрнест и фамилия Светец — подлинные.

Недавно стал известен любопытный документ на венгерском языке, датированный 29 декабря 1920 года. Это — подлинник хранящегося в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма письма партячейки отряда особого назначения при 3-й Амурской стрелковой дивизии в венгерскую секцию агитпропаганды при облбюро РКП(б) Забайкалья о деятельности ячейки с сентября по декабрь 1920 года. Подписал письмо командир отряда Светец Эрне. А ведь именно в это время в этой же дивизии командовал отрядом Светец. И именно так — Эрне называли его между собой земляки.

Гольдфингер принял активное участие в поиске следопытов. В ответ на его письма, направленные в Будапешт генеральному секретарю партизанского объединения, а также в Венгерский партархив, пришло сообщение, что село Марокрэт, где родился Светец, находится на территории, входящей в Югославию, и называется теперь Маркович.

Интересны сведения, полученные от венгерского полпредства в Югославии. У легендарного героя нашлись старший брат Степан Светец и другие родственники. Полномочный представитель Венгерской Народной Республики просил передать свою благодарность томторским пионерам за заботу о памяти славного венгерского интернационалиста. Своей благородной работой они доставили немало волнующих минут родственникам Светеца, которые считали Эрнеста Георгиевича бесследно пропавшим и лишь только теперь, спустя 46 лет, смогли узнать о его судьбе.

Поиск, начатый якутскими школьниками, продолжается.

Виктор ХОХЛАЧЕВ

Рисунки Ф. Божко

ДАЛЕКО В ЗАПОЛЯРЬЕ ЗАСТАВА

В Свердловске стояла золотая осень, а всего в нескольких часах лету пронзительный ветер хлестал снегом скалы, под его порывами заруливший на стоянку самолет вздрагивал, рвался с тормозных колодок...

Непогода никак не отразилась на буднях пограничной заставы. Так же готовил завтрак повар, в Ленинской комнате шла политучеба, очередной наряд получал патроны, вскидывал на плечи автоматы и отправлялся в дозор.

Ефрейтор Юрий Рыжков

Так уж получилось, что в одном наряде оказались земляки. Это горьковчане сержант Павел Гуцин, ефрейтор Николай Хлытин и рядовой Иван Роговцев. Все они два года назад пришли на заставу, и теперь друзей «водой не разольешь».

Тяжело бьют холодные волны северного моря. На горизонте ни одного суденышка, но комсорг заставы Вячеслав Токарев — на своем боевом посту, на наблюдательной вышке. Здесь ветер особенно зол. Впрочем, это еще цветочки. Когда придут настоящие морозы, он станет страшен!

В любую непогоду не удастся недругу нарушить закон границы. Недаром эта заставка с честью носит звание «Отличной»...

Старший пограннаряда ефрейтор Юрий Рыжков вряд ли думал, что пойдет по стопам отца. Федор Андреевич Рыжков служил на дальневосточной границе и немало рассказывал сыну о своих друзьях. Мог ли он тогда предположить, что через несколько лет и его Юра тоже станет отменным пограничником, его наградят знаком «Отличник погранвойск» за задержание не одного нарушителя! Таким воспитала бывшего слесаря-ремонтника родная для него теперь далекая заполярная заставка.

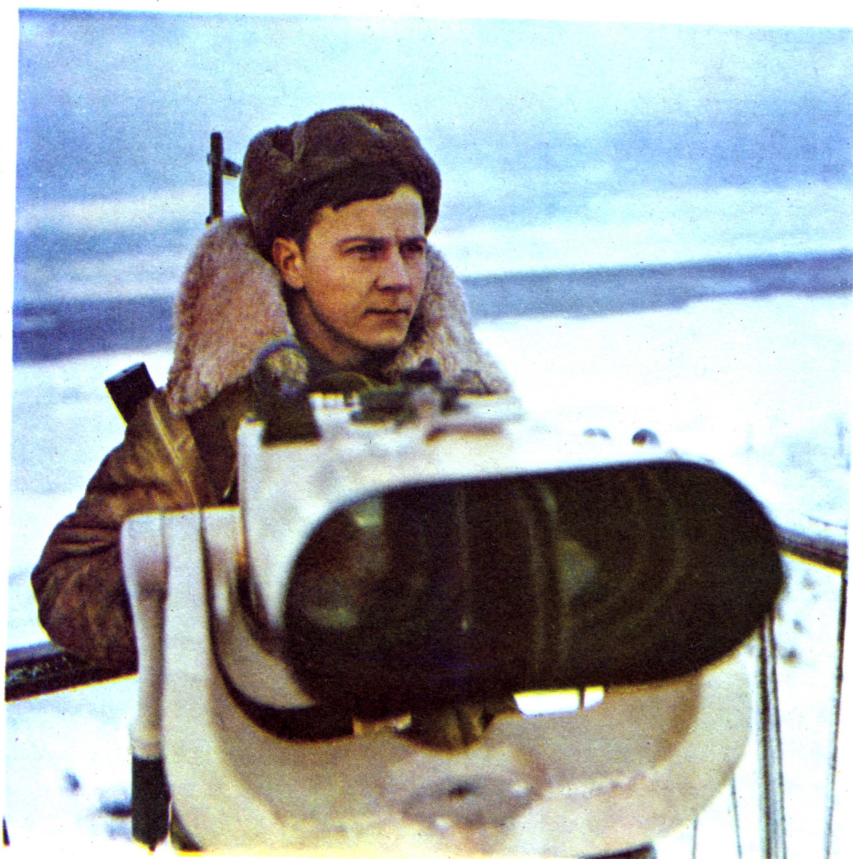
Здесь рано наступает ночь. В Ленинской комнате бойцы собрались посмотреть новый кинофильм. Скоро на заставе станет совсем тихо. Лишь ветер будет всю ночь буйствовать за окном, там, в этой снежной круговерти сейчас несут свою службу Юрий Рыжков, Павел Гуцин и Вячеслав Токарев. Они сегодня в наряде.

**А. НАГИБИН, спец. корр.
«Уральского следопыта».**

Фото автора

В пограннаряде

На наблюдательной вышке —
комсорг заставы Вячеслав То-
карев.

Искусство

советских республик

М. КЕНБАЕВ

ЛОВЛЯ ЛОШАДЕЙ

Автор картины. Молдахмет Кенбаев, родился в крестьянской семье, рано осиротел и с шести лет воспитывался в детском доме. Окончив Художественный институт в Москве, он вернулся на родину. В своих работах он стремится передать величие и раздолье казахских степей, органическую связь человека с природой.

Н. АБДУРАХМАНОВ

ТАЛЫШКИ

Талыш — горный хребет на границе Азербайджана и Ирана. Талыш — издавна обитающая здесь народность — только после Октябрьской революции перешли к полной оседлости, расстались с обычаями, сохранившимися от феодального и даже родового строя, став равноправными членами большой семьи народов СССР. Азербайджанский художник Надир Абдурахманов посвятил свою картину освобожденной женщине гор.

Н. РЕРИХ

Поход Игоря.

Единоборство Мстислава с Редедю.

Слава Гималаев.

РЕРИХ НА АЛТАЕ

Л. ЦЕСЮЛЕВИЧ

Рисунки автора

В Алтайских горах, в отдаленном селе Верхний Уймон, мне посчастливилось найти глубокий след, оставленный в народной памяти замечательным русским художником Николаем Константиновичем Рерихом.

Как известно, революция застала Н. К. Рериха в Сердобле, где он жил и лечился. После недолгого пребывания в Америке Н. К. Рерих отправился в длительную и небывалую по масштабу научно-художественную экспедицию через Центральную Азию, Гималаи, Тибет, Монголию до Алтая.

Почему он, художник и путешественник, выбрал именно это старинное горное русское село — Верхний Уймон?

И вот я в Верхнем Уймоне. Оглядываю не очень длинный ряд широко раскинутых изб. Массивные бревна, узкие окошки расположены высоко. Избы русского Севера. Впрочем, чему удивляться: жители многих сел Алтая — переселенцы из северной Руси. Здесь должны быть и старые народные одежды с вышивками, и расписные стены.

Секретарь директора Мультинского совхоза Матрена Лукьяновна любезно согласилась быть моим гидом, провести меня по домам.

Ведет она меня, во-первых, в дом своей матери. Дом просторный, большое место в нем занимает печь. Хозяйка, улыбаясь, достает из сундука старинные ткани, одежду.

В краеведческих музеях образцы крестьянской русской одежды, честно говоря, гораздо хуже, чем эти. Сарафаны ярких кашемировских тканей, вышитые на груди; яркого цвета «рукава», как здесь называют сорочки типичного древнерусского покроя; мужские косоворотки из красивых тканей и самое нарядное — «нарукавники». Их надевали по праздникам поверх сарафана. Они черного цвета, на них ярко горят богатые узоры вышивок. Одеясывались по праздникам и женщины и мужчины широко-

Н. К. Рерих

ми самоткаными опоясками, с пушистыми кистями на концах, со сложными узорами, со словами пожеланий. Есть специальные свадебные опояски, тонкие пояса ежедневные, широкие и нарядные праздничные вожжи. Богаты, как всегда, вышивки на ручниках, по-своему интересны и передники с полоской орнамента.

Матрена Лукьяновна ведет меня дальше. В одном доме сохранилась на потолке стилизованная роспись. Показали мне роспись стены у печки — типичный сюжет фантастических цветов в вазоне, с птичками наверху. В некоторых домах сохранились и двери, расписанные с обеих сторон цветами.

В таком стиле украшались в

древней Руси избы и все предметы быта — сундуки, шкафы, шкатулки, деревянная посуда и многое другое.

Росписи в селе Верхний Уймон исполнены смелой, уверенной, талантливой рукой. Говорят, что все эти росписи делала местная крестьянка Агафья Семеновна Атаманова, прозванная бабушкой Агашевой.

Необыкновенная это была художница. Сколько дверей, стен, печников и окон расписано ею?! И нигде не повторялась композиция узора и цвета. То смелой чуткой линией декоративные листья и светлые цветы наведены на фоне насыщенно-красной охры, то яркие красные, синие цветы и зеленые листья, голубые птички выделяются на белом фоне.

Агафья Вахрамеевна Зубакина

Иногда художница делала украшения орнаментальным узором, упрощая его до вариации кругов и точек.

Спрашиваю, во всех ли близлежащих селах так же много росписей народных умельцев? Нет, оказывается. Только Уймон славится росписями, ибо это село самое древнее — ему более трехсот лет.

Не это ли привлекло сюда и Николая Рериха? А может быть, и Рерих оставил здесь след? Спрашиваю об этом гада. Нет, она не знает, но Агафья Вахрамеевна Зубакина, племянница бабушки Агашевны, о каком-то художнике рассказывала. Идем к Агафье Вахрамеевне. Показываю ей портрет художника, напечатанный в каталоге-путеводителе, изданном Новосибирской картинной галереей. Спрашиваю, помнит ли она этого художника?

— Помню! — говорит. — Он, он... Юра сын у него. Какие хо-

рошие люди! Мало пожилы, а добра много сделали...

Агафья Вахрамеевна вспомнила многое. В доме ее отца, Вахрамея Семеновича Атаманова останавливался Рерих с супругой и сыном Юрием. Остальные члены экспедиции жили в другом доме. Появились они в селе на лошадях и пришли сюда через горы.

Разместились Рерихи на втором этаже, где были две комнаты, коридор, сени. Как о самых близких людях, она говорит о Рерихах:

— Шибко хорошие люди были. Разговорчивые. Сама была вся беленькая, светлая — и волосы светлые, и глаза. Длинный сарафан у нее был, долгая одежда. Широкое, очень длинное носила. Вся одежда здешняя. Возле окна обычно сидела. Писала. По младшему сыну скучала, плакала. Три года его не видела. Учился он где-то... Сам тоже весь светлый был. С белой бородой, в сером костюме, всегда тюбетейку носил. На улице поверх тюбетейки еще и шляпу надевал.

Меня они хозяйничать взяли. Сами выбрали. Готовила я им, малиновые пирожки стряпала, махонькие, махонькие...

— По горам с проводником часто ездили. Батюшка мой их водил, — продолжает свой рассказ Агафья Вахрамеевна.

Вахрамей Семенович Атаманов был известным в тех местах проводником. Не раз он водил путешественников по Алтаю. Сопровождал в походах знаменитого исследователя Алтая и Белухи Василия Васильевича Сапожникова. Был хорошим знатоком целебных растений, знал руды.

Рерих, который уже в студенческие годы был членом Географического общества, ви-

димо, знал по рассказам путешественников этого опытного проводника.

С Вахрамеем Семеновичем Рерих был очень дружен. Еще в 1916 году Рерих написал картину «Пантелей Целитель» — народного целителя, седобородого, добродушного, мудрого старика, знающего все целебные свойства трав, цветов, корней. В Вахрамее художник, видимо, нашел живой прототип этого своего любимого образа.

Водил Вахрамей Рериха и к Белухе. В горах художник делал этюды. Известна его картина «Белуха». Она находится теперь во Франции, в Лувре. Не в доме ли Вахрамея он ее писал?

— Все дома они снимали, горы, лес. Узорчатые опояски покупали, шибко им нравились они, — заканчивает рассказ Агафья Вахрамеевна. — Выпросили раз одеться мне в праздничную одежду — сарафан цветистый и по-девичьи шаль. Со всех сторон меня снимали. Юра сказал: «Будешь у нас по стенке бегать»¹.

Агафья Вахрамеевна считает, что она мало уже помнит, а вот дядя ее, Серапион Семенович, брат Вахрамея, что живет в Тихонькое, тот должен лучше помнить.

Матрена Лукьяновна показала мне дом, где жил художник. Только дом этот теперь одноэтажный. Его перестроили, нижний этаж раскатали. Крыльцо и верхний этаж, где жили Рерихи, остались те же. Теперь здесь детские ясли.

На следующее утро я отправился в Тихонькое. Дорога туда не сложная и не далекая. Собственно, Тихонькое и Верхний Уймон рядом, в четырех километрах. Только отделяет их горный кряж.

У плетня перед домом Серапиона Семеновича Атаманова привязана оседлая лошадь. Высок, худощавый, но плечистый старик с седой бородой постукивает молотком по наковальне, отбивает косу. Собрался, видно, на покос росистым утром, и лошадь у плетня ждет его. Сидит он величаво, ничуть не сутуло, несмотря на свои преклонные годы. Беседовать под голым небом с гостем в селе не принято, поэтому старик приглашает меня в дом.

¹ Юрий Николаевич Рерих снимал на кинопленту,

Дом в с. Верхний Уймон, где жил Н. К. Рерих

В комнате приятно пахнет воском. Хозяйка подает на стол большую крынку с янтарно-золотистым медом, свежеспеченный хлеб, молоко. Серапион Семенович берет на колени свою трехлетнюю внучку с опухшим от пчелиного укуса носиком и не спеша начинает рассказывать. Память у него, надо сказать, удивительная.

— Николай Константинович Рерих в середине августа приехал. С ним была жена Елена Ивановна, сын Юрий. Был и Морис Михайлович Лихтман с супругой Зинаидой Григорьевной. Они не похожи на Рерихов — чернявые. Два года уже путешествовали. Из Индии пришли через Тянь-Шань на караванах. У озера Зайсан ступили на нашу землю. До Омска приплыли по Иртышу. Потом в Москву ездили. Из Москвы сюда приехали. Наш брат Вахрамей водил их в горы за маральником, камни собирать. При мне Морис Михайлович камни опробовал. От агента «Заготпушнины» Лаптева пару пантов купили — плотных, небольших. Взяли обдумать, как обезболить процесс снятия пантов. Двенадцать дней здесь были. В конце августа уехали.

Познакомили меня в Верхнем Уймоне с Феклой Семеновной, сестрой замечательной народной художницы бабушки Агашевны.

Экспедицию Рериха Фекла Семеновна тоже помнит. «Очень умный, особый был человек», — говорит она о Рерихе. В разговоре участвует соседка, Капитолина Ипатьевна. Она жила рядом с домом Вахрамея. Капитолина Ипатьевна рассказывает о сердечных отношениях Рериха с Вахрамеем Семеновичем. Друг другу они очень доверяли. После из Индии художник прислал журнал, где была помещена фотография Рериха с Вахрамеем. Рерих очень полюбил Алтай. Хотел вернуться сюда жить. Вспоминает Капитолина Ипатьевна его слова: «Золотые здешние места. Через пять лет будем тут. Здешняя местность, как вчера

родилась. В любом ключе пей, безопасно...»

Познакомившись позже с дневником Н. К. Рериха, я узнал, насколько глубокое впечатление произвели на художника эти немногие дни, проведенные в алтайском селе. Вот строки из дневника Н. К. Рериха:

«Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?»

И о людях, о которых я много узнал в Верхнем Уймоне, он пишет с большой сердечностью:

«Вахрамей, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травы и цветки. Это уж неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветки, и где затаились корни, но он любит их и любит ими. И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом и гладит их и ласково приговаривает о их полезности».

Вторая мировая война помешала Н. К. Рериху вернуться из Индии. Умер художник, уже собираясь на родину, в 1947 году в Индии. Все свои картины он завещал России и Алтаю. Его сын Юрий Николаевич Рерих, крупнейший советский востоковед, привез их в СССР.

И как самое драгоценное Николай Константинович Рерих передал молодому поколению свой завет: «Вот, что завещаю всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Чтобы полюбить Родину, надо познать ее. Пусть познание чужих стран лишь приведет к Родине, ко всем ее несказуемым сокровищам.

Полюбите Родину всеми силами — и она вас возлюбит. Мы любовью Родины богаты. Шире дорогу. Идет строитель! Идет народ Русский!»

Матрена Лукьяновна
в народном костюме

Серапион Семенович с внучкой

ПРИЗВАНИЕ

В. КИБАРДИН

Рисунки В. Сыскова

На моей ладони «говорящая шкатулка» — первый в Советском Союзе и Европе микроприемник «Космос». Кто в свое время не засматривался на него, кто не мечтал заполучить! Для геологов и туристов, рыбаков и охотников — словом, для всех, кто часто бывает в пути, он просто незаменим.

«Космос», а вслед за ним еще меньшие микросуперы «Орленок» и «Рубин» сделали мои

земляки — радиостроители города Сарапула. Глядя сейчас на аккуратную коробочку, слушаая льющуюся из нее музыку, я слышу их голоса, вижу их лица, их руки — чуткие и умные.

К рождению «Космоса» причастны сотни людей самых различных специальностей. Мой рассказ об одном из них — ведущем конструкторе Николае Арсентьевиче Исупове.

Чудо

Колька метался в бреду. Как и старшего брата Мишку, свалила его оспа. Братья лежали на печи, мать к ним никого не подпускала: оспа — болезнь страшная. Зуд причинял невероятные страдания, Колька исцарапал ногтями лицо, и оно сплошь покрылось струпьями.

Мишка, похоже, начал поправляться, а Кольке было все хуже и хуже. Отец, возвращаясь с работы, подходил к печи, подолгу смотрел на сынишек и сурово молчал. А мать крестилась на икону, уговаривая бога не карать ее за прегрешения тяжкие и не отнимать жизни у «младенца Миколая». Однажды наутро Мишка проговорил с печки слабым голосом:

— Мам, а, мам! Чевой-та Колька такой холодный и не дышит?

Мать ахнула и бросилась к печи. Мишка с любопытством смотрел, как судорожно она ощупывает лицо, руки, худенькое тельце братишки. Трясаясь в рыданиях, мать приникла губами к приоткрытому Колькиному рту, словно надеясь вдохнуть в него ушедшую жизнь. Потом заголосила. Заплакал, испугавшись, и Мишка. Отец угрюмо сказал:

— Не убивайся, мать. Бог дал, бог и взял.

Вечером отец сколотил гроб. Со скорбной торжественностью сказал:

— Что ж, мать, будем укладывать сыночка. Домовину я ему сделал ладную, не пообидит.

Они осторожно взяли легкое тело — и тут Колька шевельнулся, открыл глаза.

— Мамка, ись хочю-у, — захныкал он. Малыш, конечно, не понял, отчего вдруг дрогнули отцовские руки, отчего побледнела и повалилась на колени, лицом к иконам, мать.

...Когда Кольке исполнилось девять лет, она сказала:

— Я, Миколушка, обет дала: коль оправишься от хворобы, то пойдем с тобой в пустынь святого Серафима и помолимся за твое спасение. Бог сотворил чудо: ты восстал из мертвых!

Она и не подозревала, что никакого чуда не произошло. Просто Колька, ослабевший от болезни, впал в летаргический сон.

...До пустыни (так назывались небольшие монастыри в безлюдных местах) они добирались долго: ехали на поезде, плыли на пароходе, потом добрую сотню верст шли по дремучему лесу. На третий или четвертый день перед странниками открылась обитель за высокой кирпичной стеной. С колокольни лился тихий умиротворяющий благовест. Вековые деревья подступали к монастырю вплотную, и оттого казалось, что все это не настоящее, а сон или сказка про колдунов и Бабу-Ягу.

Мать долго клала поклоны, прежде чем постучать в железные ворота. Подавленный таинственностью монастыря, затерянного в глухой тайге, суетливо кланялся и Колька.

Их встретил старец в ризе, с массивным золотым крестом на груди. Он милостиво дал поцеловать странникам сухонькую ручку, перекрестил их и спросил густым басом:

— С чем пожаловала, дочь моя?

Если бы Колька не боялся смотреть в его лицо, он бы увидел, что старец слушает мать то с недоверием, то с удивлением. Он несколько раз что-то переспросил и заставил снова рассказать о том, как ожил Колька. Наконец, настоятель молвил:

— На отрока снизошла божья благодать. Всевышний услышал твои молитвы, воскресил отрока. Молись, дочь моя, благодари господа коленопреклоненно. Ступай за мной в храм божий и веди

дитя. В проповеди своей буду держать речь о чуде, которое явил Иисус Христос...

Жили в монастыре больше недели. В их келью по вечерам заходил старец и допоздна беседовал с матерью. Как-то раз мать, когда остались одни, сказала Кольке со вздохом:

— Просит святой отец оставить тебя тут, сынок. Чтобы ты рассказывал верующим о своем воскрешении, в православной вере колеблющихся укреплял. Сладкую и покойную жизнь тебе обещает. Только боязно мне, Миколушка, бросать тебя тут — неразумен еще. Одиннадцать детей у меня, ты двенадцатый. Все как люди живут, будь и ты с ними, Миколушка, в затворничество тебя не отдам, сама на ноги поставлю. Завтра, благословясь, отправимся в путь. Что-то тесно у меня на сердце — не стряслось ли дома чего?

Настоятель обители простился с ними холодно, на Кольку даже не взглянул. Со зловещим лязгом захлопнулись за ними ворота.

Вот как круто могла повернуться Колькина судьба! Но не для отшельнической жизни, не для службы богу был он рожден, ждали его другие, земные дела.

...Едва они успели добраться до дому, как в заводе объявили — война! Старших Колькиных братьев забрили в солдаты. Вот отчего было «тесно» у матери на сердце.

Рабочий парень

Эта стройная башня, венчающая старинный заводской корпус на берегу пруда, цела и сейчас — ее берегут. Башню украшает арматура из нержавеющей стали, представляющая собой композицию из боевых знамен, оружия и воинских доспехов. Башня давно стала символом Ижевска, напоминая о том вкладе, который внесли ижевские оружейники в защиту Отечества в разные времена. Николаю Арсентьевичу она дорога вдвойне: в корпусе под этой башней он начинал свой трудовой путь.

...Войне не было видно конца, жить становилось все тяжелее, и пояс приходилось затягивать все туже. Через год после хождения в пустынь отец сказал:

— Собирайся, Колька, завтра отведу тебя на завод. Обещали мне приставить тебя к хорошему делу в штыковой мастерской.

— Да ты что, очумел?! — всплеснула руками мать. — Десять годков парнишке всего и здоровья нет, а ты уж запрягать его?

— Помолчи, мать. Не бреди душу, и без того тошно. Чай, не зверь, понимаю — рано мальчонке ляжку тянуть, но куда деваться-то? И не у нас одних так — полно на заводе мальцов. К тому же не без присмотра будет: Мишка с Васькой в той же мастерской, в обиду не дадут... Колька грамотный, три зимы в школу ходил, авось и в люди пробьется.

В мастерской работали бородатые дядьки и юнцы безусые, средних не было — те ушли на войну. Мастер, как и все, бородач, показал Кольке жестянку с выбитой цифрой:

— Это твой номерок. Без него тебя на завод не впустят, с завода не выпустят. Пришел утром — брось в кружку. Буду знать, что ты здесь.

Потом подвел к обитому железом верстаку, показал инструменты — тисы, напильники и зубила.

— Будешь обтачивать хомутики к штыкам. Мишка, Васька! Растолкуйте брательнику, что и как. Да табуретку какую ни есть сколотите ему — до верстака не дотянется, шкет. И поймите в виду: пока норму не сделает, номерок не получит, с завода не выйдет.

Заготовок Кольке навалили гору, а напильник был длинный и тяжелый. С утра до вечера — скрип-скрип, шир-шир. С нормой Колька, конечно, не управлялся, остатки дотачивали братья. В середине дня залиvisto звенел трензель: перерыв на обед. А весь и обед-то — горбушка хлеба с луковицей да кипяток из огромного чана. Не успел кружку выхлебать, как трензель звенит снова...

Бородачи требовали почитания и послушания, гоняли в лавку за махрой и водкой. Они тут заправляли всем — мастер только изредка на-

ведывался. От стариков зависели и заработок, и увольнение на денек в июльскую пору — накопить сена для кормилицы-коровы. Ижевские мастеровые происходили из крестьян, по-крестьянски и жили, да и сам-то поселок мало чем отличался от деревни, разве только тем, что полиции было больше.

Наконец, Кольке повезло: в инструментальный цех потребовались смышленные подростки — в ученики станочникам. Отец похлопотал. Арсентия Савельича, бывалого полировщика, на заводе знали и просьбу уважили, поскольку малец уже пообтесался, к тому же грамоту знал. Поутру в цех Колька торопился, словно голодный к праздничному застолью, теща себя мыслями, что вот теперь-то он станет завзятым мастеровым, как отец и старшие братья.

Но не тут-то было! Как и в мастерской, в голове здесь ходили старики — хмурые, молчаливые и прижимистые. Раскрывать свои секреты, в поте лица скопленные за десятилетия, они не

спешили. Кольку замечали лишь тогда, когда мучило похмелье. Кроме побегушек, они еще доверяли кипятить чай и печь картошку. А к станку — ни-ни. Даже чистить после работы не позволяли! Минул, может, целый год, пока один из фрезеровщиков не смилоствивился и не показал парнишке, как закрепляются фрезы, как выполняются простейшие операции.

А потом вдруг все переменялось. Бородачи спешно стали обучать подмастерьев настоящему делу, щедро делясь с ними своими секретами. Ларчик открывался просто. Наступили годы разлухи. Денег теперь не платили, а каждый получал талоны на паек. Вот дядьки и заставляли работать молодежь, а сами целыми днями гоняли чай. Кто как, а Колька — душа нараспашку — был довольнехонек: станок оказался, считай, в полном его владении. Кипучий, шустрый и смекалистый, он быстро наострил орудовать на станке так, что и старым фрезеровщикам за ним было не поспеть.

Колька-новатор

Важен и осанист был мастер Василий Егорыч! Носил какой-то невиданный мундир, такого на заводе больше ни у кого не было. Порядок в цехе соблюдал строго, не терпел, если кто-то сидел без дела. Стоило замолкнуть или перейти на холостой ход какому-нибудь станку даже в дальнем углу цеха, Василий Егорыч уже тут как тут.

— Шараша, ребята, шараша! — покрикивал он, приближаясь. «Шараша» — работай, значит. К одному токарю, колькиному ровеснику и тезке, так и пристало прозвище Коля-Шараша: очень уж часто обращал он на себя взоры Василия Егорыча.

— Надоел, старый хрыч, — плевался с досады Шараша. — Перекурить не присядь.

Колька лишь посмеивался, хотя и сам был не прочь и по заводу пошнырять, и со сверстниками поболтать.

А делали в тот год гайки — уж что-то очень много требовалось их заводу. Токари разрезали стальные прутья на плашки, потом каждую из них сверлили и внутри нарезали резьбу. На Колькину долю оставалась последняя операция: огранивать гайки. Каждую в отдельности закрепи, отфрезеруй пять граней, снимми... А токаря, как назло, шпарят и шпарят, успевай заготовки принимать, передохнуть некогда, а не то что бы там отлучиться.

И вот Колька пришел к мастеру. Тот встретил

с подозрением: не иначе, как отгул за работу в выходной хочет просить, а отгул сейчас дать никак невозможно.

— Василь Егорыч, — сказал Колька, — а может, нам те гайки наоборот делать?

— Как это — наоборот?

— Сначала прутья фрезеровать целиком, а уж потом их токарям передавать. Спорее работа пойдет.

Мастер долго поглаживал рукой окладистую бороду — соображал. Наконец, хмыкнул — не столько одобрительно, сколько виновато:

— А ведь и верно. Черт его бей, как это я сам не допер?

Тут можно бы и сказать: вот какой сознательный был Колька Исупов уже в двадцать втором году, вот как радел о производстве! Но как было — так было: Колька тогда думал больше всего о себе. «Номер» его прошел. Теперь он сам заваливал токарей работой и потом наслаждался свободой, фланировал по цеху руки в брюки. Правда, лафа эта длилась недолго: не таков был Василий Егорыч, чтобы позволить лодыря гонять кому бы то ни было, хотя бы и новатору: он нашел Кольке дополнительную работу, обратив тем самым его предложение на общую пользу.

Сам же Колька по-хозяйски болеть душой за общее дело научился позднее.

«Говорит и показывает Москва»

Тот случай с гайками не прошел бесследно. О Кольке даже взрослые рабочие теперь говорили, что он — парнишка башковитый. А главное, сам он уяснил, что на заводе можно не просто вкалывать от трензеля до трензеля, но и жить интересно, с умом.

И неважно, в каких должностях — в малых или больших — он с той поры перебивал за многие годы.

Легче, наверное, перечислить, чем он не за-

нимался. И все-таки в его душе оставалось место еще для «одной, но пламенной страсти»...

Недавно в «Удмуртской правде» промелькнуло коротенькое сообщение: ребята из школы № 14 г. Ижевска обмениваются радиосигналами с десятками стран мира, даже с Антарктидой.

Никого эта заметка не удивила, возможно даже, что многие не дочитали до конца. И правда, чему тут дивиться, если космические станции доносят до нас свой голос с Венеры и Марса. Более

того, мы не только слышали, но и видели, как ходят люди по Луне. Радиоприемник стал столь же необходимым и столь же обычным предметом обихода, как стул и стол. Чтобы поговорить с Антарктидой, достаточно записаться в радиокружок.

Но в годы юности Николая Арсентьевича такая заметка вызвала бы переполох. Потому что о радио знали только ученые, слегка разбирались в нем немногие любители, имели приблизительное представление начитанные люди. И едва ли не большинство, особенно в глубине России, разговоры о радио воспринимало как занимательную байку, не более.

...Мастер Василий Баранов вечно носился с какими-то журналами, газетными вырезками, в карманах у него чего только не было — шурупики, катушки из тонкой проволоки, клеммы. Над ним зубоскалили: в детство впал мужик, в ляльки играет, дурью мается. А он однажды разозлился и накричал на парней:

— Это вы, балбесы, время зря прожигаете. Карты да пьянка — вот и все ваши радости. А я соберу радиоприемник. Москву буду слушать.

— Так уж и Москву, — засмеялся кто-то. — Соседку Дарью ты услышишь, когда мужику своему косточки перемывать зачнет.

Наговорили друг другу с три короба и разошлись. Но Николая слова мастера заели. Улучив минутку, он спросил:

— Неуж, Василий, и впрямь Москву можно услышать? Ведь больше тыщи верст.

— Не веришь? На, почитай журналчик, тут башковитее меня люди высказываются.

Так все и началось. Николай прочитал, рассказал другим — и как-то само собой сколотился вокруг Баранова кружок. Теперь, получив зарплату, Николай бежал в магазин, покупал брошюры, книги, детали. Впрочем, на прилавке детали и материалы появлялись еще редко. Их приходилось добывать всякими правдами и неправдами. От полочки оставались рожки да ножки, жена Анна всплескивала руками, отец ругался, а мать причитала: она сыновней страсти панически боялась — разорит все семью!

На крыше Николай установил высоченную мачту, и крестьяне, проезжая узеньким переулком на сенной базар, раскрывали рты от недоумения: зачем на крыше эта проволочная метла? Он перекопал огород, устраивая заземление.

Наконец, наступило то утро, когда он, придя в цех, сказал друзьям:

— Москву ночью слушал.

Приемничек был простенький — детекторный.

И голос далекой столицы едва доносился сквозь шуму эфира. Но он был слышен, этот голос! И Николай радовался ему, наверное, не меньше, чем сам отец радио Александр Степанович Попов.

Потом приемников он собрал уйму, раз от раза они становились сложней и совершенней. Натешившись, отдавал аппарат кому-нибудь из друзей и, найдя в журнале заманчивую схему, принимался за новый. А это опять толкало его на погоню за деталями и материалами.

А тут заговорили о телевидении. Из фантастики оно превращалось в явь. Две радиостанции в Москве вели пробные передачи — одна посылала импульсы звука, другая — изображения. Журналы печатали схемы приемников. Исупов выбрал систему Брейтбарта.

Много потребовалось бы времени, чтобы описать все его мытарства. Достаточно сказать, что, добываясь четкого изображения, только дисков множеством отверстий он переделал из различных материалов штук полсотни. Три года из вечера в вечер он погружался в мир сложнейших расчетов, монтировал, вытачивал, сверлил, выпиливал. Квартира его стала похожа на мастерскую.

«Система» получилась громоздкая: два блока, каждый размером с нынешний «Горизонт», да еще третий небольшой ящичек. В нем-то и светился экран — всего со спичечную коробку. Однажды в полночь Николай, возбужденный и взволнованный, разбудил Анну:

— Смотри сюда!

Она, сонная, уставшая от хлопоты с детьми, ничего не понимая, глядела в угол, где стояла «система», а Николай колдовал над настройкой. В аппаратах свистело, трещало, улюлюкало. Вдруг эти звуки отодвинулись куда-то в сторону, и в комнате внятно прозвучал незнакомый голос: — Говорит и показывает Москва!

В молочно-белом квадратике возникли чело-веческие фигурки. Они порхали, кружились, грациозно плыли по сцене. Показывали балет. Все это очень напоминало чудесные андерсеновские сказки про Дюймовочку, красавицу танцовщицу из картона, эльфов и их короля...

Это было за пять лет до войны и за два десятилетия до того, как в Ижевске появилась телестудия.

В память о тех днях у Николая Арсентьевича сохранилась грамота Заочной всесоюзной радиовыставки, организованной журналом «Радио-фронт». «Особо отмечаем ваш экспонат...» — писал в сопроводительном письме председатель выставкома.

«Сделано русскими»

Отменным здоровьем природа его никогда не баловала. Да и сам он в ежечасной кипени забывал беречься, и случалось не раз, что к врачам попадал, уже когда не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Однажды в Москве профессор дал ему срок до смерти всего одну ночь. Но именно в то утро Николай Арсентьевич стал поправляться. Язва желудка и паралич горла... Болезни ломали, скручивали его, надолго привязывали к постели, укладывали на операционный стол. Наконец, он и сам понял, что с завода, которому отдал столько лет, пора уходить. И потому согласился поехать на Каму, в Сарапул, глав-

ным инженером промартели «Искра». Артель эту, совсем развалившуюся было, он поставил на ноги. Поставить-то поставил, да сам-то опять свалился. Определили ему пенсию по инвалидности.

В Сарапул еще в начале войны эвакуировался из Москвы радиозавод имени Орджоникидзе.

Один из инженеров этого завода как-то пришел к Исупову в дом и ахнул:

— Книг-то, книг у вас сколько! И похоже, все — по радио! Откуда? И зачем они вам?

— Да был грешок — занимался в молодости радиолубительством,

С того дня Дегтярев бывал у него постоянно: даже в заводской библиотеке не было таких книг, какие он находил у Исупова.

Николай Арсентьевич рад был новому собеседнику и охотно пускался в рассуждения о проблемах радиотехники, интересовался новинками и сам рассказывал о своей давней страсти. Вспомнил, что из покупных приемников был у него только один, да и тот он превратил в радиолу.

— И хорошая радиола получилась. Я даже собрался на завод написать об этом. Может, мол, учтут и сами будут такие выпускать. Да тут как раз война началась.

— Ну, а в приемниках нашего завода вы изъянов не находите?

— Не без того.

Николай Арсентьевич деловито выложил свои соображения. Дегтярев то соглашался, то возражал, а под конец заметил, что в общем-то все подмечено верно, на заводе об этом уже подумывают.

И вот однажды он предложил:

— А идите-ка к нам, Николай Арсентьевич, инженеров у нас не хватает..

Чем и смутил Исупова несказанно. Николай Арсентьевич долго молчал и сказал наконец с вымученной улыбкой:

— Ну что вы, какой из меня инженер? Спросят у меня в отделе кадров об образовании, что я им покажу? Справку об окончании трех классов церковноприходской школы?

Дегтярев был потрясен.

— Три класса? Не верю! Откуда ж у вас такая бездна знаний?

Исупов неловко пожал плечами:

— Учился самостоятельно. Всю жизнь.

...Его встретил заместитель директора завода. Разговор сразу принял такой характер, что Николай Арсентьевич догадался: его экзаменуют. И в своих ответах он намеренно все глубже погружался в тонкости радиотехники, показывая, что в этой области ничуть не уступает дипломированным инженерам. Заместитель директора не скрыл своего удовольствия и тут же позвонил в отдел кадров: оформите товарища Исупова инженером-конструктором.

О большем счастье Николай Арсентьевич не мог и мечтать: в лабораторию, где создавались новые приемники, он приходил с тем же чувством, что страстный книголюб, который вдруг получил свободный доступ в библиотечный фонд: копайся в книгах хоть круглые сутки, выбирай любые и бери сколько хочешь. В лаборатории, конечно, было все, что нужно радиоинженеру — только знай «твори, выдумывай, пробуй».

И вновь окунулся Николай Арсентьевич в заводскую кипень. Он засиживался вечерами за своим столом и, когда наступало время все-таки уходить, покидал лабораторию с неохотой, часто бывая в цехах, любовался работой сборщиков. Старый производственник, Исупов не переставал дивиться мудрой простоте и сложности технологического процесса, в результате которого из груды разнокалиберных лампочек, дерева и металла рождалась изящная, пахнущая лаком радиола. Он вспоминал ночи, когда корпел над схемой, собирая детектор, и усмехался: на каждый приемник он убивал многие месяцы, а то и годы, из заводских же ворот аппараты вывозили сотнями ежедневно.

Конструкторское дело — творческое. Подобно поэзии, оно требует таланта и знаний, целеу-

стремленности и настойчивости. Как не всякий грамотный человек может быть поэтом, так не всякий инженер становится конструктором. На первом же году новые коллеги Николая Арсентьевича поняли: у него талант. Он умел мгновенно уловить суть каждого нового задания, выполнять его быстрее других; его разработки отличались глубиной мысли, остроумием и неожиданной красотой. И потому уже через год он стал начальником лаборатории.

Чуткие его пальцы умели выполнять тончайшую работу. Он мог перебрать десятки вариантов (помните диски к первому телевизору?), пока не находил наилучший. И никогда не говорил о модели нового приемника «готова», если не довел ее до совершенства. Но уж коли говорил, так никто не сомневался, что сделано все возможное. За четверть века, что проработал здесь, он ни разу не сказал: «Можно бы лучше, да ладно, сойдет». И не терпел, если так говорили другие.

...На завод поступили транзисторы. Разговоров о них в лаборатории было много, но никто их пока не видел. Борис Шарапов, монтажёр, разыскал в журнале простейшую схему транзисторного приемника, взял от старой книжки корочку, вырезал в ней отверстия, на глазах у всех расставил транзисторы, на живую нитку соединил их — и это скороспелое сооружение заговорило! Боря чуть не заплясал от восторга и с другими ребятами пошел по цехам — показывать невиданный приемник.

С того дня Исупов, что называется, бредил транзисторами. Он перечитал о них все, что только можно было достать. И убедился — за полупроводниками будущее. Будь его воля, он немедленно отказался бы от разработки ламповых приемников. Но, увы! — транзисторов завод получал пока сущие крохи.

И все-таки Николай Арсентьевич решил сконструировать на них радиолу. Разрабатывал он ее между делом, хоть и не тайком, но так, что о ней знали немногие: в лабораторном плане этой разработки не значилось. Радиола получилась в несколько раз меньше ламповых и несравненно надежнее, долговечнее. Исупов пошел с нею к главному инженеру. Тот долго любовался ею, послушал на многих волнах — и вздохнул:

— Хорошая штука, слов нет. Да слишком дорога, не позволят нам ее в продажу пустить. — Увидев огорченное лицо конструктора, добавил торопливо: — Но ты не бросай, не бросай заниматься транзисторами, Николай Арсентьевич. Через год-два, судя по всему, завод все-таки перейдет на них.

...Однажды их обоих вызвали в совнархоз. Показали коробочку, которая свободно умещалась на ладони — и говорила. Это был японский микросупер. У Николая Арсентьевича даже руки затряслись, когда он брал его: с детства привык уважать тонкую работу.

— Эти приемники в большом ходу на мировом рынке, — сказал один из руководителей совнархоза. — Возьметесь освоить такой же? Учитите, это очень важно. Но предупреждаю: копировать нельзя. Нужно, чтобы абсолютно все в приемнике было оригинальное, свое.

Главный инженер мялся: слишком многое пришлось бы изменить в производстве; сейчас все отлажено, идет как по маслу, и неизвестно еще, что получится с микросупером. Исупов, увидев его колебания, сказал испуганно:

— Нет, нет, нельзя отказываться! Мы сможем! Руководитель совнархоза улыбнулся его горячности и подвел черту:

— Стало быть, беритесь. Транзисторы будут. Сколько надо?

Сам Николай Арсентьевич разрабатывал схему, а монтировал по ней Борис Шарапов — один из его лучших учеников. Друг друга они давно научились понимать без слов. Боря всегда знал, что требуется от него в эту минуту и что потребуется в следующую. Работал он как ювелир — ведь иные детали в карманном приемнике пальцами и не ущупаешь. А Исупов «увязывал» меж собой транзисторы. Они, между прочим, были с характерами, иные и на метр нельзя приблизить друг к другу, а попробуй их уложить в коробку из-под сигарет! Получается такое хитро-сплетение, что глянешь на печатную плату, и она кажется рисунком лабиринта из журнального раздела «На досуге».

К «Космосу» они подошли не вдруг, сначала были другие — интересные по замыслу, привлекательные на вид, подходящие по размерам, но в них что-нибудь да не устраивало Николая Арсентьевича. «Свет», «Север», «Смена», «Сувенир». Квадратные, круглые, продолговатые, все они вышли небольшими партиями. Выпускали их в продажу как пробные шары: что скажет покупатель, нужно ли ему «карманное радио»? Но приемники с прилавка исчезали мгновенно.

Наконец, Николай Арсентьевич сказал:

— Этот, пожалуй, пойдет.

Начиналась эра космических полетов, и новый приемник назвали «Космосом». Советский микро-супер. Маленький, поразительно компактный, принимал радиоволны на двух диапазонах, был

прост в обращении, имел достаточно мощный звук, его батареи легко было подзарядить от сети. Он с триумфом прошествовал по залам многих зарубежных выставок, нашел поклонников в разных уголках земного шара. Очарованным первопроходцем Вселенной Юрием Гагариным, англичане попросили назвать приемник — специально для продажи в своей стране — его именем. Газета «Дейли уоркер» восторгалась: «Удивительный миниатюрный транзистор. «Юра» — один из самых маленьких радиоприемников. Сделан русскими... Приобретайте, вам не придется покупать другой!»

Пресса называла его «экспонатом № 1», сравнивая с немецким «Микки». В ответ тем, кто заявлял, что русские идут вслед за японцами и якобы копируют их, один немецкий журнал konstатировал: «Здесь не видно японской школы. Кстати, там в последние годы конструируют хуже».

Да, это была наша, советская школа. Еще более яркое выражение она нашла в младших братьях «Космоса» — «Орленке» и «Рубине»: Николай Арсентьевич со своими помощниками добился такой компактности, что весь «Рубин» вместился в футлярчик величиной со спичечную коробку.

К Исупову шли тысячи писем. Его спрашивали, возможен ли приемник еще меньших размеров. И он отвечал: возможен, за конструкторами дело не станет, если будет разрешена проблема питательного элемента и громкоговорителя. «Уверен, что будущее за микроприемниками. Может быть, их будут носить, как часы, на руке или, как расческу, в грудном кармашке. Суперы будут нужны для того, чтоб слушать радио, не мешая другим».

Выигранный спор

Один из инженеров завода, побывав на родственном предприятии в Муроме, привез известие, взволновавшее его коллег: муромцы разработали для автомобиля «Жигули» новый приемник. При всех отличных параметрах он, к тому же, миниатюрен — всего с книжку малого формата. А это, конечно, же, очень важно, ведь и сама-то машина малолитражная.

Обсуждали известие с пристрастием, ревниво: сарапульцы тоже выпускают автомобильный приемник «Урал-авто» для малолитражки — ижевского «Москвича».

— Но заметьте, — вдруг сказал кто-то. — Муромский приемник, как и наш, только двухдиапазонный. Вот если бы ему еще и ультракороткие волны, то цены бы этому приемнику не было.

— Куда хватил! При таких-то габаритах.

— Думаешь, невозможно? Если с головой взяться...

И разгорелся спор. Почти все инженеры склонялись к тому, что большего, мол, чем сделали муромцы, уже не добиться и остается только проглотить пилюлю: они нас обошли. Но вот Анатолий Коренной, начальник лаборатории, стоял на том, что вместишь УКВ даже в это прокрустово ложе все-таки можно.

— Эх, был бы среди нас Николай Арсентьевич, — вздохнул кто-то. — Он-то бы сказал верное слово.

— То-то и оно...

Да, Исупова к этому времени уже проводили на пенсию. Проводили, как полагается, с добрыми, прочувствованными пожеланиями, с сожалением, что возраст не шутка. Николай Арсентьевич, как всегда, бодрился и шутил:

— Вот уж теперь-то я отведу душеньку на рыбалку. Вся Кама моя! Вы мне еще позавидуете.

Но все видели затаенную грусть в его глазах: ох как не хотелось ему уходить на покой, отдаваться старости, отдаляться от любимого дела, от привычной и столь, оказывается, необходимой кипени.

Он и впрямь днями и ночами пропадал на Каме, наслаждался рыбалкой, копался в саду. А сад у него был знаменитый на весь город.

Такова уж натура этого человека, что, увлекшись чем-либо, он стремится достичь того, чего добивается не каждый. Так было в свое время со сваркой: ради нее он покинул инструментальный цех. Так было с радио. Так стало и с садом. Исупов ухитрился развести двадцать восемь сортов смородины, вырастил малину, которая дает два урожая в год, и вывел собственный сорт яблок, не теряющих свежести всю зиму. Его помидоры — крупные, мясистые — распространились по всему Сарапулу, а на топинамбур приезжали смотреть агрономы.

Словом, он и теперь жил на полном накале, не терял бесплодно и часа времени. И все-таки с

нетерпением ждал тех двух месяцев в году, в течение которых разрешалось пенсионерам трудиться на производстве. Возвращаясь на этот короткий срок в лабораторию, он забывал обо всем и с головой окунался в заводскую жизнь. И только об одном жалел: о том, что за эти шестьдесят дней невозможно успеть выполнить серьезную самостоятельную разработку.

Но едва услышал Николай Арсентьевич о споре по поводу муромской новинки, как тотчас поспешил на завод. Ему рассказали, что было известно о приемнике.

— Ну, а схема-то его есть? — спросил Николай Арсентьевич.

— Ничего у нас нет, — с досадой сказал Коренной. — Только габариты и известны. Попробуем списаться с Муромом.

— А ведь ей-богу, — весело сказал Исупов, — можно сделать этот приемничек трехдиапазонный! Займусь я этим, а? Что скажете?

— Спасибо скажу, — улыбнулся Коренной.

А тут как раз и постоянную работу на заводе пенсионерам разрешили. Одно к одному!

С тех пор Николай Арсентьевич стал каждое утро аккуратно приходить в лабораторию, как ходил сюда прежде почти четверть века. Привычно усаживался за стол, раскладывал на нем инструмент, детали и не вылезал из-за него даже тогда, когда лаборатория пустела. Он всегда считал, что восьми законных часов в сутки конструктору слишком мало, чтобы успеть сказать в своем деле новое слово.

Знаете ли вы, сколь жестки требования к автомобильному приемнику? Он должен легко переносить тряску, жару и холод. А радиопомехи? Их создает, во-первых, сам двигатель машины. Во-вторых, они постоянно возникают в пути. Значит, надо эти помехи как-то убрать. А представьте себе, что вы въехали в город, в котором вещает мощная станция на средних волнах, а ваш приемник настроен на короткие. Если приемник плох, он заговорит голосом этого города. Вот и надо конструктору добиться, чтобы при любых обстоятельствах у приемника оставался свой голос. Наконец, важно и то, чтобы настраивался он легко и просто — водителю ведь некогда.

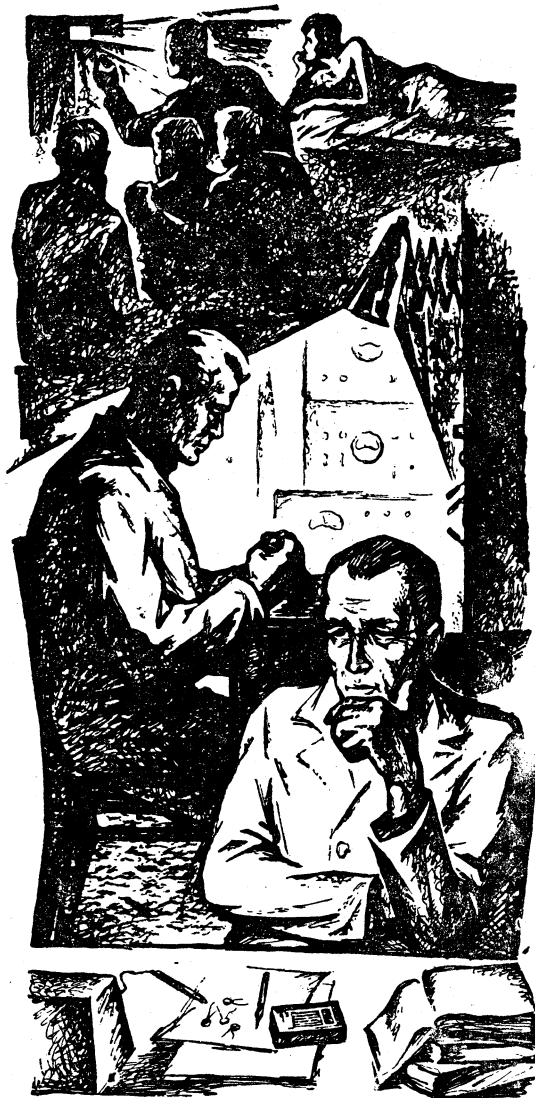
Все эти задачи стояли перед Николаем Арсентьевичем. Но вдобавок к ним он поставил перед собой еще одну, самую трудную. Дело в том, что диапазон УКВ неуживчив с другими, он всегда размещается на особицу, он как бы приемник в приемнике. Вот почему и считали коллеги Исупова, что усовершенствовать муромскую новинку не удастся: слишком уж мала для этого коробочка.

Целый год Николай Арсентьевич искал «свой» вариант расположения транзисторов. Целый год он только об этом и думал, — где бы ни находился, чем бы ни занимался.

И он нашел свой вариант. Когда его приемник — еще без привычной нашему глазу пластмассовой одежды, с обнаженным нутром — привезли в головной институт в Ленинград, там изумленно спросили:

— Кто??

...Я встретился с Николаем Арсентьевичем, когда все это уже было позади. Он прихворнул, «бюллетенил», но встретил меня радушно и без конца говорил, говорил... Это свойственно увле-

ченным людям — изливаться в вольном разговоре.

— Радиоприемник — не самолет, имя своего создателя носить ему не дано. Но в этом ли суть? — раздумчиво говорил он. — Суть в том, что люди-то будут довольны. Пусть они не знают, кто для них сделал его. Важно то, что сам-то я это знаю — и, не скрою, — от души рад.

В его доме все говорит о профессии хозяина. Уголок с инструментами, измерительной аппаратурой, приемники разных конструкций, книги. Впрочем, вся эта обстановка напоминает о профессии не только самого Николая Арсентьевича, но и всей семьи. Ведь четверо его сыновей — инженеры, все связаны с радиотехникой, готовят стать инженером и самый младший сын. Счастливы Исуповы своей одаренностью. Счастливы мы, что среди нас такие люди есть!

ТАНКОГРАД

В девятом номере «Уральского следопыта» в прошлом году учащиеся свердловской школы № 141 выступили с призывом — шире рассказывать о трудовых подвигах наших земляков-уральцев. Мы, рабочие, учащиеся ШРМ № 17 города Челябинска, горячо поддерживаем это обращение и предлагаем читателям журнала подготовленную нами страничку, рассказывающую о героическом Танкограде — городе, возникшем на Урале в годы Великой Отечественной войны.

Такого города не было ни на одной географической карте. Но город жил. В нем трудились мужественные люди. За тысячи километров от фронтов Великой Отечественной войны днем и ночью они стояли на боевой вахте и внесли огромный вклад в разгром гитлеровской армии.

Перед тракторостроителями Челябинска в начале войны была поставлена необычная задача — перестроить производство и вместо тракторов наладить выпуск тяжелых танков. И уже в августе 1941 года завод дал фронту танки КВ.

По распоряжению Государственного Комитета Обороны в Челябинск были эвакуированы Ленинградский завод имени Кирова и Харьковский дизельный завод. Вместе с Челябинским тракторным они образовали невиданный в истории город Танкоград. Необычным было его население. Вместо мужчин, ушедших на фронт, на завод пришли подростки и женщины. В заводской газете от 24 июня 1941 года крупным шрифтом было набрано: «Сами встанем за станки!» И дальше шли слова призыва женщин-служащих первого механического цеха. В музее завода можно увидеть фотографии тех, кто одним из первых овладел сугубо мужской профессией кузнеца. Это Ольга Жукова и Зинаида Калинина.

В Танкограде трудились пять тысяч подростков. Некоторым, чтобы дотянуться до станка, приходилось подставлять под ноги ящики. Таким был Вася Гусев, впоследствии ор-

ганизатор молодежной бригады, маленький герой, о котором была сложена песня «За горы, за уральские молва о нем идет...» Во время войны о нем рассказывалось в документальном фильме. За трудовой героизм Вася Гусев был награжден орденом Ленина. И теперь все рабочие знают Василия Васильевича Гусева — председателя райисполкома Тракторозаводского района.

В невероятно трудных условиях приходилось работать людям: мороз сковывал руки, замерзала эмульсия, застывала смазка, но никто не покидал своего рабочего места.

Комсомольцы Челябинской области, собрав 11,5 миллиона рублей, обратились к танкостроителям с просьбой изготовить на эти деньги танки КВ. Комсомольцы завода взяли этот заказ под свой контроль. По 14—16 часов работали люди и выполнили заказ досрочно. 23 февраля 1942 года двадцать три танка с надписью на башне «Челябинский комсомолец» были готовы.

Позднее была создана колонна «Челябинский колхозник».

В 1942 году танкостроители вышли победителями в социалистическом соревновании и завоевали Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Впоследствии оно присуждалось коллективу завода еще много раз.

1942 год. Враг рвется к Дону, Кавказу. Завод получает задание приступить к выпуску среднего танка Т-34. В невиданно короткий срок было начато массовое производство прославленных «тридцатьчетверок». Мощный, стремительный, послушный в управлении, танк стал любимой машиной в армии. «Ласточка» — так любовно называли Т-34 танкисты.

В том же 1942 году челябинским танкостроителям стало известно, что у фашистов появились новые типы танков — «Тигр» и «Пантера» и самоходное орудие «Фердинанд». С помощью этой боевой техники враг надеялся добиться решающей победы. В самый короткий срок наши конструкторы создали новый

тяжелый танк — ИС. Он стал грозой для фашистов. В приказе гитлеровского командования говорилось: «Стрелять по ним только из засад и укрытий. Избегать встречных боев с танками ИС».

Созданные в Танкограде танки участвовали в решающих боях с врагом до полного его разгрома.

Весной 1943 года был создан Уральский добровольческий танковый корпус. В Челябинской, Свердловской и Пермской областях формировались его боевые экипажи. Триста танкоградцев вступили в Добровольческий корпус. 9 мая 1943 года их провожали на фронт. А вскоре танкисты приняли участие в знаменитом танковом сражении на Орловско-Курской дуге.

10 мая 1945 года уральские танки прорвались в Прагу и освободили ее. Первым вошел в город танк № 23. Его командир Иван Гончаренко погиб в боях за столицу Чехословакии. Как символ свободы возвышается ныне стальная машина на гранитном пьедестале в Праге.

Родина высоко оценила подвиг Танкограда, давшего фронту тысячи танков и самоходных орудий. В мае 1945 года Государственный Комитет Обороны передал коллективу на вечное хранение два Красных знамени. Завод награжден орденом Красной Звезды и орденом Кутузова 1-й степени. Последняя награда свидетельствует о том, что труд танкостроителей приравнен к действиям на поле боя, так как орденом Кутузова награждают за проведение важной стратегической операции.

Поэт Николай Тихонов писал о нашем заводе:

Ты выстоял средь испытаний
грозных,
Ты не склонился гордой
головой,
Привет тебе, завод
орденоносный,
Рабочей славы витязь боевой.

Учащиеся ШРМ № 17,
В. ТИТОВА, преподаватель

* * *
Отвергнув нежности службиста,
Его великие дела,
Ты словно бы отвергла пристань
И в море

шлюпочкой ушла.
О, как тебе пришлось непросто
Среди прожорливых глубин,
Пока тебя не встретил остров
Моей нечаянной любви.
Здесь переждать не помешают
Петерю веры и руля.
Пусть для тебя и не Большая,
Но это все-таки
Земля.

Ты здесь найдешь
по трое суток
Не утихающий прибой,
И рыбок в водорослях смутных,
И белых чаек над собой.
И, как ни горько будет это,
Но если затоскует взор —
Во все четыре края света
Ничем не скованный
Простор.

* * *
Мои долги подсчитывал собрат.
Я размышлял уже не без причины:
Не зря его пристраивали в сад
И в школе арифметике учили.
Как нравится ему слова крутить,
Вообразив себя судьей со стажем,
И — с паузами —

мерно говорить
И превосходство чувствовать...
Над старшим.
Нет, он не из пустых воображал,
Он чужд высокомерию и барству.
Но я катастрофично задолжал
И матери,
И даже государству.
И в голосе его звучит металл,
Слова едва влезают в рот: большие!..
Как сладко обнажать долги чужие,
Пока своих еще
Не осознал.

* * *
Еще об уходящем не тужу,
И возраст мой листом не пахнет палым,
Как будто в скором поезде сжужу,
А дни мои мелькают, словно шпалы.
В крови светло горит звезда пути,
Движения стеснительно-неловки,
И спутнице

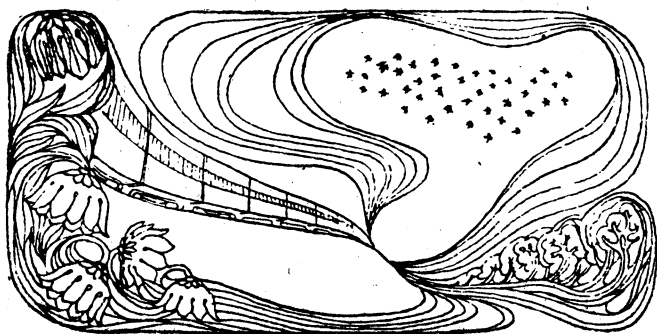
не больше двадцати,
И не видать конечной остановки...

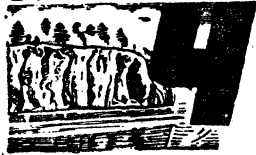
* * *
Катятся тяжелые колеса,
Ухают железные мосты
И, смежив глазенки,
на откосах
Вздрагивают ранние цветы.

Провода дрожат от напряженья,
Брызжут искры с проволочных жил.
Грохот безоглядного движенья
Всей округе уши заложил.

...Я, устав от бешеной погони,
Взял и где-то вышел наугад.
Просто захотелось сердцу вспомнить,
Как же колокольчики звенят.

* * *
Искать себя, как хлеба ищут.
Мечась и мучаясь, искать,
Как на ревушем пепелище
Детишек малых ищет мать.
Искать себя зимой и летом,
Средь всех ветров и непогод,
Как ищет малого просвета
Попавший в бурю самолет.
Искать, умнея понемногу,
Сбиваясь в сторону опять,
Нащупать верную дорогу.
Найти себя! И не терять!

ЖИВАЯ ВОДА

К середине лета — в июле, в штабе операции накопилась солидная папка отчетов, донесений и сообщений следопытских отрядов, краеведов и природолюбков. Группа членов штаба операции решила пройти на лодках по реке Чусовой, чтобы своими глазами взглянуть на то, о чем писали участники операции.

В поход отправились главный инженер североуральской водной бассейновой инспекции Владимир Евгеньевич Окунев, писатель Борис Степанович Рябинин, пермский художник Анатолий Николаевич Тумбасов, работник обкома комсомола Сергей Анисимов. К ним примкнула и я.

* * *

Наше путешествие началось с Коуровской турбазы, которая вот уже тридцать пять лет принимает туристов со всех концов страны. И если когда-то база состояла из двухэтажного домика около скалы «Собачьи ребра», то сейчас здесь вырос целый городок с капитальным зданием, летними коттеджами. Но и этого уже становится мало. С каждым годом сюда съезжается все больше и больше любителей природы. Только этим летом по Чусовой прошли 1700 человек. Нам рассказали о том, какой будет база через несколько лет, сейчас составляется проект ее генеральной реконструкции.

На турбазе людно. Студенты из Ленинграда, рабочие из Москвы, школьники из Перми — все стремятся поскорее отправиться в путь. Носят по крутой деревянной лестнице, ведущей к берегу, плотно набитые рюкзаки, палатки, весла. И особенно тщательно осматривают лодки, на которых предстоит пройти трехсоткилометровый путь. Густо пахнущие смолой, свежим деревом, они готовы к спуску на воду. Последние наставления, прощание с базой — и лодки одна за другой отчаливают от берега.

В этот день сеял мелкий, холодный дождь. Чусовая посерела, поблекли краски камней-бойцов. Но потом, когда мы сами отправились в путь, поняли, что свинцовое небо, низко нависшие тучи еще больше подчеркивают суровую красоту реки.

И если вдруг съедет где-то лодка на мель, то, право же, порой виноваты в этом не столько неопытность рулевого или нередкие здесь перекапы и таши, а именно эта красота, ибо трудно отвести взгляд от живописных берегов.

Наш «лоцман» — человек опытный. Для Владимира Евгеньевича Окунева вода — родная стихия. Всю войну прошел он с морской пехотой. Много лет работал на участках речных путей Тобольска, Салехарда, сейчас главный инженер бассейновой инспекции. Каких только озер и рек не перевидал он. Казалось, чем можно удивить бывалого речника, но и он был захвачен своеобразием Чусовой. Правда, на мель он посадил нас только один раз за все время пути, — вот что значит опытный рулевой.

А вот художнику нашему Анатолию Николаевичу Тумбасову весла доверять было опасно — то и дело он выпускал их из рук и хватался за карандаш, боясь упустить хоть одну скалу, — настолько они необычны по форме, непохожи друг на друга и каждая красива по-своему.

Не знаю, откуда пошли названия скал (каменной, как их здесь зовут), но они очень метко характеризуют эти причудливые создания природы: «Гребешки», «Боярин», «Шило», «Висячий», «Богатырь»...

К сожалению, туристам чаще всего приходится полагаться только на свое воображение — «имен» камней они не знают. Когда-то, еще много лет назад, на некоторых скалах были укреплены таблички с названиями. Сейчас они стерлись, потемнели, порой без бинокля невозможно их разглядеть.

И уж совсем наивно ждут туристы, что вдруг покажется указатель, рассказывающий, например, о наиболее удобном привале, о чистых ручьях, о притоках реки, о названиях населенных пунктов. Нет ни одного такого указателя. А ведь водный маршрут по Чусовой — это всеобщий маршрут. Приезжают люди, которые, может быть, даже и не слышали раньше о реке, не знают ее богатой истории. Турбаза в лучшем случае снабжает картой-схемой руководителя группы, а на остальных лодках, растянувшихся по реке, только догадываются о достопримечательностях Чусовой.

Туризм по Чусовой стал массовым, и назрела необходимость в том, чтобы придать ему познавательный, а не только спортивный характер. Кстати, и туристы, наверное, бережнее относились бы к реке, не засоряли ее берега, не рубили лес, если бы знали, какую большую работу ведут уральцы, пытаясь вернуть Чусовую ее мощь и красоту. Ведь бережное отношение к богатствам начинается тогда, когда знаешь цену им, когда дорожишь тем, что тебя окружает.

* * *

Сотни лет Чусовая кормила и поила уральских людей, несла на себе плоты и барки с товарами, крутила машины, помогала плавить металл. Наконец, давала возможность любоваться своей красотой. А что она получала взамен? Ее заполняли отбросами леса, в нее сливали грязные отходы, уродовали ее берега. И река стала выбиваться из сил — терять свою мощь и красоту.

«Название Чусовая происходит от искаженного пермяцкого «Чус-ва», что означает «быстрая вода», — писалось тридцать пять лет назад в путеводителе. И еще там есть такая фраза: «Это типичная горная река с быстрым течением, чистой прозрачной водой». Не прошло и четырех десятков лет, а Чусовую уже не всегда назовешь быстрой рекой, застаивается ее течение, затянулась она водорослями, помутнели ее воды. К началу операции «Ч» свыше двадцати предприятий только одной Свердловской области сливали и сбрасывали в Чусовую свои отходы, не особенно задумываясь над их очисткой.

Уже много говорилось и писалось о том, какая огромная работа была проведена за последнее время по спасению Чусовой, какие большие планы еще предстоит осуществить. И сейчас мы увидели своими глазами, как оживает река. Еще на Коуровской турбазе мы услышали радостную весть — вода в Чусовой снова становится чистой, снова можно ее пить. Жители, как мы в этом убедились в селе Чусовском, перестали рыть колодцы. Да и мы сами все время готовили обед на чусовской воде. И еще важная новость — на пути то и дело попадались рыбаки с удочкой в руках.

Нельзя не радоваться этим переменам. И тем более тяжело смотреть на то, что пока еще портит Чусовую.

* * *

...Тихо на реке. Солнце здесь рано скрывается за скалы. Вдруг безмолвие вспугивают выстрелы... Гремят они за селом Курья, за селом Трека. Охотничий сезон еще не открыт, а браконьеры уже вышли на охоту. Что им окружающая красота, охрана природных богатств?

А вот браконьеры другого рода. В Староуткинске по берегам сушатся сети. Для ловли той самой рыбы, которая только-только появилась в реке и еще не успела обжиться, размножиться. Браконьеры уже накинулись на нее с сетями, с запрудами, с «мордами». И так бы хотелось, чтобы пионеры, комсомольцы причусовских сел и городов не давали бы этим хищникам спокойной жизни — установили бы постоянно действующие посты по охране чусовских богатств.

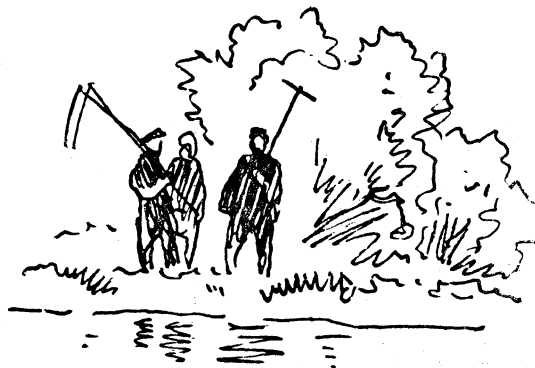
* * *

Тяжелее всего было смотреть на так называемый индустриальный пейзаж, вдруг ворвавшийся в гордую красоту скал. Наш рулевой даже бросил весло и схватился за фотоаппарат — настолько неприглядна была открывшаяся картина.

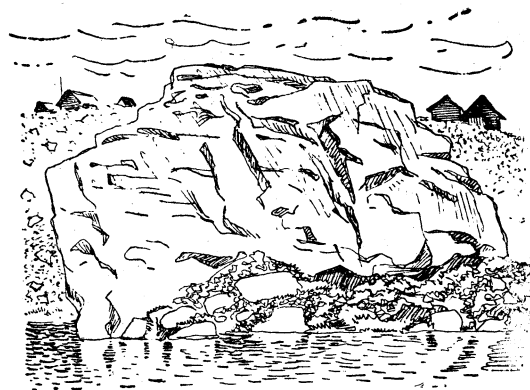
Сразу же за Старой Уткой мы натолкнулись на проволоку, протянутую от берега до берега, а на ней табличка с суровой надписью, что в та-

Коуровка

Река Чусовая

Камень Шайтан

кие-то и такие часы проход для лодок закрыт, идут взрывные работы. Метров на полтораста тянется карьер, дробятся взрывами скалы, камни обрушиваются в реку, загромождают ее... Параллельно с нашей лодкой бодро тарахтит самосвал. Несколько метров отхватила от реки дорога из остатков былой красоты — осколков разрушенных «бойцов».

И этот карьер — не исключение. Нам рассказали, что кроме него на реке есть еще такой. Горные работы неузнаваемо изменили облик местности. Сейчас в Крыласово нет знаменитых береговых обнажений и скал-«бойцов» — на их месте высятся отвалы пустой породы. Левый берег реки совершенно обезображен. Сотни тысяч тонн пустой породы свалены в русло реки.

Ну, понятны были бы в какой-то степени действия создателей этих карьеров, если бы на Урале не хватало камней. Нет, обязательно нужно губить памятники природы, варварски, безжалостно.

И не только камни летят в реку, Староуткинский завод, к примеру, навалил прямо посередине реки горы опила, которые быстрое течение разносит по всей реке. Кстати, о таком же факте сообщают следопыты Николопавловской средней школы № 5. В верховьях Межевой Утки (приток Чусовой) есть лесопильный завод, который тоже спускает в реку опил, загрязняя ее.

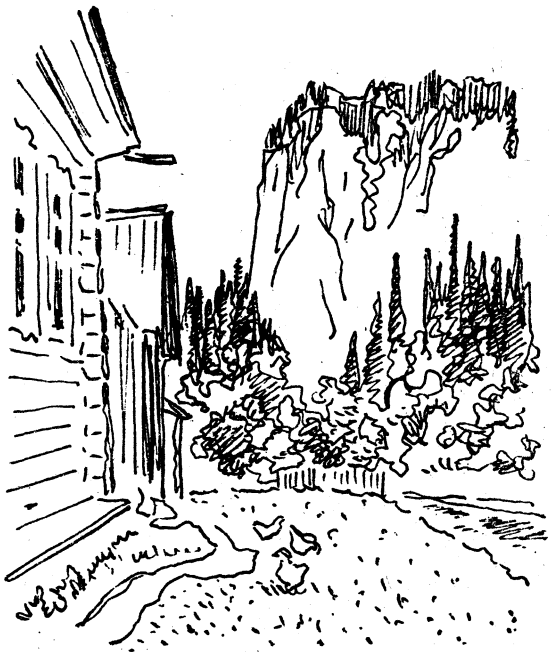
Чувство горечи не проходит и тогда, когда лодка причаливает к берегу. Стоит немного углубиться в лес, как наталкиваешься на кучи сваленных деревьев, вернее, не просто деревьев, а тщательно распиленных бревен, сотнями кубометров гниющих в лесу. Непонятно, зачем их рубили, непонятно, зачем они здесь валяются, забытые всеми. Особенно щедро навален брошенный лес в Шалинском районе, около леспрохозов.

*
*
*

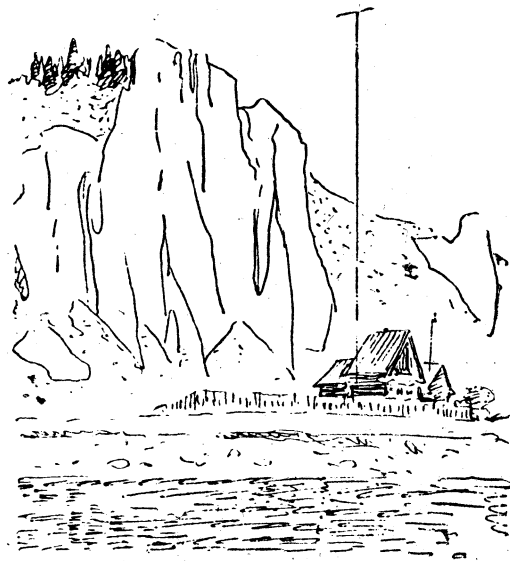
...Подходила к концу наша экспедиция. Вот последние камни на нашем пути — «Гордый», «Шайтан», «Корабли»... «Корабли», как три устремившихся вперед судна, прямо напротив села Чусовое. Старинное это село ведет свою летопись с незапамятных времен, в нем еще остались следы демидовских цехов, старинных крестьянских построек, но сейчас в историю ворвались приметы сегодняшнего дня. К примеру, здесь создана своя картинная галерея. Намечен план реконструкции села, которое станет современным, благоустроенным.

Но, конечно, в первую очередь нас интересовала река. Хозяйка дома, где мы остановились, долго рассказывала о Чусовой, о селе, о своем колхозе.

В словах этой женщины чувствовалась гордость за красоту родных мест. И невольно подумалось: а ведь это тепло, эта любовь должны жить в каждом из нас: в туристе, не бросившем пустую банку из-под консервов в воду; в рабочем, не сваливающим мусор на берегу реки в надежде, что все унесет половодье, в руководителе предприятия, болеющем за реку так же,

с. Чусовое

как за свое производство. Это очень нужно нам всем — любить свой край, ценить и беречь то, что он дает. И возрождающаяся усилиями патриотов родного края живая вода Чусовой — убедительное свидетельство тому.

Л. ПИСКАРЕВА

Рисунки А. Тумбасова

НОВЫЙ ГОД—НОВЫЕ ЗАБОТЫ

Третий год идет операция «Ч». Она поселила в сердцах следопытов постоянную заботу об уральской красавице Чусовой. Участие в операции воспитало сотни новых ревнителей родной природы, для которых бережное, хозяйское отношение к природным богатствам стало нормой поведения уже на всю жизнь.

Глядя на «чусовлян», активизировались природолюбцы и других районов края — добрые примеры заразительны. К тому же, еще в прошлом году было решено: будем считать, что «Ч» это не только Чусовая, но и все реки нашей страны и что операция «Ч», это операция «Чистые реки». А рек, ждущих внимания и помощи общественности, у нас еще немало. И долг следопытов прийти к ним на помощь.

Осенью прошлого года штаб операции «Ч» подвел итоги очередного этапа. Вести с мест порадовали успехами. Отлично провели летнюю кампанию первоуральцы, обстоятельно обследовавшие почти всю реку и составившие подробные отчеты. И, хоть отметили они немало такого, что еще предстоит исправить, общий вывод радует: река оживает, становится чище. О том же говорят сообщения и других отрядов.

А вот свердловские «глобусята», прошедшие по важному притоку Чусовой, реке Серебрянке, с огорчением отметили в своих отчетах беды этой некогда славной, памятной еще по походу Ермака, реки. Серебрянка протекает по Нижнетагильскому пригородному району, и хочется думать, что общественные организации района выступят на помощь своей родной реке.

А другие притоки! Межевая Утка, Дарья, Большой Шишим, например! Кто позаботится о них!

Вода — это жизнь. И надо воспитывать в каждом человеке уважение к родной реке, дающей жизнь своему селу, городу, району. Вот почему на штабе с одобрением было встречено предложение о благоустройстве истоков наших рек.

Исток реки... Маленьким ручейком, еле заметным родничком начинается он. А пройди по его пути и увидишь, как много людей поит и кормит этот ручеек, ставший большой рекой. Как же не воздать ему должное — не поклониться благодарно ему, не позаботиться о нем!

Как было бы хорошо, если бы каждый такой исток стал всем известен и отмечен благодарной памятью людей. Можно построить над ним красиво оформленное укрытие, благоустроить территорию вокруг него, повесить около схематический план реки, с указанием протяженности ее, крупных населенных пунктов на ней и т. д. И тогда постоянный ли житель этих мест, случайный ли путник, забредший в эти края, другими глазами — с уважением и гордостью — посмотрят на эту малую струйку воды, давшую начало большой реке и дающей жизнь стольким людям.

Ждут такого внимания истоки Урала, Уфы, Белой, Ая, Миаса, Исети, Пышмы — тем более, что они расположены не в глухих, труднодоступных местах, а недалеко от людных троп и дорог.

В следующих номерах мы расскажем об истоках некоторых наших уральских рек. И будем ждать известий — кто возьмет на себя заботу о них. Это и станет задачей нового этапа операции «Ч».

По реке Чусовой

Фото Н. Верзилова

БЕРЕЖЕНИЕ ЛЕСОВ...

Где леса есть и в тех лесах: дуба, клена, вяза, сосны, лиственницы, сосны в отрубе в 12 вершков и больше, рубить никому не велеть. А буде кто сему Указу станет чинить противное — на них за всякое срубленное дерево, кроме дуба допущено будет Пени от 10 рублей. За дуб, буде кто хотя одно дерево срубит, также и за многую заповедных лесов посяску, учинена будет смертная казнь.

Таким строгим указом Петра I в 1703 году были заложены основы лесного законодательства в России. Его дополнили изданные в последующие годы свыше 100 указов и распоряжений, направленных на разумное и экономное использование и разведение лесов.

Венцом всех этих указов и распоряжений явилась инструкция обервальд-мейстеру (главному лесничему) «О смотре и бережении лесов», которую Петр подписал 3 декабря 1723 года. Она охватывала все стороны лесного хозяйства страны. Строгости в ней были тоже изрядные: «Буде-же кто с вымыслу лес зажжет, за то по подлинному розыску виновного казнить смертью».

Предвидя широкое развитие промышленности на Урале, Петр еще в 1705 году дал специальное наставление Никите Демидову о порядке пользования лесами, приписанными к его заводам: «Ко всяким заводам принадлежащие леса распорядить, чтоб всегда оных было довольно. Сметаясь сколько к заводу на строение, в дрова и на уголья надобно лесу, столько рубить рядом и сколько в год вырубят, то место смерять и таких мест определить 25 или 30, из которых одно по другом погодно ж рубить сряду, и рубя лесной порослю запускать и уже отнюдь в тех местах недорослого не рубить, дабы покмест последний вырубят, к тому ж времени первый поспел. А где при заводах лес уже опустошен, то запустить из мелкого, и пока не вырастит не рубить».

Заботливо, с учетом местных особенностей, применял инструкцию начальник Уральских горных заводов В. Геннин. Наблюдая за вырубками в окрестностях Уктусского завода, он писал: «Понеже здесь леса весьма туго растут и едва через 50 лет вырастают годные на угольные дрова и от того опасно, чтоб за скудостью дров впредь заводы не остановились и для того к наивысшему охранению при заводах лесу прилагается сие».

А «сие» — это большая глава «Лесное и угольное дело», которую В. Геннин дал как дополнение к обервальдмейстерской инструкции в своей книге «Описание уральских и сибирских заводов».

В. Геннин не ограничивался санитарными рубками, предусмотренными в инструкции Петра, он обосновал и более широкие правила ухода за лесом, то, что мы сейчас называем прореживанием и проходными рубками.

Таким образом, забота «о бережении» лесов наших имеет давние традиции.

М. ПЕТРОВ, лесовод.

М. Гладунов

Большой Енисей

ПОВЕТЕРЬ

Евгений БОГДАНОВ

Повесть

Рисунки Н. Мооса

Утром явился представитель Архсоюза принимать груз. Ряхин встретил его, напустив на себя достоинство и уверенность. Показал товар, заранее подготовленную опись, попросил прислать подводы. Вавила опасался, как бы не пришли вчерашние таможенники, которые могут сразу заметить, что тюки «похудели». Но обошлось. Видно, таможенники посчитали, что дело свое уже сделали.

К полудню шхуна разгрузилась, Вавила ушел в город. Команда тоже разбрелась по Архангельску — кто навестить родичей, кто «проверить» питейные заведения, благо Ряхин выдал всем аванс. Родьке с судна уйти не разрешили, оставили за сторожа, и он с грустью следил за суетой на пристани с палубы своего парусника.

Ряхин вернулся на другой день чуть-чуть под хмельком и сердитый. Заметив раскиданный на палубе брезент и веревки, он начал браниться: — Не могли прибрать?! Совсем распустились! Родья, обойдя хозяина стороной, нехотя стал чистить брезент, сматывать веревки.

чание. Начало см. в № 1.

Вавила, закрыв на задвижку дверь каюты, достал из стенного шкафчика ларец и стал выгружать из карманов деньги. Пересчитал пачки, сокрушенно покачал головой, вздохнул. Выручка была небогата: вдвое меньше против прежнего. Если бы не перекупщик Кологривов, пришлось бы уходить из Архангельска ни с чем. С государством торговаться не станешь — не прежнее купечество.

Но долго ли можно сбывать товар таким путем? Словно контрабанду! На этот раз обошлось — в другой засыплешься. Ряхин, будучи в городе, видел, как все изменилось. Везде наступали на частника кооперативы: рыболовецкие, торговые, промысловые. Мелкие лавчонки купцов пробавлялись незначительным оборотом.

У архангельских купцов и рыбопромышленников отобрали все большие суда, оставили лишь карбаса да малые парусники. До Койны пока еще руки не дотянулись. Но, не ровен час, и в Койне начнут создавать кооперативное товарищество. Вавила чувствовал, что ему на своей шхуне осталось плавать недолго. Продать бы ее. А кто купит?

Старые адреса и связи порушились. Кое-кто из купцов уехал из города неведомо куда. Оставшиеся позарывали золотишко в потаенных местах и притихли. Вавила сунулся было в кооператив, предложил свои услуги на перевозку рыбы с мурманских промыслов. Но ему отказали.

Придется возвращаться в Койну ни с чем. Хорошо, если еще удастся сходить летом на рыбный промысел. Но опять возникает осложнение: а куда сбить рыбу?

Выйдя на палубу, он увидел скучающего зуйка. Родька стоял, прислонившись к мачте, под колоколом и глазел, как у пристани разгружались суда. С огромного парусника-трехмачтовика грузчики скатывали сельдяные бочонки. Поодаль лебедкой поднимали тюки и ящики с товарами на палубу парохода, идущего на Печору.

— Чего пригорюнился, Родион? — спросил хозяин.

— Чего, чего... На берег-от не пустили! Вот и стою...

— Это мы вмиг поправим.— Вавила взял Родьку за плечо, повернул к себе лицом, заглянул в глаза парня — холодные, недовольные. Достал часы, посмотрел время.— Команда скоро должна вернуться. Уйдем домой вечером... У тебя есть еще время. Поди, погуляй. Я тебе денег дам, купи подарки домой.

Вавила достал кошелек, дал зуйку денег. Родька повеселел, побежал к сходимям.

Выйдя на набережную, он повернул направо, вскоре добрался до Поморской — самой оживленной улицы в этой части города. Она выходила к Двине. На берегу — базар с ларьками, лотками и каменными складами. Возле прилавков ходил народ и покупал немудреный товаришко: соленую рыбу, огурцы, квашеную капусту, говядину и картошку, сушеные и соленые грибы.

Продукты Родьку интересовали мало. Он искал лавку с недорогими ситцами, обувкой и одежкой и вскоре оказался в небольшом магазине. Купил матери цветистый платок, отрез ситца на кофту, а Тишке — кожаный брючный наборный пояс.

Денег еще немного осталось, и он вернулся к продуктовым ларькам: давно хотелось попробовать изюму. Он знал, что это — сушеные «винные» ягоды и их запекают в тесто. Сын Ряхина — Венька — иногда хвастался перед ребятами «изюмными» пирогами и даже давал им отведать необыкновенного яства.

Родька стал спрашивать у продавцов: «Нет ли изюму?» Ему указали крайний у выхода с базара ларек, и он купил «винных» ягод.

Возвращаясь на шхуну, зук на ходу кидал в рот изюминку за изюминкой и все заглядывал в кулек: «Не съесть бы много. Надо и домой привезти!»

Матросы с берега пришли трезвыми, что случилось с ними довольно редко. Дорофей у стола доедал кусок колбасы, когда Родька вошел.

— Погулял? — спросил Дорофей.— Хошь колбасы? На-ко!

— Спасибо. Был на базаре. Обновки купил и вот... изюму. Попробуй, дядя Дорофей.

— Не надо, вези Тишке,— отказался кормщик и заговорил с мужиками, видимо, продолжая начатую беседу.— Отошла коту масленица, великий пост настает. Встретил я в городе знакомого рыбака, так он сказал, что в Мезени, Долгощелье и других местах ноне будут промысловые товарищества. Вавиле теперь придется туго.

— Ну, товарищества еще где-то,— отозвался с верхней полки Николай Тимонин, пожилой рыбак.— А нам семьи кормить надо.. С этого рейса получим шиш! Всего неделю ходили... А рассчитывали на лето.

— Да, рассчитывали на вешний лед, да провалился... Без Ряхина пропадем,— добавил Анисим.— Где возьмешь суда? Деньги? Чем будем рыбачить?

— Помогут,— не совсем уверенно сказал Дорофей.— Раз государство велит идти в товарищества, значит, поможет.

Помолчали, сосредоточенно и озабоченно повздыхали.

— Вернемся домой — чем займемся? — обронил сверху Тимонин.

— Покосами.

— А после садиться на тони и семгу ловить? Невода опять же у Вавилы да и у Обросима. Куда денешься?

Дорофей ничего не ответил, нахмурился, завернул в газетный обрывок колбасные шкурки, выбросил в открытый иллюминатор...

По палубе молча ходил Вавила, кидая угрюмый взгляд на город, на пристань. За островами на Двине закатывалось солнце, и Архангельск нежилась в его теплых розовых лучах.

Увидев Дорофея, вышедшего из помещения для команды, Вавила сказал отрывисто, сухо:

— Снимайся с якоря. Пойдем домой.

— Порожняком?

— Да!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1.

— Вавила! Ты опять у буфета? — послышался за спиной резкий и раздраженный голос супруги. — Господи, совсем свихнулся! Как из Архангельска пришел, так и не просыхал. Что с тобой? Новые порядки обмываешь? Пора одуматься!

Вавила сунул на полку стопку, захлопнул дверцу буфета так, что внутри его что-то зазвенело, и махнул рукой, сказав в великой досаде:

— А пропади все пропадом!

— И пропадет. Для тебя пропадет! — ворчала Меланья, покраснев от гнева. На ее тонкой шее набухла вена, соломенного цвета волосы растрепались. — Собери свои вещи и уеду к папаше. Один оставайся.

— Попутный ветер в спину, — пробормотал Вавила и вышел из столовой.

В комнате, устроенной на манер гостиной, с диваном и обитыми плюшем стульями, сынишка Венька листал книжку с цветными рисунками.

— Батя, ты куда? — настороженно спросил он, видимо, усвоив подозрительное отношение матери к отцу.

— Куда-куда! На кудыкину гору. На лешевом озере пинагора¹ ловить! — ответил Вавила и прошел мимо сына, бросив на него косой взгляд: «Растет сынишка — ни уму, ни сердцу. Весь в матушку. Только книжки ему да картинки! Не то что Родька-зуюк. Тот смолоду к морю тянется».

Вышел на крыльцо, постоял. От реки наносило холод. Свечерело. Запахнул полы пиджака, глубже натянул на лоб картуз и побрел на берег. Постоял там, посмотрел на «Поветерь». Во время отлива шхуна обсохла, села на дно, накренившись корпусом к берегу. На верхушках мачт сидели вороны и каркали, разевавая клювы.

— Кабы вас разорвало! Беду кличете! — пробурчал Вавила и обернулся — не слышал ли кто невзначай.

Но на берегу никого. Только поодаль с плота бабы полоскали белье. На головах намотаны толстые платки, на плечах теплые ватники, а икры голые, блестят, будто молодая березовая кора. Вавила сел на бревно, закурил, стал думать.

«Удрать бы в Норвегию!.. Снарядить команду человек пять, поднять паруса — и прощай. Но кто пойдет со мной? Ни один мужик не двинется. У всех семьи, сердце прикипело к дому, к этим вот холодным, неуютным местам... И у меня прикипело: родился тут. Без моря Белого жизни не мыслю.

И с норвежцами не тягаться. У них на парусниках уже моторы поставлены. В наших водах под носом у русских бьют зверя. Пропаду там, обнищаю... сопьюсь... Все чужое — место чужое, обычаи ихние, язык, вся жизнь... Да к тому же не так просто уйти в Норвегию. Морские кордоны могут сцапать: что, да куда, да зачем?

И хочется, и колется...

А пока не упустить бы рыбаков от себя... Без них совсем крышка...»

Встал, затоптал каблуком окурок, повернул в проулок, где стоял дом Обросима-Бросима, мелкого койненского купчишки, однодума и пособника Вавилы во всех делах.

Обросим Чухин получил прозвище однажды при погрузке, потому что кричал: «Ну, братцы, еще остатние бочонки бросим! Только тихонько... Эй, не бросай! Спускай помалу!»

Ему отвечали:

— Ты ведь сам велишь бросать!

— Это я так, к слову. Понимать надобно наоборот.

С того и пошло: «Обросим-Бросим», настоящую фамилию купчишки уж, верно, позабыли.

Обросим со своей «старухой», как он называл жену, хотя она еще далеко не была старухой, — моложе супруга на пятнадцать лет, — пил чай.

— Проходи, Вавила Дмитрич! Садись к столу! Самовар-от еще только до половины выпили. Опрокинь чашечку-другу.

Вавила опустился на стул, и тот под ним жалобно заскрипел.

— Ну и весу в тебе, Вавила Дмитрич! — сказал Обросим. — Того и гляди стул развалится... А где новый купишь? По нынешним-то достаткам...

— Не скули. Бери у меня любой стул... Какие новости? Я целый день дома сидел.

— Новости есть, — неприятным тоненьким голосом сказал хозяин. — Приехал из Мезени уполномоченный Архсоюза.

— Приехал-таки! — поморщился Вавила.

— Собранные затевает насчет кооператива.

— Так я и знал.

— Выходит так, — невпопад согласился хозяин. — Придется, видно, вступать. Куды денешься-то! У меня промысел небогатый: карбаса, три невода да засольный пункт. И все. На тонях сидеть будет некому, мужики-то кооперативными станут и рыбу сдавать будут Архсоюзу! Сам-от я как с неводами справлюсь?

Круглое безусое лицо Обросима лоснилось то ли от пота, то ли от переживаний, маленькие серые глаза пылливо сверлили Ряхина.

¹ Разновидность морского окуна.

— А ты-то запишешься? — Обросим кинул в толстогубый рот кусочек сахара.

Вавила откинулся на спинку шаткого стула и захохотал, задрал холеную бороду:

— Ха-ха-ха! Запишешься, говорит... Ха-ха-ха! Да ты... ты разве не знаешь, что у меня суда?

— Отдашь их на общее дело, — с ехидной улыбкой сказал Обросим. — Тебе больше процент от добычи пойдет, чем другим. Чего гробочешь? Все одно отберут! Думать надо.

Вавила помрачнел, насутился:

— Может, и лавки посоветуешь в кооператив-от? Разориться?

— Помилуй бог! — Обросим-Бросим махнул рукой. — У самого разоренье за пазухой. Скоро без сахара чай со старухой пить придется.

Вавила положил на стол крепко сжатый кулак:

— Нет, кооператив мне не подойдет. Это хошой кобыле драный хомут на шею.

— А как жить-то?

— Убытки буду терпеть, зубами скрипеть, но на поклон к товарищам не пойду. Понял? — Вавила одним движением губ высосал из чашки уже остывший чай. — И тебе не советую. А мужики, думаю, нас не оставят... Не все, конечно, но не оставят. Кооператив еще неизвестно, что такое, а Вавила вот он, рядом! С ним не один десяток лет живут.

Ряхин, зло сощурившись, поглядел куда-то в угол. Обросим подвинулся к нему, заговорил шепотом. Хозяйка вышла в другую комнату и больше не показывала носа.

— Слышал я, власти интересуются тем, как ты принимаешь да провожал Разумовского... — сказал Обросим.

Вавила вздрогнул, резко обернулся, впился в лицо Обросима напряженным взглядом:

— Ну?

— Вот те и «ну». Предупреждаю по-свойски.

Вавила опустил голову, задумался.

...В девятнадцатом году, во время смутное и тревожное, когда Архангельск заняли интервенты, в Койну неведомо откуда прибыл отряд белых в сорок штыков, под командой поручика Разумовского. Квартировал поручик в хорамах Ряхина. Немало было выпито вина, съедено семги, немало лилось хвастливых речей. Грозился поручик «передавить» всех большевиков и комбедовцев. Хотел было назначить Вавилу «самой главной властью» в Койне. Но хитрый купец, чувствуя, что еще неведомо чей будет верх — большевиков или белых, — от такого «поста» отказался наотрез, ссылаясь на малограмотность и нездоровье. Но предложил поручику помощь продовольствием и фуражом, зная, что если не предложит — сами возьмут.

Отряд Разумовского уходил из Койны с запасами сена, муки, овса, селедки, крупы, безвозмездно отпущенных хозяйской рукой.

Обросим-Бросим, напомнив об этом, поселил в сердце Вавилы мрачные предчувствия.

2.

Мать не ожидала, что Родька придет из плавня так скоро: не успел и чистое белишко заносить, что собрала в дорогу. Не пришлось понастоящему и истосковаться по сыну.

Однако возвращению Родьки Парасковья обрадовалась — вернулся жив-здоров, все-таки еще одни руки на покосе, мужик в доме.

Родион выложил из мешка покупки и деньги, выданные Вавилой за рейс. Их оказалось совсем немного. Прикинули — на пуд муки да килограмма на два сахару.

Тишку деньги не интересовали. Он сразу набил рот изюмом и схватился за ремень с блестящими бляшками.

— По праздникам носить буду!

Парасковья, чтобы порадовать сына, тоже надела на голову привезенный платок и посмотрелась в зеркало:

— А ведь к лицу! Спасибо, сынок. И за ситец на кофту спасибо.

А сама уже решила сшить Родьке рубашу из этого отреза ситца — красного, в белый горошек.

Родька помылся в бане, попил чаю и принялся чистить сеновал от остатков прошлогодней сеной трухи и мусора. Мать с Тишкой под окном сажали картофель. Сажала Парасковья и думала: «Вырастет ли?»

В Койне картошка вызревала не каждый год. Часто в середине лета ботву сжигали до черноты неурочные заморозки.

Родька возвращался из лавки: мать посылала за селедками. Увидел на улице Веньку. Тот грелся на скупом солнышке, что-то жевал по привычке. Он часто ел на улице такое, чем можно было бы похвастаться.

— Родька! — позвал Венька. — Иди сюда!

Родька сбавил шаг.

— Чего тебе?

— Да подойди.

Русые волосы у Веньки аккуратно причесаны, смазаны городской пахучей помадой — бриллиантином. Рукава чистой белой рубашки подвернуты до локтей: хоть и прохладно, а и рубашкой надо щегольнуть.

Родька неохотно свернул к нему.

— Хошь пирога? — спросил Венька и сунул руку в карман, выжидательно посмотрев на Родьку. Тот усмехнулся:

— С изюмом?

— Да, а как же? — Венька достал из кармана половинку пирога.

— Ешь сам. Я ноне изюму тоже привез, — деловито сказал Родька. — Тишку доотвала накормил.

— Ври да не завирайся, — обиделся Венька. — Изюм денег стоит.

— А я и деньги заработал.

— Заработал! — с издевкой протянул Венька. — Подумаешь, зук! Каждой дырке затычка. Это мой папаша тебе от щедрости дал копеечку.

— Я заработал! — выкрикнул Родька. — Понял?! Сам заработал! А от щедрости только нищим подают.

— Ты и есть нищий. Одни штаны, да и те дырявые.

Родька придвинулся к Веньке вплотную, еще не зная, что ответить на такое оскорбление. Ноздри раздулись, брови нервно заиграли. Он вдруг выхватил из кулька за голову большую селедку и прошелся ею по щекам Веньки, ошалевшего от неожиданности. Венька опомнился, кинул недоеденный пирог и сцепился с Родькой. Они покатались по траве, тузя друг друга.

— Эй! Эй! Атаманы! — услышал Родька знакомый голос, выпустил изрядно помятого Веньку и встал, одергивая рубашу.

Венька плакал, растирая по лицу слезы.

Перед ними стоял Дорофей:

— Гражданская война окончилась. Хватит воевать!

— У нас начинается,— сказал Родька, подбирая с земли селедку.

— Из-за чего бой? Чего не поделили?

— У него спросить надо,— кивнул Родька на Веньку.— Проревеетя, расскажет.— И пошел к своему дому.

— Я те припомню! Еще припомню! — полетел вслед ему визгливый голос Веньки.

В Родьке боролись два желания: пойти или не пойти сегодня к Дорофею. Надо было сходить, потому что Дорофей наверняка может объяснить, что такое кооператив, о котором столько разговоров в Койне. Но из-за давешней драки с Венькой идти было стыдно. Родька еще чувствовал неловкость и потому, что как-никак был обязан Вавиле: тот зимой дал ему работу в заводе, а весной взял на шхуну.

Победило все-таки первое. Родька после ужина сказал матери:

— Схожу к Киндяковым.

— Поздно, Родя, поди, спать легли.

— Нет, еще не поздно.

— Ну сходи, да недолго,— предупредила мать.

40

Киндяковы только что отужинали. Ефросинья мыла у стола чайные чашки. Дорофей сел побли-

же к лампе, в который уже раз перечитывал газету, привезенную из Архангельска.

— А-а, атаман! Проходи, садись.

— Есть хочешь? — спросила Ефросинья.

— Спасибо. Ужинал.

Дорофей усмехнулся:

— Значит, с купецким сыном схватился?

Ладно ты его отмутузил.

— Пусть не обзывается,— нахмурился Родька.

— А как обозвал? — спросила Ефросинья.

Родька потупился, промолчал. Дорофей мигнул жене, не надо, мол, допытываться, сами разберутся, и сказал Родьке:

— Да плешь ты, Родион, на это. Стоит ли переживать.

Родька поднял голову, уставился на Дорофея и выпалил без всякой связи с предыдущим:

— Дядя Дорофей, скажи, что такое кооператив?

— Господи! — всплеснула руками Ефросинья.— И этот с кооперативом. Не рано ли знать?

— Не рано,— возразил Дорофей.— Лучше раньше, чем после. Я тоже не шибко уразумел, однако в газетах пишут, Родион, что это объединение рыбаков на коллективных началах. Вроде как артель.

— Так ведь и раньше артели были. Вон, на зверобойке тоже...

— Раньше были малые артели, и добычу они сдавали Вавиле. А он снабжал провиантом, оружием, снаряжением. А теперь будет иначе. Добычу рыбаки по договору станут сдавать государству по твердым ценам, а оно отпустит кредит на обустройство снастями, на пропитанье и прочее... Работать будут не на хозяина, а на государство. Понял?

— Маленько понял.

— Вот завтра на собрании и узнаем все в подробностях.

— А Вавилу примут в кооператив?

— Он не пойдет. Вишь ты, пока ему не запрещают ловить рыбу да торговать, ему расчета нет расставаться с судами.

— А государство хорошо будет платить мужикам?

— Думаю, не обидит.

— А ты вступишь в кооператив?

— Видно будет...

— А суда у вас будут, как вступите? Ты ведь всю жизнь ходил кормщиком.

Дорофей нахмурил брови. Родька задел большое место. Дорофей привык плавать на парусниках и без них обойтись не мог. А шхуна пока у Ряхина. И в то же время Дорофей понимал, что жизнь круто ломается. Старое постепенно уходит, и будущее — в прочности товарищества, без которого теперь, как видно, не обойтись.

В избу вбежала Густя. Скинула пальтишко, ткнула Родьку в спину:

— Отплавался, зук?

— Отплавался.

— Много ли заработил? Пряников мне привез из Архангельска?

— Заробил не шибко. Пряников нет, а вот изюму дам! — он достал из кармана горсть изюму, захваченную специально для Густы.

Она приняла подарок:

— Спасибо, вкусный. Только маловато...

Родька покраснел от неловкости.

— Я бы боле принес, да Тишка все съел,

— Хватит тебе! — прикрикнул на Густю отец. — Где пропала? Ужином тебя кормить не стоит, не вовремя явилась!

— А я у Хватовой Соньки была. Картинки переводили.

— Хорошее дело. Играла бы еще в куклы!

— Что вы, батя, куклы это для маленьких. Я уже выросла из такого возраста.

— Оно и видно.

Густя опять заглянула в лицо Родьке: изюм съела, можно теперь и поехидничать:

— А на клотике вертелся?

— Нет.

— Все стряпал?

— Стряпал...

— Эх ты, стряпуха! Где тебе на клотикел¹ Трусоват.

— Я трусоват? Приходи завтра по прибылой воде на берег к шхуне. Покажу, как вертятся.

— Но-но! — предостерег Дорофей. — Не выдумывай. Еще нарвешься на Вавилу! Он те покажет.

— Ничего, он не увидит.

Когда Родька вернулся домой, то увидел в избе Вавилу. Тот сидел на лавке и о чем-то говорил с матерью. Тишки не было — уже спал.

— А, Родион! — в голосе Вавилы обида. — Что же это, братец, своих бьешь? Венькину рубаху всю ухотил! Мать его ремнем потчевала... Не годится так-то... Нехорошо. Вроде на меня обижаться нет причины. Я для вас, сирот, все делаю. Нам с тобой, Родион, надобно жить в мире да дружбе. Вот скоро я пойду в Кандалакшу за сельдью. Мог бы тебя взять снова зуйком. А теперь, выходит, надо еще посмотреть...

— Смотрите, — негромко отозвался Родька. — Только, наверное, я зуйком с вами не пойду.

— А што такое стряслось? Я зла не буду помнить.

— Хочу матросом плавать.

Мать хотела было одернуть сына, но раздумала и только стояла и укоризненно глядела на него.

— Ну, матросом тебе еще рановато, силенок накопи!

Вавила холодно попрощался и вышел.

3.

Небольшое помещение Совета битком набито людьми. За столом, покрытым для такого торжественного момента кумачом, сели уполномоченный Архсоюза Григорьев, секретарь койненской партиейки Тихон Панькин и председатель сельсовета Анисья Звездина. От рыбаков в президиум избрали Дорофея Киндякова и дедка Иеронима.

Григорьев — высокий, худощавый человек с удлиненным строгим лицом, усыпанным черными пятнышками, будто пороховой гарью, был одет в косоворотку и серый пиджак, сшитый на манер «аглицкого» френча. Жесткие волосы спадали ему на глаза, и он часто отводил их рукой.

¹ Раньше подростки-зуйки при возвращении на парусниках домой взбирались на верхушку мачты и там, на ходу судна «вертелись» на животе на деревянном круглом клотике. Поморы награждали зуйков за ловкость и смелость, одаривая их калачами, карамелью.

Это был человек, который в Архангельске как представитель новой власти принимал груз от Ряхина. Вавила, узнав его, поспешил с переднего ряда убраться на задний, за спины рыбаков.

Тихон Панькин — человек местный, рыбак и зверобой. Революция захватила его в Архангельске, куда он прибыл со зверобойным судном. Он плавал «бочешником» — дозорным, высматривающим во льдах тюленьи лежбища из «бочки», укрепленной на верхней рее фок-мачты. В начале восемнадцатого года, не успев побывать дома, Тихон был призван по всеобщей мобилизации в Красную Армию. Воевал на Плесецком направлении, а потом, когда интервенты бежали с Беломорья, артиллерийский дивизион, где он служил, перебросили на юг, добивать Врангеля.

С гражданской войны Панькин привез домой затянувшуюся глубокую рану в боку, каменно черствую буханку хлеба, трофейную французскую фляжку с русским самогоном и вытертую донельзя солдатскую шинелишку. А главное — партийный билет.

Дома Тихона избрали секретарем партиейки. Отношение к нему было двойственное: богачи откровенно косились, большинство же рыбаков видели в нем человека, умудренного жизнью, и во всем ему доверяли.

Дорофей немало удивился тому, что и его посадили за «красный стол», и чувствовал себя неловко под любопытными взглядами односельчан. Дедко Иероним, чисто выбритый и от того помолодевший, расстегнул пошире ворот старого истрепанного флотского бушлата, чтобы собравшиеся видели чистойшей белизны рубаху, извлеченную по случаю «собранья» из сундука. Старый помор несколько не смущался и даже гордился доверием земляков, сидя за столом так уверенно, словно всю жизнь находился в президиумах. Он часто поглядывал в сторону Григорьева, и весь его вид как бы говорил: «сейчас мы с тобой, товарищ Григорьев, будем решать важные дела».

В зал просочилась и ребятня, угнездилась на последней скамье. Однако вскоре ребятишек с нее прогнали, и они стали вдоль стены. Рядом с Родькой сосредоточенно хмурил белевые брови его приятель Федька Кукшин. Длинный по прозвищу Полтора Федора. Явилась и Густя Киндякова с Сонькой Хват. Обоих разбирало любопытство.

Позади Густы высунулось еще лицо — круглое, румяное, чернобровое. Это Фекла Зюзина — ряхинская кухарка.

Панькин объявил собрание открытым. Григорьев встал, одернул свой «аглицкий» пиджак и начал издали. Он говорил о гражданской войне, об интервентах, которые «дочиста ограбили Север», о том, что на Поморье промыслы пришли в упадок и надобно их налаживать.

Рыбаки слушали, поглядывали на оратора — кто с выражением сосредоточенного внимания, кто уважительно, иные недоверчиво, а кое-кто и усмешливо. Не часто им доводилось слышать такие речи. У каждого в голове крепко сидело: «Куда он клонит? Чего агитирует? Когда заговорит о главном, ради чего приехал?»

Но вот оратор, кажется, приблизился к этому «главному», по залу прошло легкое оживление.

— Промыслы надобно нам вести организованно, коллективно, — сказал Григорьев. — Сейчас везде рыбаки объединяются на паях в товари-

щества, заключают договоры с государством. Оно им оказывает помощь кредитами, материалами, продуктами и промтоварами через кооперативы. Объединение рыбаков — важное государственное дело.

Что это значит? А то, что вы будете работать не на частного, не на эксплуататора, а на себя...

Докладчик сделал паузу, полистал свой блокнот. И паузой воспользовался Обросим:

— Это кто же эксплуататоры? У нас таких, вроде, нету?

— Есть! — сразу отозвался докладчик.

— А ну-ко, назови?

— Можно и назвать. Взять хоть Вавилу Ряхина. Разве мало вы на него работали? Да и теперь еще гнете спину. А посчитайте-ка, как он на вашем труде наживается!

Ряхин за спиной Обросима недобро блеснул глазами.

— Не прячься, Вавила, — сказал Панькин. — У Обросима спина не широка.

— Было, значит, недавно, — продолжал Григорьев. — Привез Ряхин Архсоюзу добытую вами продукцию зверобойки. А продал только малую часть. Больше половины тюленьих шкур сплавил на черный рынок, перекупщику Кологривову. Это мы, к сожалению, поздно узнали. Так, вот, Ряхин нажился. А что получили зверобой? Сколько он уплатил команде?

— Команде я хорошо уплатил, пусть скажут, — Ряхин больше не прятался, сидел прямо, глядя с вызовом.

— А себе еще лучше! И Кологривов промашки не даст, озолотится. Увидит эти деньги зверобой? Нет!.. Рыбаки, вступившие в кооператив, будут иметь огромные преимущества...

— Эт-то все пока слова! — загудели в толпе сторонники Ряхина. — Нам пока от кооператива выгоды никакой не видать... Ищю шубу-ту надо шить, а потом носить да глядеть — не тесна ли, не холодна?

— Верно, — согласился Григорьев, не поняв или поняв, да решив дело повернуть по-своему. — Шубу сошьем! Не сомневайтесь! Хорошую, теплую!

Григорьев сел. Поднялся Панькин.

— Товарищ уполномоченный вам все хорошо и понятно объяснил, — сказал он. — У кого из вас есть свои невода, рюжи, карбаса? Мало у кого. Все вам дают Ряхин да Обросим! А тут обзаведетесь своими снастями, работать станете сообща, а добычу — государству за приличную плату.

— Уж я ли, мужики, не кормил вас двадцать годиков? Неужто меня бросите? — зычно крикнул Ряхин.

Мужики молчали. Не отвечали ни на горячий призыв Григорьева и Панькина, ни на возглас Вавилы, пытавшегося разжалобить их.

Молчали поморы... Привыкли молчать на рыболовецких путинах, на зверобойке, на семужьих тонях в дымных и тесных избушках. В трудном морском деле требовались не разговоры, а сила, острый глаз да расчет и жаркая работа, от которой, казалось, тает лед. И если уж скажет помор слово, то скажет его, как хозяин своей судьбы: «Как сделаю, так и будет». И никакая сила не своротит его с пути, который он для себя определил.

Но определить путь было трудновато. Конечно, не могли мужики не верить уполномоченному, представителю Советской власти. Одна-

ко веками жизнь текла по одному руслу: добудут рыбу или зверя, продадут Вавиле или другим купцам, свившим гнезда по беломорским селам, и снова в море. Часто денег и не хватало, чтобы прокормить семью. Тогда что? К тому же Ряхину, за авансом под будущий улов. Вавила выручит, голодом семья не оставит. Ты только работай, мерзни на лютых ветрах, живи впроголодь на дальних тонях!

Это казалось прочным, испытанным, незыблемым. Работа-расчет-аванс-работа. Замкнутый извечный круг.

А тут — новое. Как шить новую шубу, если неясно, где взять овчину да нитки и как ее кроить?

Наконец, молчание нарушил Анисим Родионов:

— Ну вот, значит, запишемся мы в товарищество, внесем паи. А дальше? С чего начнем, чем кончим? Ведь базы-то промысловой нет.

В Совете стало душно — нечем дышать. Жарко, как в парилке. Григорьев вытер лицо платком и снова принялся толковать рыбакам, как и что. Но сомнения не покидали мужиков:

— Надобно ведь сразу в этом году и рыбачить, и выходить на лед. А где снасти? Где обрабатывать шкуры, солить рыбу?

— Я могу сдать в кооператив в аренду свой заводишко, — неожиданно сказал Вавила. — По сходной цене.

По залу прокатился шумок. Мужикам был непонятен такой шаг Ряхина, которому вроде бы и не было расчета иметь дело с кооперативом. Однако Вавила глядел вперед. Он знал, что зверобойка теперь от него ускользнет навсегда в государственные руки.

— Тюленьим промыслом я ноне заниматься не буду. Пойду на шуне на сельдяной лов. Мне надобна будет команда. Не оставьте меня, мужики!

— Не оста-а-авим! — послышались утвердительные, хотя и немногочисленные возгласы. — Пойдем с тобой! Привыкли уж!

Вавила поворачивал собрание явно не в то русло, которое было проложено Григорьевым. Панькин сказал:

— Ну, мужики! Пора решать. Кооператив и нам и государству на руку, и потому записываюсь первым. Вот, беру бумагу, карандаш и пишу свою фамилию... Кто следующий?

Следующими записались два человека из партячейки.

— Дальше кто?

— Пишите меня! — донесся откуда-то сзади звонкий голос.

— Кого? Не вижу?

Родька быстро пробрался поближе к столу.

— А-а, Родион Елисеевич! — вскинул брови Панькин. — А сколько тебе лет?

— Какой пай вносить будешь, Родька?

— А снасти-то у ты есть?

— Ходить в море-то все зуйком будешь али кормщиком нын?

— Большак да малый — вот те и кооперация, — ядовито вплеялся в общий шумок голос Обросима.

Панькин от таких слов заиграл желваками, побледнел, однако сдержался. Мужики смеялись.

Родьке стало обидно. Он покраснел, потупился и повернул к двери. Панькин остановил его:

— погоди, Родя, не обижайся. Дело тут

серьезное. В кооператив, я думаю, тебя надо принять. А пая с тебя, как сына погибшего в уносе Елисея, никто не спросит. Не уходи, сядь да слушай...

Наступила тоскливая, гнетущая тишина. Нарушили поморы вековой обычай — не обижать сирот, отцов которых погубило море. И оттого к каждому сердцу стала подбираться тоска. Стыдно стало перед памятью Родькиного отца, стыдно, что неуместным смехом обидели парня.

Дорофей поднялся со стула и в настороженной тишине стал ронять в зал тяжелые слова:

— Надобно почтить сегодня, на смене нашего курса к новой жизни, память... достойного помора Елисея Михайловича Мальгина. Надобно встать и снять шапки.

И все дружно встали, и у кого на головах были шапки, сняли их. В молчании застыли лица — и пожилые, и молодые, и бородатые, и безусые. Немногие бабы, бывшие тут, поднесли к глазам кончики платков. И все минуту стояли молча, и каждый видел в ночной вьюжной сутемени Елисея, метущегося в зимний шторм на крошечной льдине...

Родька закусил губу, чтобы не разреветься, и ничего уже не видел из-за слез, застилавших глаза, словно едим дымом от тлеющих корневищ. Он с трудом справился с собой.

— Предлагаю принять Родиона, — опять сказал Дорофей, — и прошу записать в кооператив и меня.

Он сел, и тотчас вскочил Иероним Пастухов: — Я хоть уж в возрасте и на зверобойку да на Канин за наважкой ходить не могу, все же разумю и сети вязать, рюжи делать, карбаса шить, рыбу солить и еще кое-что... Думаю, в кооперативе пригожусь, и прошу, значит, записать меня полномочным членом.

Вавила поморщился: «И этот, старый хрен, туда же! Как волка ни корми — в лес смотрит!» Очень было досадно, что в кооператив вступает Дорофей, его неизменный шкипер и лучший в Койне мореход.

Вавила с собрания ушел туча-тучей. Из трехсот рыбаков в кооператив записалось сто двадцать.

4.

После собрания Родька вышел на берег Койны, на угор, под которым стояла ряхинская «Поветерь».

Прилив заполнил до краев русло реки, и судно выровнялось. Над Койной тихо стлалась малооблачная светлая ночь. Вечерняя заря, струясь спокойно и неторопливо, переливала свое золото в утреннюю. И там, за горизонтом, солнце умывалось в водах, словно алый лебедь, чтобы вскоре предстать перед людьми чистым, ясным и добрым.

В полуночной стороне перед зарей отступали серовато-темные полутона. Там — Студеное море. Там, за Моржовцем, неведомое и невиданное Родькой место, где волны похоронили отца. «Когда-нибудь схожу туда на паруснике...»

За спиной послышался шорох. Родька обернулся и увидел Густю. Накинув на плечи материн теплый платок, стянув концы его на груди, она стояла рядом.

— Ну, полезай на клотик! Ты обещал!

Родька посмотрел на «Поветерь», стоявшую

в нескольких саженях от берега. Волны, набегая с северо-востока, у носа раздваивались и обтекали выпуклые деревянные борта.

— Али боишься?

— Еще чего! — Родька заметил внизу под берегом чью-то лодку-осиновку, а рядом с нею недлинный кол. — Стой и смотри, — сказал он, сошел вниз, толкнул лодку на воду и отчалил, загребая колом, как веслом.

Осиновка обогнула нос шхуны и скрылась за ее корпусом. Минут через пять Родька появился на палубе. Густя видела, как он подошел к фокмачте, поглядел ввысь и быстро полез по вантам к верхней рее. Добрался до нее, задержался, облавив мачту. Постоял, снова глянул вверх и стал карабкаться выше, работая руками и ногами. У девочки захватило дух. Она почувствовала, как сердце часто заколотилось в груди. Ей стало жутко: «А вдруг оборвется? Хорошо, если в воду! А если на палубу?..»

Густя зажмурилась, ноги подкосились, и она села на траву. А когда открыла глаза, увидела, что Родька, ухватившись за клотик, подтянулся к нему, навалился на него животом, чуть помешкал, и вдруг, осторожно раскинув руки и ноги, удерживая равновесие, распластался в воздухе, словно птица, медленно поворачиваясь вокруг мачты — раз, другой, третий... Небо в эту минуту вспыхнуло и озарилось ярким золотом, солнечные лучи скользнули по Родьке и как бы подняли его еще выше.

Начиналось утро.

Белая ночь ушла на покой...

Родька перегнулся упругим жгутом, соскользнул с клотика к рее, схватился за ванты и быстро, с видимым облегчением и радостью спустился на палубу.

Густя все сидела на траве, сторбившись, прижав руки к груди.

— Хорош, чертыка! Смел! А ты чего уселась, как курица?

Позади стоял отец.

Густя встала, шумно и облегченно вздохнула.

— Все-таки заставила парня лезть на клотик? Ох уж эти бабы!

— Ну, папаня, какая же я баба! — отозвалась дочь.

— Порода одна, хошь у малолетней, хошь у взрослой. Что затеете — быть по-вашему!

Осиновка причалила к берегу. Дорофей помог ее вытащить. И когда поднимались на угор, сказал Родьке:

— Молодец! Только что бы стал делать, ежели бы пришел Вавила?

— Так ведь он не пришел, — ответил парень.

Густя встретила Родьку сдержанно, одни только горевшие синим огнем глаза и выдавали ее восхищение. Она высвободила из-под платка руку и протянула ему баранку:

— Спасибо, Родя. Вот тебе награда. По обычаю.

И поклонилась.

Родька глянул на улыбающегося Дорофея и взял честно заработанную баранку. А дочь, когда пошла домой, добавила:

— Ты смелый, Родя. И сильный! Я ноне буду тебя любить. Только... шхуна-то ведь стоит на месте, не покачается. А настоящие зуйки лезут на клотик на ходу, на волне!..

— Ну ты, бесово отродье! — в сердцах сказал отец и, ухватив дочь за косицу, потрепал так, чтобы не было слишком больно,

— Какое же я бесово отродье? — удивилась Густя. — Я тяткина и мамкина дочка, не бесова...

— Над парнем потешаешься, а сама со страху на траву уселась!

— Я не со страху! Просто стоять надоело...

Вавила Ряхин коротал белую ночь в своей продуктовой лавке. Он зажег там стеариновую свечу, взял из ящика бутылку водки, с полки — стакан, разорвал руками селедку и стал в одиночестве справлять тризну по своей всемогущей власти в Койне.

Он глядел на слабое пламя. Стеарин оплывал, стекал струйкой по стволу свечки, и Вавиле казалось, что так быстротечно и неизбежно тает эта власть, а вместе с нею благополучие и спокойная жизнь.

Дома жена пить не разрешала, да раньше он и не злоупотреблял спиртным. Вспомнив о Меланье, Вавила поморщился, покачал захмелевшей головой. Он не любил жену. Не любил за то, что она капризна, по-городскому изнеженна и жеманна, брюзглива и ревнива. Стала ревновать его даже к Фекле, которая раньше служила горничной в доме и спала в отведенной ей комнатенке в первом этаже.

Своими упреками Меланья довела Вавилу до того, что он вынужден был услать девку на кухню, а жить велел в доме ее родителей в одиночестве. Отец у Феклы утонул, мать умерла.

«Вот стерва, прости господи! Приревновала к нищей девке! — думал Вавила. — Да разве ж я унижусь до этого?»

В последнее время, видя, как меняется жизнь и Вавила терпит в делах неудачу за неудачей, Меланья все чаще стала поговаривать, что уедет в Архангельск к своему папаше и увезет Веньку. «И зачем только я согласилась ехать сюда, в деревню! Как хорошо было дома!» — сетовала она.

И от этого Вавиле было горько. А тут еще кооператив...

Ряхин успокоился хоть на том, что в товарищество вступили не все. Многие рыбаки решили жить на особицу, значит, какая-то часть их неминуемо обратится к нему. Запасов пока хватит: склад полон муки, круп, соленой рыбы в бочках, сахару. Больше не надо: времена неустойчивы. Лучше сберечь на черный день копейку.

Кое-как еще можно было жить. Сходить, допустим, на сельдяной промысел. Если так, то надо поспешить с набором команды, срочно чинить кошельковый невод...

Вино бередило душу. Вспоминались обиды, в ушах звенело, вызывая злобу, «плавай пока». «Это что же, — размышлял Вавила, — значит я должен стать, как и все, рядовым рыбаком, без судов и лавок?.. Да-а, поручик Разумовский не сдержал слова, не сохранил старые порядки. Впрочем, что — Разумовский? — мелкая сошка. Не только поручика, три державы поперли с севера большевики — Англию, Францию, Америку! Три державы!..»

Вавила покачал головой, допил вино, свернул большой кулек, положил в него пряников, конфет, орехов. Опустил в карман бутылку мадеры. Послужив пальцы, погасил свечу и запер лавку на два замка.

Он пошел к Фекле. Вниз так вниз. Пусть хоть, по крайней мере, Меланья беситься будет не зря...

Было уже светло. Только что взошедшее солнце попало в вязкую свинцово-серую тучу, наполнив с севера, краски померкли. Вверху, над тучей, от солнца протянулись, выбились на простор неба лучи-стрелы. Они ударили в верховые перистые облака, и те заискрились, засверкали теплым оранжевым светом.

Деревня спала. Стараясь не громыхать бахилами по деревянным мосткам, Вавила шел поочередно по траве. Вот и изба Зюзиных. Большая, в два этажа, срубленная из толстого леса, она мертво глядела в утро запыленными окнами нежилых комнат. Только внизу, в зимовке, на подоконниках стояли цветы. Вавила осторожно постучал в низенькое оконце. Спустил две-три минуты занавеска откинулась, и показалось белое встревоженное лицо.

— Вавила Дмитрич? — донесся глухо сквозь стекло голос. — Что вам нужно? Так рано!

— Отвори.

Кухарка открыла ему: как-никак хозяин. Вавила воровато оглянулся по сторонам и быстро вошел.

Фекла, став посреди комнаты, незаметно оправила и застегнула на все пуговицы кофту: едва успела одеться. Темно-русые волосы наспех собраны в тяжелый узел, схвачены гребенкой. Лицо слегка припухло со сна, глаза щурились. Она выжидательно, настороженно смотрела на Вавилу. Тот протянул ей кулек:

— Возьми. Гостинцы тебе!

— Что вы! По какому случаю?

— Поминки справляю.

— Какие поминки? — в голосе Феклы тревога.

Вавила хотел было сказать: «По власти своей», но сдержался, поставил на стол вино и потребовал стаканы.

Фекла нерешительно посмотрела на вино, но все же принесла стакан, тарелку, насыпала в нее гостинцев.

— Садись, выпьем.

— Я не пью, Вавила Дмитрич. Уж вы одни выпейте...

— Ну, как хошь. Не неволю. — Вавила налил полный стакан и выпил. Пожевал пряник. — Сядь-ко поближе-то!

— Зачем? — холодно и твердо спросила Фекла.

— Хочешь быть моей женой? — без обиняков спросил хозяин. — Ничего не пожалею!

Фекла отпрянула в сторону, стала у печи.

— У вас есть жена. Вы пьяны. Идите с богом!

— Меланью я в море утоплю. Не люблю ее...

— Господи, что с вами?

Вавила встал, попытался обнять Феклу, но она ускользнула от него, распахнула настесь дверь:

— Обижаете меня, девку-сироту. стыдно. Я не из таких, которые... Вот вам бог, а вот и порог! Не взыщите.

И вытолкала вежливо, но решительно Вавилу из избы. Дверь захлопнулась, взвизгнул засов.

Ряхин постоял и, не в силах подавить вспыхнувшую злобу, сказал громко:

— Не признаете? Ну, погодите!

Ему показалось, что он сказал это всей Койне.

Потом махнул рукой и пошел к дому.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1.

«Правильное начало — половина дела» — гласит пословица. Однако начинать было трудно. Кооператив «Помор» не имел ничего, кроме названия да списка членов. Снасти у рыбаков поизносились, обветшали, карбаса и мелкие парусники поистрепались на хлесткой волне. Материала для изготовления сетей взять было негде. А между тем осенью предстояло выходить на промысел наваги на Канин.

Члены правления обошли рыбаков, вступивших в артель, и учили все, что можно было использовать. Около сотни рюж нашлось по сараям да поветям, да и те нуждались в починке.

На лед могло выйти до сотни рыбаков, а по опыту, проверенному годами, для успешного лова на каждого из них надо было иметь хотя бы две-три рюжи.

Правление заключило договор с Архсоюзом, и Григорьев обещал поддержать поморов материалом для изготовления снастей и кредитом.

Близился сенокос. Многие в деревне имели коров и собирались на приречные и островные луга косить траву. Свободных рук в Койне оставалось мало, и Панькину с правленцами пришлось уговаривать стариков да старух и усадить их за вязку рюжей.

За каких-нибудь полмесяца Панькин так убегался, измотался, организуя вязку сетей, что даже во сне ему мерещились эти «окаянные», как он говорил, рюжи. Из каждой торчала то голова Ряхина, ехидно шипевшего: «Кооператив тоже! Ни кола, ни двора!», то озабоченное, с черной сыпью, лицо Григорьева, который твердил: «А навагу будем вывозить санным путем». А Панькин во сне отвечал: «Еще снастей нет, на дворе лето, а ты — вывозить!»

Жена толкала Тихона локтем в бок и спросонья спрашивала:

— Тиша, с кем ты всю ночь беседуешь? Спать не даешь!

Дорофей в глубокой задумчивости, словно решал свою собственную судьбу и судьбу своего семейства, подошел к перевернутому карбасу и обстучал его борта. Они гудели не очень весело: дерево уже кое-где подгнило, потрескалось, швы разошлись.

«На такой посудине только топиться». — Дорофей вздохнул.

Давно он забросил свой карбас, плавая на судах Ряхина, а теперь, видимо, надо все же его починить. Новый шить не из чего, да и некогда: косы приготовлены, стоят в сенях, отточенные по всем правилам, скоро им звенеть на лугах. А без карбаса сенокос немислим: сено надо плавить домой по воде из далеких урочищ.

В прежние годы семья пользовалась в сенокос лодками Вавилы...

А Вавила — вот он! Подошел неслышно: берег в этом месте мягок, торфянист.

— Каковы дела, Дорофей? — спросил он не очень ласково, не как прежде, однако спокойно. — Какая дума согнула?

Прислонился задом к промытому дождями днищу киндяковской развалины и метнул на кормщика острый пытливый взгляд. В бороде прятется усмешка, но как ни прятать — заметно.

Дорофей поглядел серьезно, не заискивая:

— Карбас собираюсь чинить к сенокосу.

— Пришел бы ко мне — дал бы. И латать не надо. Экое корыто! Дрова из него еще туда-сюда...

— Ничего, починим.

— А старых друзей побоку?

— Я друзьями не кидаюсь. Только ты, Вавила Дмитрич, другом мне никогда не был.

— А кем же был?

— Ты — хозяин, я — работник. Вот и все.

— Иль обидел чем? Скажи по правде.

— Обид не было. Относился ты ко мне по-доброму.

— В чем же тогда загвоздка?

— Плавал я у тебя долго, и вот с чем остался, — Дорофей кивнул на карбас.

— Я бы мог для тебя сшить новый.

— С протянутой рукой я ходить не обучен. Ты это знаешь.

— Знаю, — Вавила насупился, посмотрел на носки своих порыжелых, давно не чищенных сапог. — Хитер ты, брат. И неискренен.

— Перед кем?

— А хошь бы передо мной.

— В чем?

— Когда уловил нутром, что дела мои плохи, — оставил, к другим перебрелся! Гибель мою почуял?

Дорофей посмотрел ему в глаза холодно.

— Не то говоришь. Новую жизнь чую. Мне с ней по пути.

— Уж так ли? Может, сходишь на сельдяной промысел со мной? Хотя бы в последний раз. Плату положу хорошую.

— Нет, не пойду, — ответил Дорофей упрямо.

Карбас чуть дрогнул, Вавила пошел, обронив на прощание:

— Что ж, вольному воля. Оставайся у разбитого корыта.

Когда Ряхин ушел, Дорофей присел на днище и задумался, глядя вслед купцу: «Это ты прав, Вавила, — вольному воля. А вот, какая она будет — новая волюшка, новая жизнь? — этого я не знаю».

2.

А новая жизнь пробиралась пока еще робко в старинную избяную Койну — и старообрядческую и православную.

Посланцем новой жизни была и девчонка из Мезени.

Прибыла она на пароходе, что курсировал раз в неделю каботажным манером в Архангельск и обратно.

Был ветреный день в середине июля. Шестибалльно лохматилось устье. Рыбаки на сему-жких тонях и с неводами на озерах тосковали в избушках без уловов. Койну просвистывало ветром, словно сквозняком, от избенок на берегу до дедовских могил на склоне за селом.

Пароходик опасно встал на якорь в трех верстах от деревни, и сельсовет выслал к нему большой карбас с дюжими гребцами, чтобы забрать почту и пассажиров, если они есть. Один гребец хоть и с трудом, но все же поймал трап, и по нему проворно, с кошачьей ловкостью спустилась в карбас молодая гостья.

— Здравствуйте, товарищи! — перекричала она ветер и плеск волн.

— Здрассте,— вежливо ответили рыбаки.

— Мне надо в Койну.

— Садись.

Отчалили, повернули нос на деревню. Волна била с кормы, немного в бок, с северо-восточной стороны. Если бы койничане не были многоопытны, быть бы карбасу залиту водой. Однако посудина только вздымала корму под ударами, как взлягивает крупом норовистая лошадь. А гостье хоть бы что! Села на банку, вцепилась в нее крепкими маленькими руками и бесстрашно смотрела на морских волков в ватниках и ушанках, запускавших длинные крепкие весла в пучину: только брызги, да тяжелое кряхтенье уключин.

Мужики молча бросали на гостью любопытные взоры. Она тоже невозмутимо молчала. На

голове платок с кистями, на плечах кожанка — великовата, видимо, с родительского плеча. Чувствовалось — надета не для форсу, а на случай ненастья. Нос — курносый, не то мезенский, не то лешуконский. Одним словом, русский нос. Глаза веселые, губы тонкие, чуть синеватые от стужи. Из-под платка — челка скобкой во весь белый лоб.

Сошла, поблагодарив, на берег, спросила, где сельсовет — и туда. Там отыскала Панькина. Впрочем, его найти было легко: правление «Помора» находилось в доме сельсовета, в маленькой комнатке, и в штате его было лишь двое — Панькин да счетовод, жившие неизвестно на какие доходы: зарплату они еще не получали, потому что касса была пуста.

Девушка назвалась Лидией Жуковой, комсомольским инструктором из Мезени, и осведомилась, создана ли в Койне ячейка РКСМ. Панькин, занятый по горло своим «Помором», не успел еще взяться за молодежь, и ему было очень неловко в этом признаться.

Жукова скинула платок, куртку и села у стола.

— Ну что же, будем создавать. За этим и приехала. Сколько у вас парней и девчат комсомольского возраста?

— Вам нужно точно?

Тогда я схожу в сельсовет, возьму похозяйственную книгу, — Панькин поднялся, но девушка его остановила:

— Ладно, это после.

Позовем сперва надежных ребят и девушек, тех, кто предан Советской власти и разделяет взгляды Ленина на мировую революцию. — Она промолвила это серьезно, даже с некоторым пафосом, энергично трянув короткой русой челкой.

«Ух ты! Хватила!» — Панькин посмотрел на девушку с восхищением и велел позвать Родьку, Густю, Соньку Хват, Федьку Кукшина.

— Эти самые надежные, самые преданные и разделяют взгляды на мировую революцию, — сказал он Лиде, пряча улыбку.

— Хорошо. С них и начнем.

Родька немало удивился, когда Федька Кукшин, придя к нему, сообщил, что его вызывает неизвестная девушка, прибывшая пароходом из Мезени.

Родька вязал сеть. Игла проворно мелькала в его руках, нанизывая узелок за узелком, ячейку за ячейкой. Он отложил работу. Федька, при-

наряженный, в синей косоворотке и кепке с пуговкой на макушке, весь сиял, глаза лучились в улыбку:

— Штаны переодень. И рубаху бы не мешало другую. Говорят, девушка-то баская¹, бойкая.

— Ты что, свататься собрался?

— А ну тебя! — Федька даже покраснел.

Девушка и впрямь была хороша: в глазах озорные искорки, русые волосы стрижены коротко, под мальчишку.

— Садитесь, ребята! — зазвенел ее чистый голос. — Сейчас девчата подойдут, говорить будем.

Вскоре явились Густя и Сонька, и гостя сказала:

— В Койне, вероятно, много молодежи. Но все вы живете каждый по себе, на особицу. Ведь так?

— Почему на особицу? — удивилась Сонька, и ее маленькое веснушчатое лицо выразило живейшее удивление. — Мы живем дружно.

Панькин посмотрел на Соньку так, будто видел эту девчонку, известную в Койне затейницу и озорницу, впервые, он вроде бы даже был доволен ее возражением.

— Ну да, я понимаю: дружно в смысле взаимоотношений, — стала объяснять Жукова. — Но не в смысле организации. А надо жить одним коллективом! Есть такая организация — РКСМ — Российский Коммунистический Союз Молодежи. Слыхали?

Родька краешком уха слышал о комсомоле, но смолчал, боясь попасть впросак. А Федька самоуверенно ответил:

— Как же! Знаем!

— А что вы знаете о комсомоле?

И тут Федька растерялся, пробормотал, что не скоро доходят сюда, в Койну, на краешек земли, добрые вести...

Приезжая часа три говорила с ребятами, а назавтра в Койне состоялось первое комсомольское собрание, на котором создали ячейку и секретарем избрали Густю. Жуковой казалось, что на это место больше подходит Соня. Но ребята дружно высказались за Густю, и с этим нельзя было не посчитаться.

3.

Ряхин уходил на Мурман, изменив свое прежнее решение о ловле сельди в Кандалакшской губе.

Кормщиком на шхуне теперь стал Анисим Родионов. Вавила когда-то был сватом на его свадьбе. А в прошлом году сын Анисима женился на племяннице Ряхина. И тонкая, но довольно прочная нить связала Анисима с купцом.

Но не только «родство» удерживало Анисима возле купца. При расчетах, тайком от других членов экипажа, Вавила всегда давал артельному старосте дополнительный куш «за верную службу». И потому в доме Анисима имелся постоянный достаток.

Вавиле такие люди были необходимы. Он при случае, если Дорофей вдруг почему-либо не мог выйти в море, всегда рассчитывал на Анисима так же, как в других делах — на Обросима, частенько бравшего у Вавилы заем и вечно находившегося у него в долгу...

¹ Баская — красивая, приглядная.

«Поветерь» стояла на рейде. Внизу, под обрывом, Вавилу ожидала лодка с двумя гребцами.

Вавила шел к берегу по чахлой приполярной травке. Ступал неторопливо и твердо. Казалось, при каждом его шаге земля вздрагивала.

Он всегда так ходил, отправляясь в море...

Следом семенил Венька. Он зябко кутался в брезентовый плащишко и часто шмыгал носом. Не удался сын в отца. Другой бы шел рядом, в ногу с батькой, так же уверенно, как подобает настоящему наследнику и богатства и поморского званья. Но Венька семенил позади, словно дворняжка-щенок, и забегал вперед лишь для того, чтобы глянуть бате в лицо. А потом опять отставал.

Жене проводить себя Ряхин не разрешил, сославшись на дурную примету. Такой приметы не было, рыбацкие жены всегда провожали мужиков на промыслы. Но Ряхину было не до Меланьи.

Перед тем как спуститься в лодку, Вавила остановился, снял шапку, посмотрел вдаль, на холодное небо с низкими, неприветливыми облаками и подумал: «Быть скоро шторму. Пусть! Теперь жизнь так пошла, что каждый день штормит. Привыкать надобно».

Родька слышал о том, что Вавила уходит в море, и неведомая сила потянула парня на берег. Вроде бы родным стал парусник за время плавания в Архангельск, и сердце ныло от тоски: «Поветерь» уходит, уходит без него.

Вавила приметил Родьку краешком глаза, неторопливо повернул обнаженную голову. Ветер лохматил на ней волосы, сметал на сторону борду.

— Ну, что, комсомол, как живем? — спросил он.

— Живем как живем, — ответил Родька.

— Што делать ноне будете? Песни петь? В гляделки играть?

— Сети вяжем к осени, — отозвался Родька. — С песнями веселей работа идет.

— То-то и есть! Да от песен сыт не будешь. Ящик-от железной в конторе пуст! Ни копейки! Панькин и тот с лица сдал. Жрать-то нечего!

— Они снова к нам придут, батя, — угодливо встал Венька.

— Куды придут-то? Меня не будет долго. До осени... До самого ледостава.

«До самого ледостава», — повторил про себя Родька, глянув на шхуну. Как долго он теперь не увидит судно. Если бы не Ряхин, Родька, наверное, ни с чем не посчитался — упросил, умолил бы взять его на «Поветерь», на любую работу бы согласился. Только бы ощущать под ногами упругую палубу шхуны, видеть, как наливаются ветром строгие ее паруса.

Вавила перехватил Родькин взгляд и словно прочел мысли парня.

— Что? Хороша посудина?.. То-то! Вам и вовек такой не займется!.. Гляди, гляди напоследок, любуйся, — сказал Вавила. — Не видать тебе «Поветри», как своих ушей, комсомол. Прощевай! — и спустился к лодке.

Венька тоже спустился, ткнулся лицом в борду отца, заплакал. Вавила поморщился: «Вроде бы и погодки они с Родькой, но в том уже характер виден, а мой, как девка...»

— Экой ты нюня! — сказал Вавила сыну. — Ну, оставайся с богом, матку слушайся. И жди

меня с промысла. Когда ждут — отцы возвращаются, а когда не ждут...

Он не договорил, махнул рукой и, подойдя к лодке, перешагнул через борт. Корма сразу осела. Гребцы оттолкнулись и взялись за весла.

Хоронясь от ветра, Родька зашел за карбас, вытасненный на берег, присел на бревно, упер подбородок в колени и неотрывно смотрел на шхуну.

— Что пригорюнился? — услышал он и поднял голову. Рядом стоял Обросим. — Не взял тебя Вавила? Так, может, оно и к лучшему...

— А я и не просился, — ответил Родька.

— Ну-ну, — Обросим прищурился, поглядывая на Веньку, одиноко стоявшего у самой воды. — В наше-то время по-разному сиротами остаются. У тебя вот с промысла отец не вернулся. А Венька и не ведает, что при живом отце уже сирота.

— Как это? — удивился Родька.

— А так, — ухмыльнулся Обросим. — Море, ведь, оно без конца и без края...

Острый холодок кольнул Родькино сердце. Припомнился Архангельск, перекупщик в каюте Ряхина, разговор о «Норвеге».

Родька поднялся, спросил, сдерживая волнение:

— А что, Ряхин совсем уходит?

Прежняя ухмылка тронула губы Обросима. Бог свидетель, всю жизнь ненавидел он Вавилу за то, что тот удачливее был, богаче.

Знал Обросим, куда собрался Ряхин. Одного его посвятил Вавила в свои планы, и то ввиду крайней необходимости: за десятую часть стоимости запродавал Обросиму склад и лавки.

Старика распирало от радости. Уезжал навсегда заклятый его конкурент. И надо было в этот желанный час хоть перед кем-то излить душу. Впрочем, никому другому он и не сказал бы ни слова, даже жене — побоялся бы, а тут представился случай — мальчишка, еще несмышленький, по его мнению, — и старик проговорил, смакуя каждое слово:

— Пусть катится ко всем чертям!

Вроде бы ничего определенного не сказал Обросим, а душу потешил, и пошел восвояси, гордый тем, что теперь в Койне он один настоящий хозяин.

Родька глянул в море. Лодка с Вавилой маленькой точкой подбиралась к борту шхуны, слилась с ней. Парню показалось, что в назойливом посвисте ветра он уловил знакомую команду:

— Поднять паруса-а-а!

Понутив голову, пошел от берега Венька...

Когда же намерен Ряхин отчалить: сейчас или поутру? Родька и верил и не верил Обросиму. Слишком туманно тот говорил. Но беспокойство росло, и Родька не знал, что делать. Бе-

жать к Панькину и рассказать? А шхуна тем временем снимется и уйдет. Да и о чем он расскажет? О том, что слышал возле иллюминатора? О присказках Обросима? Панькин — серьезный человек, ему подавай факты.

Лодка, доставившая Вавилу на шхуну, пошла к берегу.

Гребцы налегали на весла, спешили. «Чего это? Будто кто гонится за ними». Родька заозирался по сторонам и метрах в трехстах от себя увидел человека, за которым, видно, и спешила лодка.

«Да это же Анисим Родионов, — узнал Родька. — Правая рука Вавилы... И чего это он задержался?... Хозяин раньше кормщика на судно отбыл...»

Лодка и вправду шла к Анисиму. «Была не была, — решил Родька. — Пусть он и родственник Ряхину, но не купец же. Такой же мужик, как и все...»

Родька припустил по берегу.

— Дядя Анисим! — Родька задохнулся от быстрого бега и говорил громче, чем обычно. — Дядя Анисим!

— Чего тебе? — с удивлением спросил Анисим.

— Вы... вы сегодня отплываете?

— А тебе-то какая забота?

Родька стушевался и не знал, как сказать кормщику про свои сомнения.

Лодка с гребцами была уже недалеко от берега.

— «Поветерь» берегите, дядя Анисим, — Родька поднял на кормщика умоляющий взгляд, и Анисим понял, что парень неспроста говорит о шхуне, что-то знает.

— Давай-ка, Родион, без загадок, — сказал Анисим.

— Вы все равно не поверите, — снова потупился Родион. — Берегите «Поветерь» — и все!

— Эй, Анисим! — крикнули с лодки.

— Иду! — отозвался кормщик. Слова Родьки породили в нем тревогу, но не было уже времени выяснять, что за этими словами кроется. — Ну, как знаешь! — сказал Анисим Родьке. — До встречи!

— До встречи, дядя Анисим! — ответил Родька и посмотрел кормщику прямо в глаза.

Он еще долго стоял на берегу, и Анисим с лодки, а потом и с борта шхуны видел одинокую фигурку на взгорке.

Над палубой захлопали серовато-белыми крыльями паруса, натянулись до дрожи. Шхуна, чуть накренясь, полетела вперед по зеленоватым, со стальным отливом волнам.

На другой день Меланья Ряхина уехала из Койны с сыном и своими вещами, поручив приглядывать за домом Фекле, хотя и ненавидела и презирала ее неизвестно за что всей душой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1.

Вавила ошибался: в «железном ящике» в конторе «Помора» еще до отхода купца на Мурман появились деньги. Кооперация предоставила рыбакам товарно-денежный кредит в половинном размере стоимости будущего улова.

Панькин воспрянул духом, еще более энергично занялся подготовкой к зимней путине.

Теперь ожидали специальный пароход с продовольственными и промышленными товарами, чтобы открыть в селе кооперативную торговлю. Помещение для магазина рыбкоопы было уже готово.

К Панькину потянулись рыбаки, которые на собрании из осторожности не вступили в артель, а теперь, видя, что кооператив — дело реальное, принесли свои заявления.

Семья Мальгиных собиралась на покос на своем карбасе. Елисей содержал его в порядке, и карбас был еще довольно крепок, хотя и невелик. За десять дней до отъезда на луга Родион проконопатил и осмолил его.

Пошел он поглядеть, хорошо ли застыла смола и можно ли спускать карбас на воду.

Дом Мальгиных стоял у берега, в северном конце деревни. Небольшая изба выходила крыльцом на улицу села, а четырехоконным фасадом — к реке. Перед окнами — грядки с картошкой. За ними — отлогий спуск к реке, затравенный до приливной черты.

На травяном откосе карбас был опрокинут на плахах. Родька подошел к нему.

Вечерело. На западе, под тучами, у самого горизонта, небо светилось тускло, словно позолота на старых иконах. Родька стоял у карбаса в раздумье.

Где сейчас «Поветерь»? Верно ли сделал он, что не сказал о своих догадках ни Панькину, ни Густе? Ну а если бы сказал и ему поверили — что могли бы сделать? Сообщить в Архангельск? Но пока туда доберешься, шхуна уйдет бог знает куда. Искать ее в море не легче, чем иголку в стоге сена...

По тропинке вдоль берега, опираясь на пошок, шел Иероним Пастухов. На плечах длинный чуть ли не до колен ватник, на голове цыгейковая шапка, на ногах — шерстяные чулки с галошами.

— Чегой-то призадумался, добрый молодец? — спросил дедко. — А-а, вижу, карбас высмолил! — он тихонько поколупал ногтем смолу, пощупал заливку в швах. — Высохло. Добро осмолил! Да и вправду сказать, ты, Родя, теперь мужик самостоятельный. Когда на покос-от?

— Дня через три, — ответил Родион. — А вы куда?

— Да вот пошел навестить Никифора Рындина. Чего-то он часто стал прихварывать. — Иероним стал рядом с Родькой, посмотрел на устье Койны, на низкие облака. — Годы, брат, свое берут. В молодости нам, Родионушко, не сладко доставалось. Теперь, может, жизнь другая будет, полегче да получше. А мы жили трудно...

А все же интересно было. Опасная наша морская жизнь, а красивая. И чем красива? Морем! И холодное-то оно, и неприютное, и сердитое иной раз до страха, а доброе! Около него — имей голову да руки — с голода не пропадешь.

Оба стояли на косогоре плечом к плечу — старый и молодой, Иероним по-отечески поучал Родьку.

— Мно-о-ого, Родионушко, надобно знать, чтобы в море-то ходить без опаски. Возьми, к примеру, приливы... Течение воды при отливах и приливах разное бывает. Вот, скажем, три часа идем в нашу сторону, на северо-восток, потом под юго-запад три часа — и прибылая вода, и палая. От берега на Моржовец направление держим, в голомя¹ — тогда вода компасит: два часа идет под полночинок, потом под восток три, потом под юг около трех часов, а после под запад — четыре часа... По опыту знаем...

¹ Голомя — открытое море.

Ежели моря не знаешь, сам на себя не надейся, за людьми иди! Установку морскую должен знать претотменно. Старики недаром говорили: «На промысел поехал, нужно знать течение воды и поворот земли...» Иной раз приходится ходить в ненастье и ночью, — а маяков нет, огней по берегам не видать...

Иероним стоял, опираясь на посох обеими руками. Родька молча ждал, что он скажет еще. Любо было ему, слушать старого помора. У него целый короб знания...

И тут Родька заметил в устье реки паруса, выплывающие из-за мыса.

— Дедушко! Гляди-ко! Судно!

— Чье бы? — Иероним всматривался вдаль.

— «Поветерь!» — воскликнул Родька.

— «Поветерь», — подтвердил старик. — Теперь и я вижу. С чего бы это? Только сутки прошли, как Вавила снялся с-якоря. Уж не случилось ли что?

2

Весь вечер Вавила не выходил на палубу, указав еще в Койне Анисиму, заступившему на вахту у руля, курс на северо-восточную оконечность Кольского полуострова, на мыс Орлов.

Только когда проходили Моржовец, хозяин постоял с обнаженной головой у фальшборта, провожая остров взглядом. И если бы рыбаки могли видеть в эти минуты лицо Вавилы, его глаза, то заметили бы глубокую печаль.

Остров остался позади. Вавила, резко повернувшись, рванул дверь в каюту и надолго там заперся. Лег на койку, заложил руки за голову.

Шхуна бежала бойко, пластая надвое волны. Вавила закрыл глаза, и ему показалось, что он совсем маленький, висит в зыбке на оцеле¹ и бабка качает его. Оцеп поскрипывает, и бабкин голос тоже:

Спи, усни, угомон тебя возьми...

Да, раньше ему казалось, что никогда не покинет родные места, прирос к ним всем сердцем, привык. В Койне родился, там и будет покоиться на погосте. Но теперь раздумья привели его к иному решению. Он хотел жить. Жить, как прежде, хозяином, властным и свободным. Но времена изменились, и таким хозяином ему не быть. Он это не только чувствовал, но и знал наверняка. Сегодня — кооператив, завтра еще что-нибудь. Советская власть не позволит ему ни торговать, ни промышлять самостоятельно. А быть гольтыббой? Бессребреником? Рядовым рыбаком, как и все? Нет, это не для него!

Это первое оправдание в пользу бегства.

Семья...

Да, у него семья. Но она не приносит ему радости. Меланья в трудную минуту покинет его. Об этом говорила прямо. Женитьба обернулась ошибкой. Нужны были деньги, и только...

Сына Веньку жаль. Все-таки своя кровь. Хотелось бы его взять с собой, но неизвестно, какие испытания предстоят впереди. Потом он его выпишет. Венька подрастет, поумнеет и сам найдет дорогу к отцу, если захочет...

Они с женой люди разные. Меланья к тому же и сейчас ядовита и сварлива. А что будет под старость? Мука.

¹ Оцеп — жердь, вдетая в кольцо, ввинченное в потолок. К ней подвешивалась зыбка — детская люлька. Оцеп играл роль пружины.

Второе оправдание...

И уж, конечно, за него обязательно возьмутся и наверняка накажут за связь с белыми. Не у него ли квартировал поручик? Пил, ел что душе угодно! Не ему ли отвалил Вавила фураж да продовольствие для успешного похода против красных? Это, как говорят большевики, — собственничество контрреволюции.

Третье оправдание.

Три оправдания бегства за границу.

А команда? Она пока ничего не знает. Но не обманешь ее, не такие уж дураки мужики, чтобы не заметить, что шхуна крадется вдоль пограничной полосы в чужое государство. А кордоны? Наши они, может, проскочит. Ночью, без огня. Но примут ли норвежцы? А вдруг повернут обратно «Поветерь», не желая иметь осложнений с Советами? Норвегия в интервенции не участвовала, той враждебности, какая у англичан да американцев, к России пока не выказывает.

А все же рискну. Команда ничего знать не должна, а мне все равно пропадать.

В Норвегии есть знакомые по прежним торговым делам рыбопромышленники. Помогут первое время. Шхуна еще крепкая, думал Вавила. Найму команду, буду ловить селедку, треску. Куплю дом либо усадьбу. Есть золотишко, оно везде хожалое, не бумажные ассигнации.

Уходя в море, Вавила выгреб из тайника золотые монеты царской чеканки и ювелирные изделия. То, что было в комнатах — в комоды да шкатулке, оставил нетронутым, чтобы Меланья не заподозрила неладное.

...Спустилась ночь. Качка усилилась, перешла в бортовую. Каюта заходила ходуном. Вавила встал, накинул куртку, вышел на палубу.

Ветер дул с северо-востока, полуночник. По волнению, по характеру качки Вавила определил: шхуна пересекает горло Белого моря и находится примерно на середине его.

Вавила рассчитал время так, чтобы Орловский мыс пройти рано утром, когда маячная команда, отстояв ночную вахту, погасит огонь и отправится на отдых. А дневные дежурные только встанут ото сна. Он бывал на маяке и знал существовавший там распорядок.

Важно было пройти поскорее мыс незамеченным.

...Маяк остался позади. Шхуна со свежим ветром ходко огибала восточную оконечность Кольского полуострова. Справа по борту и впереди раскинулись просторы Баренцева моря.

Вавила вышел из каюты и заглянул в рубку:

— Доброе утро, Анисим! Сменишься с вахты — зайди ко мне.

Анисим молча кивнул.

Вскоре у руля встал второй кормщик — Николай Тимонин, пожилой рыбак, отец многочисленного семейства. У него было семь дочерей, четыре уже созрели для замужества, но не везло: девки никак не находили женихов.

— Садись, Анисим, — Вавила показал на койку, сам утвердился в кресле у столика. — Устал, поди? Всю ночь стоял!

— Ничего. Не привыкать.

— Следующую вахту сам стану у руля.

Вавила замаялся, видимо, не зная, с какой стороны подойти к самому главному, хотя об этом «самом главном» думал всю ночь и, ка-

жется, все учел и предусмотрел. Анисим набил трубку и вопросительно посмотрел на хозяина.

— Кури, — сказал тот. — Анисим, много лет ты служил мне честно, как и подобает истинному помору и мореходу. И поэтому я тебе во всем доверяю. Думаю, что в это трудное время ты будешь со мной рядом. За благодарностью моей дело не станет...

Анисим насторожился, пыхнул дымом в стонору, промолчал.

— Обманывать тебя не стану, скажу прямо: я ухожу в Норвегию.

Брови Анисима изумленно поползли вверх, он вынул трубку изо рта.

— Ты говорил — на Мурман, за селедкой...

— Верно, говорил, — прервал его Вавила. — Однако ночью сегодня передумал.

— А зачем в Норвегию? За товаром?

— Нет. Навсегда.

— Навсегда?!

— В Койну мне возврата нет. Судя по всему, купечеству приходит конец. А я жить без своих судов, без торговли, без верных мне людей никак не мыслю. Лучше уж сразу в гроб. Вот почему ухожу.

Анисим, погода, спросил:

— Только поэтому?

— Да. Годами я копил добро, своим горбом добывал в трудах великих, а теперь все потерять?

— Ну, хорошо, понимаю тебя, Вавила Дмитрич. Но ведь я-то, да и команда в Норвегии уйти не можем! Нам это ни к чему. Куда нас денешь? И ведь один шхуной не справишься!

— В этом-то и все дело. Давай думать вместе, как быть.

Вавила протянул руку к стенному шкафчику, достал водку, чарки, закуски. Анисим склонился, положив руки на колени. «Берегите «Поветерь», — вспомнилось ему. — Неужели Родька узнал планы Вавилы?.. И врет Вавила, что сегодня ночью бежать надумал. К таким делам готовятся долго, исподволь».

— Выпьем, — сказал Вавила.

— Вроде бы ни к чему, — сказал Анисим.

— Выпьем, — приказал Вавила.

Анисим нехотя принял чару, выпил, пожевал кусок соленой семги.

— Вы бы могли высадить меня на норвежском берегу и повернуть домой, — сказал Вавила, размышляя вслух. — Но что я буду делать там без судна? Это не годится. Один выход: придем в Норвегию, я договорюсь с властями, чтобы вас отправили в Архангельск с первым же идущим на Двину судном. Подмажу, где следует. Команде при расчете выдам по триста целковых, тебе — тысячу. Идет?

— Рискованное дело, Вавила Дмитрич. Деньги — одно, а совесть и жизнь — другое. Нехорошо ты задумал. Мужики ведь тебе доверяли! Да нас еще на границе военный катерок прищучит!

— Уйдем ночью, без огня. Паруса — не мотор. Не слышно. Это я все обдумал. Знаю место, где можно проскочить. Соглашайся. Решил я твердо. К цели пойду напролом!

— Грозишь?

— Нет. Но говорю прямо — мне надо уйти. У меня боле выхода нет.

— Ты о себе только думаешь!

— Нет. И о вас думаю. Договоримся: об этом знаешь ты один. И никому ни слова. До

самого перехода границы. Переходить будем ночью. Я стану к рулю, ты заговоришь вахтенных.

— Так нельзя. Надо, чтобы мужики знали, на что идут.

— Узнают — не пойдут. Разве характер койничан мне не ведом? Пустое говоришь.

Помолчали. Вавила наполнил стопки. Родионов вытряхнул пепел из трубки, набил ее снова. Угрюмо двигая бровями, размышлял. Глаза посверкивали недобро. «Берегите «Поветерь», — снова вспомнил он.

— Надо подумать, — наконец сказал Анисим.

— Думать времени нет. Решай сейчас. — Вавила выдвинул ящик стола, достал наган и стал набивать барабан патронами. Молча набил барабан, повернул его, сунул наган обратно в ящик. Потом вынул пачку денег. — Вот, у меня плата приготовлена. Мужикам по триста, тебе, как я сказал, тысяча.

— И наган приготовлен? — спросил Анисим.

— На всякий случай... Ну, по рукам?

Анисим не очень охотно протянул руку. Хозяин сжал ее крепко своей горячей и потной рукой. Глаза его лихорадочно блеснули.

— А теперь иди отдыхай. И я вздремну. Всю ночь не спал. Думал...

...Вавила проснулся днем и пошел на корму в отхожее место. Когда он появился оттуда, сзади кто-то крепко обхватил его локтевым сгибом за шею — не продохнуть. Хозяин рванулся, взмахнул руками — и за руки схватили с двух сторон дюжие мужики.

— Вяжите его льняком! — спокойно приказал появившийся из-за рубки Анисим. — Крепче! По рукам и ногам.

Хозяина эмг растянули на палубе, спутали веревкой. Он бесновался, изрыгая проклятия:

— Ах, гады! Хозяина-то эдак? Разбойники! Анисим! Это ты предал меня? Паскуда! Прохвост! Ну, погоди же!

Анисима уже возле него не было. Взломал дверь каюты, он взял из ящика стола револьвер. Мужики, словно больного, втащили Ряхина в каюту, положили на койку, привязали крепко-накрепко морскими узлами. Заботливо подложили под голову подушку, чтобы удобнее было лежать...

— Спи до дому. В целостности-сохранности доставим. У Меланьи очухаешься, чайку напьешься. Дурные мысли из головы выбросишь!

— Ах, гады, гады! Ах, разбойники! Хозяина-то эдак? — повторял Вавила.

— Молчи, а то рот законопатим паклей смолевой!

— Ах, разбойники! — Вавила рвался всем телом, пытаясь освободиться от пут, дергался, стонал, говоря, что ему плохо, затекли руки-ноги. Но его стenanия рыбаки пропускали мимо ушей. Потом он заплакал. Слезы текли по щекам на подушку — слезы бессильной ярости и злости.

Шхуна шла обратным курсом — на Орловский мыс, а оттуда — на Моржовец.

В каюте хозяина поочередно дежурили матросы, передавая друг другу вместе с «почетной» вахтой и вороненый ряхинский револьвер. Вавиле сказали:

— В Норвегу эдаким манером нам идти

негоже. Коммерческим рейсом, законно — пожалуйста. А так — нет!

В Койне Вавилу рыбаки передали с рук на руки Панькину, который, узнав, в чем дело, приставил к купцу двух активистов для охраны, вооружив их тем же ряхинским наганом. «Домашний» арест на купца был наложен по решению сельсовета.

Вскоре из Мезени на моторном боте прибыл следователь с двумя милиционерами. Допросив Ряхина и свидетелей, следователь увез их в Мезень. Пришлось туда ехать и Анисиму. Он сначала не хотел давать показаний, ссылаясь на родственные связи с Вавилой. Но поехать все же пришлось.

Пустующий дом Вавилы опечатали. Фекла осталась присматривать за скотиной купца.

По решению уездного исполкома шхуна, бот, требующий ремонта, карбаса и другое имущество Вавилы были переданы койненскому кооперативному товариществу.

Анисим как-то встретил Родиона на улице, остановил, помолчал, попыхивая трубкой, потом сказал:

— По-твоему вышло, Родя. Сберегли мы «Поветерь».

Сенокосная страда прошла быстро: спешили койничане высушить и доставить домой корм. Погода в этих местах изменчива. Бывает, зарядят дожди на неделю, на две, а то и больше — пропало дело.

Пользуясь ведром, семи работали на лугах в верховьях реки с темна до темна, пока видно. Год был урожайный на травы, они выросли высокие, сочные, густые, и сено получилось духмяное, хорошее.

Мальгины и Киндяковы косили вместе. Силы поровну: три мужика и три женщины. Тишка, хоть и мал, а неутомим и напорист. Ручонки крепкие — бойко ворошил сено.

Когда трава высохла, сгребли ее в кучу, снесли к берегу, спарили вместе карбаса Дорофеев и Родьки, уложили на них сено и стали «плавить» его вниз по течению. Ефросинья, Парасковья да Густя пошли берегом домой. Дорофей с Родькой сидели у руля, огибая мелкие и каменистые берега. Тишка на верху сеного вороха сделал себе ямку и угнездился в ней.

Прибыли в деревню — новая забота: сносить сено на повети.

Дул резкий холодный сиверко. Несмотря на июль — самую середину лета, было зябко. Деревянными вилами-тройчатками Родька сгружал сено в копешки на берег. Когда он поднимал над головой ворох, тот «парусил» на ветру и было очень трудно удержать его на весу. Немели плечи, мускулы напрягались до отказа. В ватнике становилось жарко — снимал его. И как только снимал — тело охватывало стужей. Снова, чертыхаясь, накидывал ватник на плечи.

Копешку укладывал на деревянные жердиносилки. Когда набирался достаточный ворох, Родька брался за передние концы носилок. Сзади сено поднимала Парасковья. Нелегко было взбираться вверх по глинистому береговому откосу. Старались идти в ногу, кряхтели, обливались потом. Заносили копешку на сеновал и, передохнув малость, снова спускались к карбасу.

Рядом так же переправлял сено к дому Дорофей с Густей.

Едва успел он закончить «сенные дела», вызвали в контору.

— Ну, Дорофей,— весело сказал Панькин, когда Киндяков переступил порог,— принимай судно и — попутного тебе ветра!

— Это как понимать? — спросил Дорофей, догадываясь, о каком судне идет речь, но не зная, куда предстоит идти.

— Пойдешь на «Поветери» в Кандалакшскую губу за сельдью. Так решило правление. С тобой, правда, не советовались — был на покосах. Думаю, возражать не будешь?

— Ловить чем? — спросил Дорофей.

— Вавила собирался на Мурман, то бишь в Норвегию, с кошельковым неводом. Он в целости-сохранности. Еще послужит.

— А команда?

— Насчет команды давай обговорим. В рейс просятся те рыбаки, которые ходили с Вавилой. Им, видишь ли, обидно, что плавали зря — и невод не пришлось обмочить. Ничего не заработали, а время потеряли. Однако они сделали полезное дело — не дали Ряхину улизнуть за кордон. Пожалуй, следовало бы их взять в команду с Анисимом. Он будет тебе хорошим помощником. Согласен?

— Ладно,— сказал Дорофей, заметно повелев. Он так истосковался по штурвалу! И уже потерял всякую надежду владеть им. О навязьем лове зимой Киндяков вспоминал без особого подъема: не привык норить¹ снасти. Ему больше по душе зыбкая палуба, свист ветра, упругий звон такелажа да кипенье воды в шпигатах².

— Хотелось бы взять Родьку Мальгина,— сказал Дорофей.— Грезит парень морем! Подрос, окреп — будет ладный матрос.

— Родьку? — Панькин потер подбородок.— Что же, возьми, пожалуй.— Он улыбнулся.— Пускай на «Поветери» будет комсомольская пролойка.

— Когда отплывать?

— А хоть завтра. Шхуна стоит на рейде в полной готовности. Дедко Пастухов там кукует уже десятый день, охраняет...

Шхуна отплывала ранним утром. На берегу толпился народ. Уходила «Поветерь» в море от имени нового хозяина. Явление небывалое и предвительное. Как водится, были пересуды:

— Ноне «Поветерь» стала общественной, как ящик с деньгами у Панькина в кабинете!

— Да-а, времена! Суденышко у владельца отбрали, а самого хозяина бог знает куда закатали!

— И поделом! От родных мест в Норвегу бежать затеял!

— Поплавал Вавила — и хватит. Пусть теперь мужики плавают.

Как и весной, Родьку провожала мать с Тишкой. На этот раз она не давала ему поварских уроков, не совала узелка. Уходил Родька полноправным матросом. Тишка гордился братом: шел, цепляясь за Родькин рукав, и важно поглядывал по сторонам, что, впрочем, не мешало ему временами поправлять картузишко, сползавший на глаза.

В толпе провожающих Родьку заметил Густю. Она прощалась с отцом, на Родьку, казалось, не обращала внимания.

Но едва он сел в карбас, услышал ее голос:

— Родя-я-я! До свиданья!

Оглянувшись — Густя у самой воды машет ему косыночкой, сдернутой с головы. Он снял шапку и степенно помахал девушке. И когда карбас отчалил и направился к шхуне, вдогонку понеслось:

— Доброй тебе поветери-и-и!

Если глянуть на карту на северо-восток от Архангельска — увидишь до самого Мезенского побережья необозримые малообжитые просторы: тундровые болота, торфяники, по берегам речек — луга и полосы лесов. И реки с диковинными названиями, какие есть только на Севере: Лодьма, Пачуга, Кепина, Золотица, Сояна, Мегра, Полта, Кельда, Кулой... До самого Абрамовского берега, где приютилась на краю материковой земли Койна, тонкие волнистые нити рек и пятна озер. И лишь кое-где — маленькие

¹ Норить — затягивать веревками рюжи под лед.

² Шпигаты — отверстия в фальшборте для стока воды с палубы и пропуска такелажа.

точки дальних глухих деревень, куда добираться можно зимой на оленях, а летом на лодках — где по рекам, где волоком.

Зимой все заботливо укутано снегами. Снега, снега, без конца, без края... И когда еще люгют морозы, этот обширный край кажется и во все нежилым.

Летом природа тоже не ласкает взор живописным пейзажем. Но как только выйдешь к морю — все мгновенно преобразается. Холодное Белое морюшко плещется, словно былинное, сказочное диво в оправе из черновато-коричневых высоких берегов, и когда глянет солнце, в отлив в полосе прибоя светятся теплыми радостными красками пески, словно где-нибудь на юге.

Но на этих песках курортники не греют бока, да и вряд ли кто отважится и выкупаться. Разве что поневоле...

Не похоже Белое море ни на какие другие моря-океаны. Разнится и от грозной Атлантики, от лазурной ленивой Адриатики и шумного, оживленного Средиземноморья. Мыс Горн и Канин Нос отличаются друг от друга, как день от ночи.

Особый склад у моря Белого. И люди тут живут особые...

На судне Родька старался всюю. Каждую команду кормщика схватывал на лету. К парусам его пока не ставили, велели присматриваться.

Дорофей, приоткрыв дверь рубки, перекинулся с Анисимом несколькими словами. Анисим кивнул и, круто повернув штурвал, взял курс на остров Моржовец. Рыбаки недоумевали:

— Зачем поворотил на север?

— Обойдем Моржовец с той стороны. Надо! — сказал Дорофей.

Часа через полтора шхуна оставила слева по борту остров, а еще через полчаса на ней приспустили паруса и сбавили ход. Дорофей, выйдя на полубак, поздравил к себе Родьку, вытянул вперед руку:

— Вон там, должно быть, погиб твой батя... Между Конушиным и Орловым мысами!... Не повезло — ни к тому, ни к другому берегу не прибило.

И снял шапку. Родион жадно всматривался в серо-зеленый простор. Там без конца шли и шли волны, одна догоняла другую. Вечное, неутомимое движение...

Над шхуной висело одно-единственное облачко — серое, с округлыми краями, похожее на грозное. Небо было в этот час удивительно голубым, ясным и прозрачным, с золотинкой. А вдаль, еле различимые, наползали от горизонта другие облака — низкие, вытянутые над морем, густо подсиненные снизу. Осенние облака, предвещающие холода и ненастье.

— Где-то здесь, — горестно прошептал Родька и склонил на грудь русоволосую кудрявую голову.

Пройдя еще немного на север, словно для того, чтобы найти, нащупать поточнее место гибели Елисея, «Поветерь», описав полукруг, взяла курс на юго-запад.

¹ Конушин мыс — на полуострове Канин, Орловский — на Кольском полуострове.

ДЛИННЫЕ

СУТКИ

«22 августа 1942 года. Дорогие товарищи! Если кто найдет эту записку, то передайте командованию. Мы, разведчики 730 арtpолка, Убушув Бадма Закович (из Калмыцкой АССР, Сарпинского района), Веретенников Зосим Васильевич (Удмуртская АССР, ст. Балезино), Дмуха Федор Тарасович (Белорусская ССР, Черниговской области), находимся в городе Коротояке, между первой и второй линиями немецких позиций.

Узнав о скоплении немецких войск и подготовке к наступлению, мы решили создать панику у фашистов. Оставленными нашими пушками мы уничтожили 3 вражеских пулеметных точки и батарею противника, тем самым создали панику и приостановили бешеное наступление фашистов.

Меня сейчас ранило в ногу. Мои товарищи действуют, а я пишу эту записку. Может, нас терзают фашисты, но мы стараемся, чтобы не попасть в их лапы, всеми силами стараемся прикрывать советские войска. Умрем за Родину все вместе, но не сдадимся. Будем бить фашистов до последней капли крови.

По поручению товарищей расписываюсь за командира взвода.

Разведчик З. Веретенников».

Записка эта пролежала в земле почти двадцать семь лет и сейчас находится в экспозиции Воронежского областного краеведческого музея. Она была вложена в бутылочку, которую нашли случайно школьники во время работ на приусадебном участке. И теперь, через много лет, стали известны судьбы разведчиков. Все трое вышли из боя за город Коротояк живыми.

Двое встретили День Победы. Лишь Федор Тарасович Дмуха погиб 11 декабря 1943 года, похоронен в селе Тимоново Пустошинского района Калининской области.

Бадма Убушув вернулся с войны в Калмыкию. Работал до конца своих дней бригадиром овцеводческого совхоза в селе Плодовитом Сарпинского района.

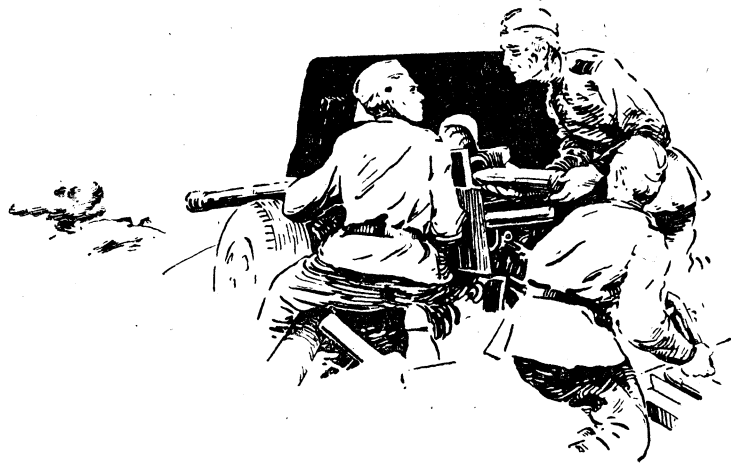
А Зосим Васильевич Веретенников уже пе-

решагнул седьмой десяток. Инвалид войны, пенсионер. Десять последних лет работает сторожем Балезинского лесхоза. От него я узнал историю записки, найденной школьниками.

— В августе 1942 года наш 730-й арtpолк выгрузился на станции Давыдовка и уже через пять километров марша наткнулся на немцев. Много суток бились мы в этом месте с фашистами за Коротояк. Несколько раз город переходил из рук в руки, много осталось нашей техники на правом берегу и много наших солдат потопил тогда немец в Дону. Но и мы его пощипали изрядно. Однако враг сильно укрепился в городе.

Вызвал нас троих — Дмуху, Убушуева и меня — начальник разведки полка капитан Архипов и поставил такую задачу: переправиться через Дон и засесть огневые точки противника.

Изучили мы, как положено, местность, связали из трех бревен плот и ночью незамеченными переправились на правый берег. Плот замаскировали в прибрежных зарослях и благополучно проникли за первую линию обороны немцев. Излазали, исползали участок, на который вышли, и обнаружили на нем нашу 76-миллиметровую пушечную батарею. Люди погибли, но пушки были целы, остались и ящики со снарядами. Тут-то и возникло у нас дерзкое решение расстреливать немцев в упор из этих орудий. Чуть занялся рассвет, мы принялись за работу: наместили близкие цели и за короткое время

уничтожили три пулеметные точки и артиллерийскую батарею вместе с их расчетами. Когда мы открыли огонь, взбесилась вся немецкая оборона: бьют и по нас, и по нашим на том берегу. Сушее пекло! И в самом пекле — мы. Тут-то меня и ранило осколком в левое бедро.

Когда сделали свое дело, отошли и укрылись в щели. Стали советовать. «Что подумают свои: то ли пропали мы без вести, то ли, того хуже, немцам сдались». Вот тогда и решили оставить записку: может, когда-нибудь дойдет весточка о нас родным.

Написал я ее немецкой трофейной авторучкой, да еще и палец приложил, вроде печати: обмакнул в кровь на повязке. Бутылочка нашлась, уже не помню из-под чего. Горлышко замазали глиной и закопали. Подумали: «теперь и помирять легче будет». А накрыть нас немцам среди бела дня ничего не стоило: были-то мы в их кольце. Стали по кустам отходить. И наткнулись внезапно на замаскированный окопный ход, и он привел нас на вражеский наблюдательный пункт. Две гранаты сработали чисто: один из фашистов оказался офицером. Забрали у убитых планшетку да стереотрубу. Хорошо в нее видно, и маленькая, удобно носить.

Увидели мы с этого НП еще одну близкую цель: пулемет из дота поливает нашу сторону. Ползком подобрался мы к доту. Я добрался до амбразуры, бросил в нее противотанковую

гранату и тут же откатился вниз. А товарищи мои наготове у дверей дота стояли. После взрыва ворвались в него, — три фрица последние секунды воздух глотали, а станковый пулемет к стенке отброшен был.

Вскоре нашли мы одно надежное укрытие и стали дожидаться в нем вечера. Двое отдыхали, один на посту. Наблюдал. Под вечер увидели, что на станции разгрузился эшелон с солдатами, — видно, пополнение пришло к фашистам. И все это воинство собралось в низменности у окраины города, обнимаются, приплясывают, чокаются. Так и просятся под пушечный выстрел. И опять мы поползли к оставленному оружию. Но нога моя отяжелела, а товарищи вдвоем никак не могли развернуть пушку. Пособил им, как мог. Навели все-таки на цель. И пошло! Стреляли снарядами, какие попадались под руку, — осколочными, фугасными. Это был праздник! Мы, трое артиллеристов-разведчиков, разогнали целое сборище фашистов, а несколько десятков вояк осталось лежать на земле. Под покровом ночи мы перебрались в укрытие, а потом сняли кинжалами боевое охранение и возвратились в свой полк.

Длинными показались нам эти сутки.

В. БОБЫЛЕВ

Рисунок А. Бойченко

Пионерии — 50 лет

ЗНАМЯ ПЕРВЫХ ПИОНЕРОВ

Э тот кусок красного бархата случайно обнаружили ребята в кладовой Ижевского Дома пионеров. Развернули его и замерли от неожиданности: знамя! С красного полотнища на них смотрел мальчишка с горном в руках. А ниже шла надпись на удмуртском языке. Прочитали одну фразу — «Героям, борющимся за школу большевизма!» Ниже вторая — «Подарок от имени «Дась лу!», облисполкома и ДКО».

«Дась лу!» — это название удмуртской пионерской газеты, что значит «Будь готов!» А вот что такое ДКО, никто не мог объяснить. Следопытов заинтересовало также, когда и кому вручено было знамя. Так начался поиск. В него включился и аспирант Пермского педагогического института Иван Тукаев. В одном архивном документе он нашел упоминание о том, что пионеры села Новый Мултан в годы коллективизации починили более двух тысяч мешков и создали шесть красных обозов с хлебом. В другом документе новомултанская пионерская организация была названа краснознаменной. Стали восстанавливать историю этой организации, и вот что узнали следопыты.

Первый отряд пионеров появился в селе

в 1924 году. Ко времени коллективизации их стало больше десяти. В это время в село приехала комсомолка Галина Власова, фельдшер. Она и организовала ребят на борьбу за санитарную культуру Нового Мултана. Потом пионеры стали готовить дрова для своей школы, помогали готовить инвентарь к весеннему севу, сами участвовали в бороновании полей. Стали они учить азбуке неграмотных крестьян.

И вот в сентябре 1931 года в Новый Мултан приехал редактор пионерской газеты «Дась лу!» Трофим Архипов. Лучшей в Удмуртии пионерской организации он вручил знамя газеты, облисполкома и детской коммунистической организации — ДКО.

В Ижевске следопыты разыскали Галину Николаевну Власову, бывшую вожатую сельских пионеров. Она овладела второй специальностью, многие годы проработала учительницей русского языка.

Теперь первое пионерское знамя стоит в здании старого арсенала, в музее истории республики.

А. АРТАМОНОВ

Сокровища Посольского приказа

Бiblioteca Центрального государственного архива древних актов — одна из старейших в нашей стране. Она ведет свое начало со второй половины XVII века, когда было образовано книгохранилище Посольского приказа. При переписке с разными государствами дьякам и переводчикам этого МИД того времени приходилось обращаться к иностранным сочинениям. Их приобретали во время зарубежных поездок, дипломатических сношений, а также получали в виде дара от разных лиц, а иногда покупали даже на базаре — в овощном ряду, который помещался в то время в Московском Кремле.

Первое крупное пополнение в библиотеку поступило в 1677 году. Это было «77 книг на разных языках», конфискованных в числе другого имущества у опального боярина А. С. Матвеева, бывшего руководителя Посольского приказа, одного из образованнейших людей старой Руси. Кроме того, в этом же году поступили книги из Стрелецкого приказа, а с 1684 года сюда уже постоянно передавались книги не только из некоторых учреждений, но и вновь отпечатанные книги из типографий.

Указ Петра I от 29 июля 1696 года положил официальное основание библиотеке Посольского приказа. В указе было сказано: «...выше печатные и письменные книги в Посольском приказе пересмотреть и переписать имянно, да и в приказе Малые России такие же книги, которые есть налицо переписать, и взять их в Посольский приказ с роспискою».

Вскоре библиотека пополнилась книгами из имущества ссыльных или попавших в немилость крупных политических деятелей XVIII века — князей

Долгоруких, А. П. Волынского, П. И. Мусина-Пушкина, Ф. И. Соймонова, А. Ф. Хрушова и других.

В конце XVIII века библиотека окончательно оформилась при Главном архиве Министерства иностранных дел¹, обогатилась покупкой ценнейшего собрания академика Г. Ф. Миллера и стала доступной для исследователей. В ней работали известные русские историки, архивисты и литераторы: А. И. и Н. И. Тургеневы, М. П. Погодин, П. М. Строев, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, Л. Н. Толстой. В архиве изучал материалы по истории Петра I и восстанию Е. И. Пугачева А. С. Пушкин.

Когда-то библиотека находилась в Кремле, в здании Посольского приказа, затем с 1767 года более ста лет помещалась в Колпачном переулке, а с 1874 по 1925 год — на месте, где теперь расположено новое здание библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Потом библиотека вместе с архивом слилась с библиотекой бывшего Московского архива Министерства юстиции, а в 1970 году вошла в состав Научной библиотеки центральных государственных архивов Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

По своему собранию редких русских и иностранных книг библиотека архива является одним из ценнейших книгохранилищ страны — в ней около 300 тысяч томов книг и комплектов периодических изданий. Подавляющая часть — старопечатные и редкие книги XV —

XVIII веков почти на всех языках мира по истории, медицине, философии, военному делу и многим другим разделам.

В русском фонде отдела редких изданий хранятся первые книги, напечатанные гражданским шрифтом по указу Петра I: «Книга о способах, творящих водохранилища рек свободное» (М., 1708), «Побеждающая крепость» Боргдорфа (М., 1708), «Новое голландское корабельное строение» Алярда (М., 1709) и многие другие.

Уникален иностранный фонд отдела редких изданий; здесь собраны сочинения греческих классиков — Демосфена, Геродота, Гомера, Эсхила, польские буквари и такие редкие книги, как «Библия» на чешском языке (1556), «Лечебник», изданный на греческом языке в Венеции (1534) и, наконец, знаменитая «Нюрнбергская хроника» (1493).

Особый интерес представляет коллекция книг Московской синодальной типографии — одной из старейших русских библиотек, образованной при Московском печатном дворе в середине XVII века. В конце XVII — начале XVIII века она обогатилась за счет трех огромных для того времени собраний: Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Дмитрия Ростовского. Значительная часть старопечатных книг этих собраний имеет записи, пометы, автографы, что дает возможность выяснить социальный состав владельцев книг в России на протяжении нескольких веков.

Даже беглый осмотр всех книжных богатств подтверждает, какие исключительные, в значительной части уникальные, печатные издания хранятся в книгохранилище архива. Только за последний год было выявлено около 100 экземпляров книжных изданий, которые

¹ Посольский приказ был упразднен в 1720 году. Из его дел был образован архив Коллегии иностранных дел, переименованный в 1803 году в Главный архив Министерства иностранных дел.

ИЗВѢСТІЕ

О сочиняемой Россійской Минералогіи.

Авторъ книги именуемыя: *Первыя основанія Металлургіи*, Коллежской Совѣтникъ и Профессоръ господинъ Ломоносовъ намбрень, для общаго знанія и приращенія рудныхъ дѣлъ во всей Россійской Имперіи, сочинитъ описание рудъ и другихъ Минераловъ, находящихся на всѣхъ Россійскихъ заводахъ; изъ чегобъ составить общую систему Минералогіи Россійской, и показать по Физическимъ и Химическимъ основаніямъ въ предводительствѣ правила и примѣны руднымъ мѣстамъ для приску, много точнѣе, нежели по нынѣ извѣстны.

Но какъ сего дѣла не можно произвести, не имѣя самыхъ рудъ со всѣхъ Россійскихъ заводоу всякихъ породъ, по которымъ бы учинить описаніе: того ради поманушой господинъ Совѣтникъ Ломоносовъ желаетъ, и симъ проситъ всѣхъ содержателей рудныхъ заводоу; дабы для сочиненія оныя Россійскія Минералогіи постарались присылать со своихъ заводоу разныя руды промышленныя у себя Металлоу, къ нему господину Ломоносову въ Санктпетербургъ, на своемъ коштѣ.

А что бы присылака оубъ заводчиковъ и содержателей рудныхъ дѣлъ происходила согласно съ таковымъ полезнымъ намбреньемъ, и не была бы отягонительна большимъ числомъ рудъ, нежели предпріятіе требуетъ; для того оубъ проситъ. 1) Оныхъ рудъ не присылать въ излишнемъ количествѣ, которое не показыватъ различія породъ оубъныхъ Минераловъ; а напротивъ того не раздѣлять бы кусковъ, кои надлежатъ въспѣ,

И

ДЛ

отсутствуют в других центральных книгохранилищах страны; поэтому есть все основания предполагать, что они сохранились в библиотеке в единственном экземпляре.

Некоторые из этих уникальных изданий связаны с историей Урала и Сибири.

Утраченная идиллия

Таковы, например, два малоизвестных сочинения М. В. Ломоносова — идиллия «Полидор» и «Известие о сочиняемой российской минералогии».

Идиллия «Полидор» была написана Ломоносовым по случаю состоявшегося 5 июня 1750 года утверждения К. Г. Разумовского гетманом Украины. Так как Разумовский состоял

президентом Академии наук, последняя считала себя обязанной отозваться на новое, весьма почтенное его назначение. Вполне естественно, что выполнение этой обязанности легло на Ломоносова. Сочиненная им идиллия была в том же месяце напечатана в академической типографии.

Задуманная как подносное издание, книга, по всей вероятности, вышла в небольшом количестве экземпляров. Во всяком случае, до революции единственный экземпляр ее имелся только в книжном собрании известного красноярского коллекционера Г. В. Юдина. Ее обнаружил там академик М. И. Сухомлинов, работавший в конце прошлого столетия над изданием сочинений М. В. Ломоносова. По словам академика, это — величайшая библиографическая редкость. Как известно, в 1906 году Юдин вынужден был продать

свою коллекцию библиотеке Конгресса в Вашингтоне; вместе с другими книгами уплыл за океан и уникальный «Полидор». Книга считалась навсегда утраченной, поэтому особую ценность представляет найденный в архивной библиотеке другой ее экземпляр.

Редкое «Известие...»

Еще одно чрезвычайно редкое издание М. В. Ломоносова в коллекции библиотеки — это «Известие о сочиняемой российской минералогии», имеющее самое непосредственное отношение к истории открытия и разработки полезных ископаемых на Урале.

В 1761 году Ломоносов обратился через сенат к местным властям, к старостам и сотским с призывом собирать образцы минералов, камней, песков и глины.

Поиски минеральных богатств в такой обширной стране, как Россия, говорил Ломоносов, требуют много людей; специальных экспедиций для этой цели недостаточно, надо привлечь весь народ к изучению недр страны. Ломоносов составил подробную инструкцию для этой работы и обязался сам промывать пески и пробовать их на золото изобретенным им способом, осматривать породы для выявления в них обломков дорогих камней, исследовать глины на содержание металла и г. д.

В декабре 1763 года в академической типографии было напечатано «Известие о сочиняемой российской минералогии». В нем излагался план «Российской минералогии» — монументального труда, задуманного великим ученым. Труд этот, к сожалению, был прерван в самом начале — год спустя Ломоносов умер.

В «Известиях» автор обращался с воззванием ко всем заводчикам России помочь в этой работе, давал точные указания, как организовать сбор образцов минералов и пересылать их.

В январе 1764 года состоялось определение Берг-коллегии об организации доставки Ломоносову руд с подведомственных ей заводов. Экземпляры «Известия» были посланы в Московскую Берг-контору

и Екатеринбургскую канцелярию главного правления сибирских и казанских заводов, а также в канцелярии Петровских (Олонецких) заводов и Нерчинского горного начальства.

Обращение Ломоносова получило горячий отклик. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Ломоносов в ответ на свое обращение получил ценные материалы. Особенно внимательно отнеслись к начинаниям Ломоносова на уральских горных заводах, где были быстро распространены экземпляры указа Берг-коллегии и печатного «Известия» Ломоносова.

Около 120 казенных и частных горных заводов приняли участие в сборе руд и минералов для Ломоносова, многочисленные образцы со всех концов

России начали поступать в его распоряжение, например, на Алтайских рудниках в окрестностях Барнаула руда отбиралась и отправлялась в Петербург для Ломоносова в большом количестве («пудами»).

Но в апреле 1765 года Ломоносов умер. Все материалы «Российской минералогии» при невыясненных обстоятельствах исчезли и следы их пока не найдены.

Первая иркутская книга

Недавно в коллекции редких книг нашей библиотеки была обнаружена небольшая старинная книжечка без переплета и

выходных данных. Она называется «Описание торжества, бывшего в Иркутске 12-го декабря 1807 года... при открытии каменной гражданской больницы, построенной иркутским купцом Чупаловым». Удалось выяснить, при каких обстоятельствах она была написана и издана.

В XIX веке Иркутск становился уже центром обширного генерал-губернаторства, которое с 1803 по 1822 год управляло всей территорией Сибири — от Урала до Тихого океана. Иркутск называли столицей Восточной Сибири, но вид его был далеко не столичный. Из 1645 домов было только 53 каменных, в том числе 23 дома принадлежали казенным учреждениям, 30 — купцам.

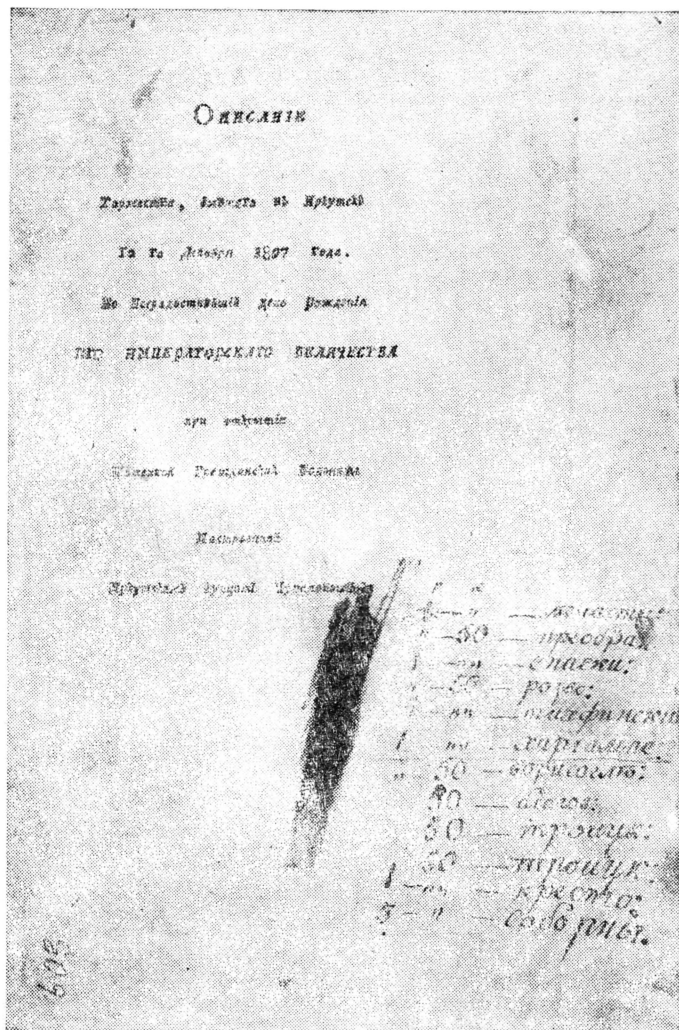
В 1806 и 1811 годах последовали правительственные указы о благоустройстве городов. Иркутск стал усиленно отстраиваться, появилось немало каменных зданий. Церкви, жилые дома, лавазы, лавки строили видные чиновники и купцы, в руках которых находилось управление Иркутском и губернией. Нажившиеся на торговле местные купцы пытались «увековечить» свое имя. Так в апреле 1806 года началось строительство «Чупаловской больницы». О торжественной церемонии ее открытия как раз и рассказывается в найденной книге.

Купец 2-й гильдии Николай Семенович Чупалов передал выстроенную «его иждивением» больницу в дар Иркутскому приказу общественного призрения «для пользования больных — немощных всякого состояния более ста человек — на шет приказа, которая занимает пространство в длину 24, а в ширину 8 сажень».

Далее в книге описывается торжественное шествие к новому зданию при участии почти всего населения города.

Как известно, пожаром 1879 года в Иркутске была истреблена большая часть архивов присутственных мест и книг в библиотеках. В связи с этим найденный экземпляр можно считать ценным историческим документом об Иркутске прошлого столетия. Кроме того, издание интересно тем, что оно было напечатано в одной из провинциальных типографий Сибири. Но в какой?

В истории русской местной книги имеется много неясных

моментов. Отсутствие архивных документов, большое количество так называемых «безвыходных» изданий, небольшой тираж — все это вызывает большие затруднения в изучении ее истории. К найденной в архиве книге еще не раз будут обращаться историки и книговеды Сибири, но уже сейчас можно высказать предположение, что она является первой иркутской книгой, напечатанной в 1807 году местной типографией. Возможно, при участии известного «иркутского первопечатника» Петрова, приглашенного в 1780 годах сибирским губернатором Якоби на службу в Иркутск.

Еще в 1795 году в Приказ общественного призрения Иркутска было доставлено все нужное для устройства типографии оборудование. Но, как сообщал в 1804 году иркутский губернатор Селифанов, все эти типографские принадлежности «оставались без всякого употребления и некоторые из них от долговременного лежания пришли в негодность». По всей вероятности, в городе не могли найти типографских

служащих, что наблюдалось и в других городах России.

Но типография в Иркутске существовала, об этом свидетельствует аттестат, выданный М. П. Петрову в 1806 году генералом от инфантерии Лиццано: «Свидетельствую сим, что находящийся при Иркутской типографии коллежский регистратор Михайло Петров во время управления мною Иркутскую губернию, оказывал директору той типографии как в устройстве оной, так и при печатании разных по губернскому правительству и палате гражданского суда исполнений...»

5 августа 1807 года последовал указ правительства «Об устройстве типографии при губернских правлениях». Это как раз и совпало с торжеством в Иркутске, к которому заранее готовились в городе; извещения рассылались во все крупные города Сибири.

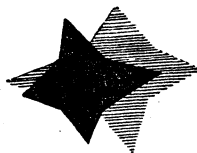
Не было ли издание книги попыткой иркутского губернатора Трескина выполнить предписание правительства и возобновить в городе типографское дело? Оформление книги свиде-

тельствует о несовершенстве набора, по-видимому, от долгого бездействия типографские станки пришли в негодность, шрифты были избиты и частично растеряны (например, из курсивного шрифта были утеряны строчные буквы в и г и заменены прямыми из другого шрифта).

Удалось установить, что найденная книга принадлежала известному русскому историку Н. А. Чаеву. Такие сочинения, написанные «на случай», печатались в небольшом количестве экземпляров и в наше время стали большой библиографической редкостью. Достаточно сказать, что этой книги нет ни в одном книгохранилище Москвы и Иркутска.

Ценная находка позволяет отодвинуть дату начала книгопечатания в Иркутске ровно на 50 лет назад — до сих пор первой иркутской книгой считались «Ведомости», изданные в 1857 году.

**С. ДОЛГОВА, гл. библиотекарь
Научной библиотеки центральных госархивов.**

Защитопомощание ВОЗМОЖНО

Фантастическая юмореска

Илья ВАРШАВСКИЙ

Рисунки Е. Стерлиговой

— Это — больной Вахромеев, профессор. Я вам уже докладывал.—
Врач положил на стол историю болезни.

Профессор походил на эффелевского бога Саваофа. У него была лохматая седая борода и простодушный взгляд, свойственный только карманным воришкам и очень опытным психиатрам. Этот взгляд с профессиональной точностью отметил

и асимметрию лица больного, и то, как, закрывая дверь, он посмотрел себе под ноги, и неуверенную походку.

— Разденьтесь!

Больной скинул халат и торопливо стянул рубаху.

Профессор вел осмотр быстро и элегантно, как будто играл в давно знакомую и очень увлекательную игру.

Дважды он удивленно хмыкнул. Явно патологические рефлексы.

Классический случай, прямо хоть сейчас — на демонстрацию студентам.

— Так... Одевайтесь!

Несколько минут он листал историю болезни.

— Так что вас беспокоит?

Больной усмехнулся.

— Этот вопрос я должен бы задать вам.

— В каком смысле?

— Ведь вы меня держите в сумасшедшем доме, а не я вас.

— Ловко! — захохотал профессор.— Ловко вы меня поддели. Я вижу, вам пальца в рот не клади! Однако...— Он снова стал серьезным и взглянул на первую страницу истории болезни.— Однако, Дмитрий Степанович, во-первых, здесь не сумасшедший дом, а клиника неврозов, а во-вторых, скажите, вам когда-нибудь приходилось видеть сумасшедшего?

Вахромеев задумался.

— Ну как? — спросил профессор, отметив про себя, что больной погрузился в воспоминания, видимо, забыв об окружающей обстановке.— Приходилось?

— Приходилось.

— Находите ли вы какое-нибудь сходство между вашим поведением и поведением сумасшедшего?

МОЙ
ДРУГ—
ФАН-
ТАС-
ТИКА

— Нет.

— Вот видите. Даже вам, человеку не-искушенному, ясна разница. Так неужели вы думаете, что я, врач с пятидесятилетним стажем, неспособен отличить нормального человека от сумасшедшего?

— Не знаю. Во всяком случае — я здесь. Тогда объясните, зачем меня сюда привезли.

— Вот это — другой вопрос! Попробуем сообща найти на него ответ.

Профессор вытащил из кармана серебряный портсигар с монограммой. Почувствовав запах табачного дыма, Вахромеев глотнул слюну.

— Пожалуйста, курите! — Профессор протянул ему портсигар и щелкнул зажигалкой. — Итак... почему вы находитесь тут на излечении? Прежде всего потому, что у вас налицо признаки функционального расстройства центральной нервной системы. С сумасшествием это имеет так же мало общего, как понос с раком желудка. Ваше заболевание излечивается полностью. Пройдете курс лечения, и мы с вами распрощаемся, надеюсь, навсегда.

Вахромеев посмотрел под стол.

— Вы что-нибудь потеряли? — спросил профессор, многозначительно взглянув на врача.

— Нет... Сколько же времени продлится лечение?

— Это во многом зависит от вас. В таких случаях очень важно полное взаимопонимание между лечащим врачом и пациентом. Мы поможем вам, а вы помогите нам. Согласны?

— Согласен, — вздохнул Вахромеев. — Что же от меня требуется?

— Прежде всего, расскажите об этой крысе.

— Что рассказывать?

— Какая она, большая или маленькая?

— Подкрысок.

Профессор удивленно поднял брови:

— Что значит подкрысок?

— Подкрысок — это подкрысок, — раздраженно сказал Вахромеев. — Бывает подлещик, бывает подсвинок, а это — подкрысок.

— Значит, подросток?

— Подросток — у людей, у крыс — подкрысок.

— Хорошо. Черная или белая?

— Черная.

— Вот такая? — Профессор нарисовал на листе бумаги очень похожий силуэт крысы.

— Такая.

— Ясно. Как часто она к вам приходила?

— Не она, а он.

— Откуда вы это знаете?

— Он мне сам сказал.

— Гм... Ну, допустим... Так как часто он к вам приходил?

— Сначала редко. Он боялся. Если была приотворена дверь, смотрел с порога, в комнату не заходил. Потом я начал, уходя на работу, оставлять ему еду на блюдецке. Что-нибудь вкусненькое. Вот он и привык ко мне.

— Отлично! Что же дальше!

— Однажды вечером он пришел и взобрался ко мне на плечо.

— Правое или левое?

— Какое это имеет значение?!

— Просто так, любопытствую.

— Левое.

— И тогда вы начали с ним разговаривать?

— Нет. Недели две он приходил и сидел просто так. Ну, а потом...

— Что же было потом?

— Заговорил.

— На каком же языке, он, простите... заговорил?

— Ни на каком. Просто я начал его понимать.

— Телепатически?

— Может быть, и телепатически.

— А он тоже понимал ваши мысли?!

— Понимал.

Врач хотел было что-то сказать, но профессор жестом его остановил.

— Скажите, Дмитрий Степанович, — спросил он, — а у вас раньше не было таких ощущений? Ну, скажем, едете вы в трамвае, и вдруг вам начинает казаться, что кто-то читает ваши мысли. Какой-то незнакомый вам человек.

— Нет... Просто я... сам иногда... Впрочем, ерунда! Не было такого!

— Значит, только с этой... с этим подкрыском?

— Да.

— О чем же вы разговаривали?

— Этого я вам сказать не могу.

— Почему?

— Не поверите.

Профессор взял в руки узкую ладонь Вахромеева и пристально посмотрел ему в глаза. При этом его взгляд сразу утратил былое простодушие.

— Дмитрий Степанович, — сказал он тихо и отдельно. — Мы с вами уже

говорили, что лечение возможно только при полном взаимопонимании и доверии между нами. Ну, рассказывайте!

— Хорошо! — забормотал он. — Я расскажу, все расскажу, только вы никому не говорите, а то...

— Так что вам говорил подкрысок?

— Он говорил, что, в общем... ну, словом, их род гораздо древнее нашего. Что они уже давно пытаются добиться, чтобы люди их оставили в покое, что никакого вреда они никому не причиняют, что люди ведут себя по отношению к ним просто мерзко, что сейчас им уже совсем житья не стало, что они могут многому нас научить, а мы этого не понимаем и... и все такое.

— Спасибо!

Профессор откинулся в кресле и закрыл глаза. Некоторое время он сидел так, что-то обдумывая. Затем, видимо, приняв решение, поднял глаза на Вахромеева.

— Ну что ж, Дмитрий Степанович, попробуем во всем этом разобраться. Во-первых, этот ваш подкрысок. Известно ли вам, что при некоторых заболеваниях, в частности при белой горячке, люди видят чертей? Известно?

Вахромеев кивнул.

— Почему же именно чертей? — продолжал профессор. — Да потому, что в глазу есть клетки, имеющие очень сходную форму. В нормальном состоянии человек их не видит, а вот при белой горячке, вследствие расстройства зрения, появляется такая иллюзия. — Профессор нарисовал рядом с силуэтом крысы хвостатого чертика. — Неправда ли, похоже?

— Да.

— Кстати, а вы, Дмитрий Степанович, никогда не злоупотребляли алкоголем?

— Нет, я непьющий.

— Тем лучше. Просто мне хотелось объяснить вам, почему подобные галлюцинации всегда связаны с чертями или крысами.

Вахромеев взглянул на профессора.

— Это не галлюцинация, — сказал он, вновь опуская глаза. — Настоящий живой подкрысок.

— Допустим, — согласился профессор. — В конце концов, приручить крысенка не так уж трудно. Мне хочется вместе с вами выяснить другое обстоятельство. Вы по профессии?..

— Инженер-электрик.

— Великолепно. Значит, культурный человек. Это значительно облегчает мою задачу. Давайте немного порассуждаем. Вот вы говорили о телепатическом общении с этим крысенком.

— Подкрыском.

— Подкрыском, — кивнул профессор, — именно подкрыском. Я, знаете ли, не из тех, кто отвергает любую идею толь-

ко потому, что она не укладывается в существующие концепции. К сожалению, мы еще очень многого не знаем, особенно там, где речь идет о человеческом мозге. В том числе и телепатические явления остаются пока загадкой. Не думайте, что в этой области подвизаются только шарлатаны. Даже сам Бехтерев отдал много времени тому, чтобы разобраться во всем этом. К сожалению, ни один из научно поставленных опытов не подтвердил наличие телепатической связи.

— Да, но...

— Я предвижу все ваши возражения! — перебил профессор. — Я сам их часто высказываю в споре с теми, кто не проявляет достаточной научной объективности в подходе к этому вопросу. Обычно я привожу такой пример: если бы Исааку Ньютону сказали, что есть возможность видеть людей, находящихся на Луне, и даже разговаривать с ними, он бы наверняка привел неопровержимые доказательства того, что это — невозможно. Он просто ничего не знал об электромагнитных волнах. Не допускаем ли мы точно такую ошибку, когда отождествляем биосвязь на расстоянии с электромагнитными колебаниями? Может быть, существует иной, еще неизвестный нам вид носителя этой связи? Тем более, что у насекомых что-то подобное наблюдается. Не правда ли?

— Конечно! — убежденно сказал Вахромеев.

— Вот видите, Дмитрий Степанович, я не догматик. Наука догматизма не терпит. Однако она так же не терпит игнорирования уже твердо установленных фактов, которые лежат в самой ее основе. Давайте посмотрим, что это за факты. Природа снабдила все живые существа органами чувств. Совокупность этих органов называется первой сигнальной системой. Только человек в процессе эволюции обрел речь. Именно это приобретение, именуемое второй сигнальной системой, поставило его над животным миром и дало возможность пользоваться абстрактными и обобщенными понятиями. Согласны?

— Согласен.

— Хорошо! Теперь предположим, что телепатическое общение все же возможно. Спрашивается, что это — свойство, утраченное человеком в процессе эволюции или, наоборот, приобретенное? Второе предположение мы вынуждены отвергнуть, так как, во-первых, человек по

данным антропологии не менялся со времен кроманьонца, а, во-вторых, именно наличие второй сигнальной системы делает биосвязь на расстоянии ненужной. Вы меня поняли?

— Понял.

— Теперь выводы делайте сами. Если и признать возможность телепатии, то она может осуществляться только на базе первой сигнальной системы. Всякую возможность телепатического разговора следует исключить, даже в общении между людьми. Что же касается ваших воображаемых разговоров с... подкрыском, то это — вообще абсурд, потому что животные, как мы уже говорили, не обладают второй сигнальной системой.

— Но я же с ним тозил! — упрямо сказал Вахромеев.

— Это плод расстроенного воображения, результат болезненного состояния. Чем скорее вы это поймете, тем успешнее пойдет лечение. А сейчас, — он похлопал больного по плечу, — отдохните и подумайте обо всем в спокойной обстановке. До свидания!

Черный подкрысок закончил сообщение и сейчас почтительно прислушивался к мыслям исполинской белой крысы:

«Трудно переоценить значение этих опытов. Впервые удалось осуществить связь с двуногими. Может быть, — это начало новой эры. Необходимо закрепить достигнутые результаты.»

«Но они держат его в заключении, — подумал подкрысок. — Осуществлять связь становится все труднее. За ним наблюдают круглые сутки.»

Белая крыса пошевелила усами.

«В таком деле нужна ловкость и изворотливость. Или, может быть, ты считаешь себя непригодным для этой цели?»

Подкрысок почтительно склонил голову.

«Нет, что вы?! Я приложу все силы!»

«Тогда желаю успеха!»

— Так что будем делать? — спросил врач. — Ко мне обратилась его дальняя родственница. Она согласна взять его под расписку.

Профессор поморщился.

— Об этом говорить преждевременно. Такое течение шизофрении иногда дает острые и нежелательные вспышки. Пока продолжим химиотерапию. Если она не даст желаемых результатов, придется прибегнуть к электрошоку...

ПАРАД САМОДЕЛОК

Когда на улице появляется этот яркий «Петушок», прохожие останавливаются — любуются и удивляются. А уж если вслед за ним выезжают на прогулку и «Конек-Горбунок», и «Лягушка», то вокруг сказочной кавалькады собирается целая толпа.

«Петушок», «Конек-Горбунок» и «Лягушка» — это мотоциклы-лилипуты. Они не выпускаются на заводе, не продаются в магазинах, их сделал для себя, для сына и для внука Б. В. Филимонов, рентгенотехник детской больницы. И все Филимоновы теперь обеспечены персональным транспортом, разъезжают по Свердловску на быстроходных малютках. Бывает, конечно, что в пути мотоцикл заупрямится, но и тогда нет большой беды: седок берет своего «Петушка» или «Конька» под мышку — и дальше пешком.

А вот инженер Е. Г. Нохрин много лет сооружал один автомобиль, зато из его гаража вышла оригинальная и универсальная машина. На дороге она не отстает от «Москвичей» и «Запорожцев», а на воде — что тебе быстроходный катер.

Когда Нохрины приезжают на озеро Шарташ и прямо с берега уходят в плавание, а потом — с волны на песок, на дорогу — и домой, народ тоже дивится.

Сколько же всего самодельных автомашин в Свердловске! Установить адреса всех «автозаводов на дому», а вернее — найти несколько де-

сметков зарегистрированных, с номерами, самоделок помогли работники госавтоинспекции.

И вот состоялся первый в Свердловске парад машин индивидуальных, совершенно неповторимых марок и конструкций. Самым элегантным лимузином жюри признало «Исеть» работника Стройбанка Б. Л. Платонова. Инженер из Кировграда Ю. А. Юдицкий сделал самый совершенный автомобиль, на нем он участвовал в гонке самоделок от Москвы до Киева. Живейший интерес вызвали автомотолодки, катера на колесах, разные амфибии. Не затерялся среди экспонатов и «Петушок». Он привлек внимание своими микро-размерами. Но более диковинным транспортным средством оказался «табурет на двух колесах» инженера Г. П. Олькова. Конструкция этого мотоцикла предельно проста, вид — самый непрезентабельный. Однако на своем «табурете» Г. П. Ольков катается с 1963 года, наездив в общей сложности более 50 тысяч километров.

А. ФИЛАТОВ

Фото Н. Медведевой

Письма из Нижнего Тагила

1853—1856

Анатолий МОТЫРЕВ

Все началось с того, что в мои руки попала небольшая книжка «А. Янушкевич. Дневники и письма из путешествия по казахским степям», изданная в Алма-Ате несколько лет назад. Автор дневников и писем, польский демократ Адольф Янушкевич участвовал в восстании 1830—1831 гг. и был сослан в Сибирь. В своих дневниках и письмах он оставил яркое описание жизни и быта казахского народа середины прошлого столетия. В предисловии к ним, написанном доцентом Казахского университета Ф. Стекловой, перечислялись уральские города, где Адольф Янушкевич отбывал ссылку. Невольно напрашивалась мысль: трудно допустить, чтобы Янушкевич в своих дневниках обошел их молчанием.

В своем предположении я не обманулся. В Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина из коллекции «Россика» мне выдали два томика дневников и писем А. Янушкевича, собранных после его смерти братьями и изданных в Берлине в 1875 году. Один томик состоял из уже упомянутого казахского дневника, а второй — из писем Янушкевича своим родным из Тобольска, Ишима, Омска и Нижнего Тагила.

Так родился этот очерк, в котором впервые на русском языке приводится часть писем Янушкевича, относящихся к периоду его жизни в Нижнем Тагиле.

Детство Адольфа Янушкевича протекало в Несвиже Минской губернии. В долгие зимние вечера мальчик зачарованно слушал рассказы о знаменитом своем родственнике Тадеуше Костюшко.

Во время учебы в Виленском университете учителем Адольфа был знаменитый Иоахим Лелевель, убежденный республиканец, один из выда-

ющихся историков Польши. Деятельность его, как историка, получила высокую оценку К. Маркса.

В университете началась дружба Янушкевича с поэтом Адамом Мицкевичем. Объединяли их не только общественные интересы, но и творчество. Стихи Адольфа, как и его друга, имели хождение в среде прогрессивно настроенного студенчества.

Когда началось восстание в Польше, Янушкевич вместе с братом Евстафием тайно перешел Неман и поскакал в Варшаву.

А потом случилось то, о чем Мицкевич рассказал в третьей части своей поэмы «Дзяды», посвященной драматическим событиям. Янушкевич явился прототипом одного из героев этой части поэмы — «Адольфа из Варшавского салона».

В сражении отряд Янушкевича был разбит, сам он получил ранения и попал в плен. Потом в колонне пленных он шагал через Россию в Вятку и обратно, на суд в Киев.

В длинном списке «мятежников» и «политических преступников» Янушкевич был отмечен как «один из самых опасных и упорных в преступлении перед империей» и 4 марта 1832 года приговорен к лишению дворянского звания с конфискацией имущества и ссылке на поселение в Сибирь.

Через год Янушкевич уже был в Тобольске, куда позже стали прибывать для отбытия ссылки декабристы М. А. Фонвизин, И. А. Анненков, А. М. Муравьев, Н. В. Басаргин и другие.

Политические ссылки были поставлены в суровые условия. Они не могли служить в государственных учреждениях, обязаны были отмечаться в полиции, и даже на поездку в соседнее село им требовалось специальное разрешение.

Вскоре Янушкевич был арестован. Причиной послужил заговор, зревший среди ссыльных поляков. Хотя участие Янушкевича в заговоре не было доказано, для отбытия ссылки ему назначили новое место — деревню Желяковку Ишимского уезда, расположенную в 360 верстах от Тобольска. Отсюда в 1835 году он переехал в Ишим, где находилась большая группа его земляков.

В эти годы Янушкевич переводит с английско-го «Историю завоевания Англии норманнами», ведет обширную переписку с родными и друзьями.

Здесь, в Ишиме, Янушкевича судьба свела с декабристом Александром Ивановичем Одоевским. Их знакомство переросло в крепкую дружбу. Зимние вечера они коротали вместе. Играли на клавесине, читали вольнолюбивые стихи.

В 1841 году Янушкевич отметил восьмилетие своего пребывания в Сибири. И тут совершенно неожиданно пришел запрос: Янушкевичу предлагается выбор — стать солдатом или чиновником. Ссылный склонился к последнему и в августе 1841 года поступил на государственную службу в качестве канцеляриста Омского окружного суда. Однако пробыл там недолго и был переведен в канцелярию начальника пограничного управления «сибирскими киргизами».

Служба в пограничном управлении была для Янушкевича облегчением. Появилась возможность более широкого общения с людьми, особенно когда последовало назначение его секретарем «Комитета по уложению проекта киргизского права».

В июне 1843 года Адольф впервые побывал в бескрайних казахских степях. Матери, родственникам он восторженно писал:

«Я переезжал через высокие горы, одетые лесями и населенные медведями, маралами, лосями и оленями, впасть перебирался через реки, неведомые никому в Европе, а над ними впервые за двенадцать лет услышал я милое пение соловья... Я видел киргизские племена, кочующие в составе тысячи и более юрт на протяжении 25—30 верст, степи, покрытые косяками коней, верблюдов, баранов и рогатого скота чудной красоты... Встречал купеческие караваны, идущие из Ташкента и Коканда, стада сайг, диких коней, называемых куланами... Наконец, должен был узкой степной дорогой лететь через пылающую степь. Разве все это не интересно? Разве не интереснее, чем вид немецких полей, засаженных картофелем, или неа-

политанских лаццарони, обедающих макаронами? Здесь я нигде не видел посевов, не встречал заборов, вокруг — бесконечный простор. Дышал полной грудью, как араб в пустыне».

Янушкевич горячо полюбил и степи, и жителей их — казахов, начал изучать незнакомый язык.

В 1845 году Янушкевича включили в состав военно-дипломатической экспедиции. Перед ней стояла задача подготовить к переходу в русское подданство пять племен Большой Орды, положить конец племенным раздорам, провести перепись населения.

Шесть месяцев провел Янушкевич в казахских степях. Он выехал в первые майские дни и вернулся в Омск глубокой осенью, побывав в иртышских степях, Семипалатинске и глубинном Аягузе. Он видел «снежные стены» Ала-Тау, Тарбагатайские горы, спускался к озеру Балхаш. И все эти дни вел дневник.

«Я все более убеждаюсь в том, — отмечал Янушкевич, — что у киргизов большие умственные способности. Что за легкость речи! Как умеет каждый объяснить свое дело и мастерски отбивать доводы противника! Даже у детей разум развивается очень быстро».

Осенью 1852 года брат Янушкевича, Евстафий, эмигрант, находясь в Карлсбаде, встретился с владетельным аристократом, «князем Сан-Донатом и хозяином многих уральских заводов» Анатолием Демидовым. Евстафий рассказал Демидову о своем брате, сибирском ссыльном, и князь решил принять участие в судьбе Адольфа: лишний образованный человек на его заводах не будет обузой.

Через некоторое время дворцовая канцелярия сообщила Демидову, что «отставной коллежский регистратор Адольф Янушкевич, проживающий в Омске, может переехать в Нижний Тагил».

Этот переезд состоялся в феврале 1853 года. В Нижнем Тагиле Адольф Янушкевич прожил более трех лет, исполняя обязанности помощника заводского библиотекаря, занимался астрономическими и метеорологическими наблюдениями, садоводством, вел заводскую минералогическую коллекцию.

Мысль об открытии в Нижнем Тагиле библиотеки «для бесплатного пользования служащими и работающими на рудниках и заводах» вынашивалась давно. В 1836 году был даже разработан

устав библиотеки, но лишь с приездом Янушкевича она, наконец, была открыта. Начало фонду положила родовая библиотека Демидовых, включавшая богатейшее собрание изданий XVIII века.

«Цель учреждения библиотеки, — писал А. Н. Карамзин¹ в 1853 году, — дать возможность служащим заводов употреблять с пользою свободное от их занятий время в кругу семьи и, наконец, чтобы образовать такое место, в котором бы служащие, читая книги и рассуждая о их разных предметах, могли сообщать друг другу по служебной их деятельности свои мнения и познания».

Тагильская библиотека была одной из первых на Урале библиотек общего пользования. Она находилась в верхнем этаже левого крыла ампиричного дворца Демидовых.

Под хранилище были отведены три зала и прихожая, для читателей — отдельный кабинет. Сквозь стекла шкафов поблескивали тома в золотом тиснении. Здесь были знаменитая французская «Энциклопедия», труды Тацита, Цицерона, Руссо, Ломоносова.

Несмотря на плохое здоровье, Янушкевич развил кипучую деятельность. Созданная при его участии библиотека насчитывала 1215 книг, из которых на русском языке 950, а число читателей достигло 435.

Еще из Омска Адольф писал:

«Еду в Нижний Тагил с радостью, но, откровенно говоря, как в темный лес: никого я там не знаю и не представляю себе, чем я там буду заниматься».

А вот первые сообщения — уже из Тагила: «Нижний Тагил расположен в 1050 верстах от Омска, а следовательно, на столько же ближе к Дзяхильнам, в ста пятидесяти верстах от Екатеринбурга, в Пермской губернии, следовательно, уже в Европе, хотя еще на азиатском склоне Урала. В нем — более 20 тыс. жителей,

богатые рудники, в которых добывается ежегодно по 25 пудов золота, много тысяч пудов чугуна, железа, меди, неисчислимые запасы платины, малахита и тому подобных драгоценностей; при этом он имеет различные заводы и мастерские, железную дорогу в своем распоряжении и собственный паровоз; одним словом, заключает в себе все сокровища природы, искусства и промышленности, как известно из географии, изданной в 1816 году.

Климат, правда, здесь более холодный, потому что город расположен на 4 градуса северной Омска. Но горы и леса заслоняют его от Ледовитого океана, и все, кто бывал в Нижнем Тагиле, утверждают, что тамошние морозы не так чувствуются, как в Омске, расположенном на равнине и открытом всем ветрам и несносным буранам...»

Он писал что встретил его «сам всемогущий управляющий здешних производств» Антон Иванович Кожуховский, давний знакомый.

«Местоположение города показалось мне необычайно прекрасным; люди, которых мне здесь удалось встретить, воспитаны и цивилизованы... Насколько я полагаю, мне уготовано место библиотекаря проектируемой библиотеки. Таким образом, я буду иметь плату, особенно при моих доходах подольских, более чем удовлетворительную, квартиру, роскошную работу, не подвергающую меня опасности со стороны резкого климата...»

Через три недели со дня приезда в Тагил Янушкевич сообщал:

«С 18 марта я живу в своей собственной квартире, так хорошо устроенной! Это небольшой, одноэтажный каменный домик, расположенный неподалеку от так называемого господского дворца, где проживает пан Антоний со своими тремя секретарями. Внизу — сени, кухня, комната для кухарки и кладовка; наверху — прихожая, большой зал с пятью окнами и кабинет. Все с иглодочки, выкрашено, оклеено с большим вкусом обоями — дворец в сравнении со скромной моей квартирой у Кузьмовны¹, которая пишет мне, что до сих пор всей семьей оплакивают меня. Редкая это женщина. Дай ей бог и всей ее прекрасной семье добра! Как бы я был счастлив, если бы здесь нашел хоть часть такой привязанности и заботы!»

¹ Андрей Николаевич Карамзин, сын историка, был женат на Авроре Карловне Демидовой, занимал неофициальный пост главноуправляющего демидовскими заводами. Более подробно об А. Н. Карамзине можно прочитать в «Тагильской находке» Ираклия Андроникова. — Прим. автора.

¹ Омская хозяйка А. Янушкевича

В апреле умер Кожуховский, и Янушкевич оказался без поддержки и знакомств. Положение его осталось по-прежнему неопределенным.

«...Чтобы не есть даром хлеб, — писал он родным, — присматриваюсь, на всякий случай, чем могу быть полезным, если мои расчеты не оправдаются: знакомлюсь с местностью, рудниками, приглядываюсь ко всякого рода работам, много узнал нового и очень интересного для меня».

Наконец, появились первые заботы. Возле дворца некогда разбили сад, но никто о нем теперь не беспокоился. Оранжерея и авансарий были запущены. Страстный цветовод и садовод, Янушкевич отдался любимому делу, причем не оставил его и после того, как принял библиотеку.

«Здоровье мое несколько улучшилось, — сообщает он, — может быть, потому, что все время в движении. С пяти утра до семи вечера бегаю я по саду, назначая разные работы и приглядывая за работниками. Едва на минутку прибегаю к себе, чтобы выпить чаю или съесть обед. С 1—4 июня падал снег, потом дождь со льдом...

С половины июня дни прекрасные, настоящее лето. Мои работы в саду идут семимильными шагами. Множество дам, девиц и детей навещают меня среди кружащихся в разных направлениях тачек с песком и комьями земли. Мой огород будет как куколка!»

20 июня 1853 года Янушкевич послал письмо такого содержания.

«Неделю тому назад, 13 июня, останки Кожуховского отправили по воде до Петербурга. При этих обстоятельствах я имел возможность, первый раз после стольких лет, стать на землю европейскую. Я ездил до самой пристани по реке Чусовой и был за 50 верст от границы, от столба, на котором написано «Уральский хребет», выше большими буквами с одной стороны — АЗИЯ, с другой — ЕВРОПА. Посмотрев отсюда на западную сторону гор, снял шапку и с болью в сердце приветствовал Европу, ту часть света, в которой родился и которую так давно не видел... Всей дороги я имел верст 86, и все тянулась земля Демидовых, я миновал бесчисленные разного рода их предприятия, расположенные, как обычно, над большими прудами. Местность повсюду чудная, дорога только не совсем благополучная, но идет через горы, сплошь покрытые

сосновым, еловым и лиственным лесом. Насмотрелся я на богатства, добываемые из-под земли, но нигде не увидел и пяди хлебного поля, глаз мой не порадовал ни один колос ржи или пшеницы, которые были бы для меня милее вида руды».

Наконец, «горизонт будущего начал проясняться». Из Петербурга один из секретарей А. Н. Карамзина известил Янушкевича о том, что он «может быть спокоен в своей деятельности», и просил выполнить обязанности переводчика при французском ученом Ле Пле, отправляющемся на демидовские заводы.

Ле Пле прибыл в Нижний Тагил 29 июня. Встретив своего переводчика, ученый сообщил, что он доверенное лицо владельцев заводов, и дал Янушкевичу возможность самому выбрать занятие по сердцу.

Обрадованный и ободренный, Янушкевич писал матери:

«Дела мои таковы, что, наконец-то, буду здесь библиотекарем с оплатой 400 рублей серебром, затем инспектором сада по милости бедной Флоры, которая в здешнем климате требует особого внимания. Уже несколько дней ожидают здесь господина Карамзина».

Двумя неделями позже — новое письмо:

«Недостаточно, что я библиотекарь и начальник сада, но пришлось мне еще быть и астрономом! Господин Ле Пле имеет обо мне такое мнение, что я все умею и все могу. Несколько дней тому назад он спросил меня тоном, не допускающим возражения, что не хотел ли бы я заняться и метеорологическими наблюдениями, взять в свое распоряжение несколько термометров, барометров и гидрометров и тому подобных инструментов. Хотя эта область наук мне мало знакома, я должен был подучиться и все-таки взять на себя такую обязанность. Во-первых, она не требует так уж много ума, не боги горшки обжигают; во-вторых, наблюдения уже мною ведутся и включаться в начатое дело легче; и третье, что особенно убедило меня в разумности этого предприятия, было вот что: мое библиотекарство, по правде говоря, еще «ин партибус»¹, потому

¹ Носящий высокое звание, но не имеющий никаких прав (лат.). — Прим. автора.

что библиотеку еще нужно создать, а когда осень, а она уже не за горами, прикажет закрыть сад, я останусь без работы. Вот я и сказал: пусть будет так! От сада до дома всего несколько шагов, а обсерватория лежит прямо под боком моей квартиры».

«Господин Ле Пле 20 августа выезжает отсюда и через Петербург возвращается в Париж. Между тем, делаются приготовления для достойного приема господина Карамзина, прибытие которого должно оказать влияние на всех и вся. От его приезда будет зависеть новая эра в правлении Нижне-Тагильскими заводами, и он появится, как единственный и главный представитель семьи Демидовых. Можно себе представить, как тут каждый считает минуты, когда гонец из Перми объявит, что карета уже стоит у берегов Камы, а затем мы увидим ее и под Тагилом...»

Интересно, садили ли вы и удались ли у вас мои огурцы китайские? Здесь у меня они достигли аршина длины и страшно удивили Ле Пле, который немало удивительного видел на свете».

Приезд А. Н. Карамзина вызвал у Янушкевича нескрываемую радость.

«Вчера я представился ему. Принял как нельзя лучше и... уверил меня в совершенном своем расположении и в возможной протекции, какая только будет возможна...»

Господин Карамзин привез мне отменные английские бритвы и в первую же встречу запросил меня на обед. Потом долго разговаривал то об Омске, то о степях киргизских, милая память о которых так воскресла во мне...»

Уезжая в Петербург, Андрей Николаевич обещал Янушкевичу оказать помощь в получении разрешения вернуться на родину.

Судя по письмам, Янушкевич следил за жизнью города, но основные его интересы связаны с библиотекой.

«Простите меня, — писал он родным, — что не беседую с вами, как бы хотелось мне, но у меня нет ни минуты свободной: библиотека и сад берут ежедневно по крайней мере 10 часов. А ведь у меня уже нет тех сил, что были раньше. 36 ступенек в библиотеке более меня мучают, чем сто верст, которые я проходил некогда по степи. Страшная жара, стоявшая до сих пор, тоже способствовала моему недомоганию. Слава богу, пришла перемена погоды, и значительная... Это меня оживило, и я смог даже совершить вчера прогулку верст за пятнадцать и, что самое главное, влезть на так называемый «Голый камень»,

или «Медвежью гору», возвышающуюся недалеко от города. С нее все видно, как на блюдечке. Ермак, шедший на покорение Сибири, зимовал у ее подножья. Прекрасное это место! С вершины вдалеке открывается гористый горизонт, покрытый лесом и пересеченный многими реками. Целью моего похода было увеличение коллекции уральских растений, которые я здесь выхаживаю и хотел бы иметь в изобилии».

«С половины девятого до половины первого, от 6 до 9, а когда много работы, и до 10 вечера, нахожусь в библиотеке. Плохо было бы, если бы я ошибся и приходил на службу позже, потому что и так уже к тому времени собирается много читателей, ожидающих меня. Особенно с утра я не располагаю ни минутой свободного времени, настоящий «перпетуум мобиле». Радует, что двигатель этот при хорошем исполнении своих функций приносит каждому читателю немалое удовольствие. Если бы вы видели, в каком я фаворе у местного населения! Особенно его прекрасная половина благодарна мне вдвойне, летом виною тому произведения моего сада, создаваемые прежде всего для этой половины, зимой — лекарства от скуки долгих вечеров, которое подается ей всегда вежливо и предупредительно. Редкий день, чтобы я не видел в библиотеке несколько милых читательниц, и ни одна из них не уходит с пустыми руками...»

В марте 1856 года почта принесла из Петербурга письмо, в котором сообщалось о том, что хлопоты о Янушкевиче должны увенчаться успехом.

В апреле 1856 года, наконец, был подписан приказ об освобождении.

Последнее письмо Адольфа Янушкевича из Нижнего Тагила датировано 21 июня.

«Теперь уже ясно, что в следующую неделю я получу паспорт и тронусь в путь... Сижу, как на иголках, но зато когда поеду, то получу день и ночь... Все идет к лучшему, даже затяжка с получением документов: просохли дороги и улучшилась погода. До сих пор она у нас все время была холодной, снег и ливень, сегодня первый день теплый...»

29 июня 1856 года Янушкевич тронулся в путь. Он возвращался на родину и годом позже там умер.

Рисунки В. Яковлева

В. А. ЖУКОВСКИЙ

В ВОТКИНСКЕ

Небольшой городок Воткинск в Предуралье известен как родина замечательного русского композитора Петра Ильича Чайковского. Здесь чтут память о нем, заботливо берегут стоящий на берегу пруда дом, в котором родился и сделал первые шаги в музыке великий мастер. После реставрационных работ зданию возвращен облик времен пребывания в нем семьи Чайковских, воссоздана обстановка комнат, а также смонтирована экспозиция, рассказывающая о жизненном и творческом пути композитора. В ней, в частности, можно встретиться и с именем поэта В. А. Жуковского.

Еще в годы учения в Петербургской консерватории состоялось творческое знакомство молодого композитора с поэтической музой Жуковского: он написал музыку на стихо-

творение «Ночной смотр». Это ученическое сочинение вызвало восхищение преподавателей — А. Г. Рубинштейна и Н. И. Зарембы. Поэзия В. А. Жуковского привлекала Петра Ильича и после.

Его ранняя опера «Ундина» написана на сюжет переведенной Жуковским повести де Ламотт Фуке. Основой либретто всем известной ныне оперы «Орлеанская дева» послужил также перевод Жуковского трагедии Шиллера. Дуэт Лизы и Полины в «Пиковой даме» тоже написан на слова стихотворения Василия Андреевича.

Интересно, что имя Жуковского непосредственно связано и с этим домом на берегу воткинского пруда.

Как воспитатель наследника, будущего царя Александра II, В. А. Жуковский весной 1837 года сопровождал его в

поездке по России. 22 мая свита наследника посетила воткинский казенный железодельный завод. Горный начальник Камско-Воткинского округа, подполковник Илья Петрович Чайковский, был вынужден предоставить ей свой дом — лучший на заводе. В одной из комнат разместился и Жуковский. Позднее он вместе с другими гостями, расположившись в гостиной, слушал доклад Илья Петровича о производстве завода и производственных процессах. Особенно занимала всех действующая модель пудлингового устройства. Как сообщают отчеты, «в действие ее приводили действительный статский советник В. А. Жуковский, лейб-хирург Энохин и полковник Юрьевич, которые попеременно вращали колеса».

Жуковский с интересом осматривал заводские фабрики, выставку образцов железа, школу, госпиталь. На якорной фабрике при нем выносили из горна 167-пудовый якорь. Взяв в руки молоток, Василий Андреевич принял участие в ковке изделия. Позднее якорь был установлен в виде монумента на заводской площади.

Свита покинула Воткинский завод утром 23 мая. Но в семье Чайковских долго еще вспоминали о пребывании замечательного русского поэта в их доме.

Дом-музей П. И. Чайковского в Воткинске

Б. АНШАКОВ, научный сотрудник Дома-музея П. И. Чайковского в Воткинске.

Вечерами, у таежного костра, когда схлынет дневная усталость, встрепенутся струны гитары и зазвучит в ночи негромкая песня — о друзьях-товарищах, о дальних походах, о романтике трудных дорог.

А потом кто-то так же негромко скажет: а помнишь?.. И польются у костра удивительные истории. У каждого, кто дружит с природой, на памяти десятки случаев — драматических, поучительных, занимательных и просто курьезных.

Редакция обращается к туристам, геологам, археологам, охотникам, рыбакам, ко всем тем, кто прошел не одну сотню верст по родному краю, прислать нам свои заметки о памятном случае, который произошел с вами или вашими друзьями в походах или экспедиции. Это может быть рассказ о товарищеской взаимовыручке, о забавном приключении — впрочем, лучше не очерчивать круг тем, ибо самый лучший подсказчик — беспокойная туристская жизнь.

Объем рукописи не должен превышать трех машинописных страниц. Автору лучшего материала по итогам года будет вручен памятный сувенир редакции журнала.

МЕДВЕДЬ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Витим — река своенравная. Мы преодолевали ее на плотах, катере, шли пешком по берегу. Особенно памятен Парамский порог — самый длинный, около двух километров, и самый свирепый.

Мы — это художник Н. Ульянов, Николай Крюков, энтузиаст-фотолюбитель, и я. По утрам мы с художником сладко спали в палатке, а Николай уходил на фотоохоту. Часами просиживал в засаде и приходил злой. Никак не удавалось ему то, о чем грезил перед походом — заснять крупным планом медведя.

Но вот однажды мы проснулись рано утром от громкого крика. Крюкова в палатке не было.

Крик повторился, но мы не придали ему значения. По утрам мы и сами любим «голосовые упражнения», когда эхо, многократно переключаясь, разносит громкое «слушай» по скалистым берегам.

Крик перешел в хрип. Стало ясно, что с нашим другом случилась беда. Ульянов, схватив винтовку, выскочил из палатки, я за ним. Мчались, не разбирая дороги.

...Вокруг молодого кедра почти в об-

нимку топтались наш фотограф и маленький медведь-муравейник. Коля держал медведя за уши, прижав его носом к дереву, и кричал что-то нечленораздельное. Медведь тоже взревывал — и он, видимо, был серьезно напуган — и царапал когтями куртку фотоохотника.

Увидев нас, Коля сверкнул очками и прохрипел:

— Какого черта вы стоите! Он мне всю куртку испортил.

Ульянов вскинул винтовку и выстрелил почти над ухом медведя. Тот, испуганно рывкнув, бросился в кусты. Николай за ним, сдергивая с шеи фотоаппарат. Он так успел несколько раз щелкнуть затвором вслед убегающему зверю. К сожалению, эти уникальные снимки так и не появились на свет. В одном из переходов мешок с фотопринадлестностями утонул в Витиме.

В память о необычном знакомстве осталась лишь исцарапанная куртка.

Ю. ШУМАЙЛОВ,
г. Иркутск.

ПАЛИТРА ХАМЕЛЕОНА

У причалов Ленинградского торгового порта всегда множество судов. В любую погоду, зимой и летом, сюда прибывают корабли под флагами разных стран. Одни берут на борт лес, другие грузятся машинами, третьи приходят из жарких стран с полными трюмами заморских фруктов.

На кораблях в нашу страну и приезжают, зайцем конечно, ловкие безбилетники. С палубы на берег прыгивают лягушки и кузнечики, выползают змеи и жуки, бегут по склонам пауки, прибывают саламандры, крысы... Однажды при разгрузке австралийского судна кран вместе с грузом подал на берег... крольчиху с целым выводком крольчат. Видимо, она успела обзавестись потомством во время долгого пути.

Работники порта воюют с «безбилетными пассажирами». Ведь они могут стать источником опасных инфекционных болезней или, прижившись на нашей земле, превратиться в опаснейших вредителей сельского хозяйства. Для борьбы с «зайцами» в каждом порту существует специальная карантинная служба.

Этот молчаливый пассажир прибыл к нам из далекой Кубы. Когда сильный удар мачете срезал крупную гроздь бананов, он не смог убежать — не в обычае этого медлительного существа спасаться от опасности бегством. Его не заметили. Он заполз в щель между двумя бананами и благополучно попал в трюм советского судна.

Чтобы бананы не испортились, в трюмах судна поддерживается температура плюс 6°. Для южанина это весьма немного. Зверек скоро впал в оцепенение и так, в забытии, и прибыл на берега Невы.

Пассажир не проснулся ни на причале, ни в такси. На моем письменном столе оказался бледный серовато-зеленый маленький комочек, уцепившийся вялыми лапками за банан. Я опустил над ним абажур настольной лампы, чтобы

согреть зверька. Он быстро пришел в себя: на моем столе, медленно поводя большими глазами, сидело удивительное существо нежнейшего зеленого цвета.

Всего за какие-то полчаса зверь так похорошел, что я немедленно собрал всех домашних, чтобы они могли полюбоваться необычным гостем. И было самое время: зверушка

Хамелеон

решил порадовать нас красочным представлением. На наших глазах его кожа стала темнеть. Светлый салатный цвет сменился темно-зеленым. Затем перешел в синий, сменившийся фиолетовым, алым, потом краска стала темнеть, зверек стал пурпурным, темно-красным, черным, снова красным, оранжевым и, наконец, как бы немного поколебавшись, принял расцветку банана, на котором сидел совершенно неподвижно на протяжении всего «спектакля».

Издав угрожающее шипение, видимо, в знак того, что представление окончено, гость нащупал кончиком хвоста черешок банана, крепче за него уцепился и замер. Даже глаза, которые на протяжении всей пантомимы поворачивались то к одному из нас, то к другому, остановились. Зверек показал все, на что был способен и, утомившись, задремал.

Хамелеон, а именно его подарили мне работники порта,

относится к классу рептилий. Среди своих собратьев — пресмыкающихся он, несомненно, выдающийся «художник», лучше всех владеет целой палитрой красок. Недаром его имя стало нарицательным. Хамелеоном называют человека, так же легко и быстро меняющего свои убеждения, как названный этим именем зверек меняет свою окраску. Но делает это хамелеон не по злому умыслу.

Маленьких рептилий природа сделала крайне медлительными и не снабдила никаким оружием, чтобы защищаться от врагов, кроме тонкого «художественного вкуса». Чтобы не попасть на глаза своим жертвам, за которыми хамелеон гоняться не в состоянии, а тем более своим врагам, у него единственная возможность — замаскироваться, окраситься под цвет окружающей растительности, замереть и стать для них невидимым. Ну, а если хищник все же тебя обнаружил, единственный выход — вспыхнуть северным сиянием, ошеломить, испугать врага, заставить его отступить.

Не лживость, а полная беззащитность движет «кистью» этого непревзойденного мастера ярких красок.

Не только хамелеон владеет искусством мимикрии — многие животные умеют менять свою окраску.

Некогда предкам современных тропических амфибий «прискучили» болота, и они переселились на кроны деревьев. Одни из них выучились ловко, как заправские акробаты, лазать по тоненьким ветвям, другие легко и непринужденно, словно птицы, перескакивать на головокругительной высоте с одного дерева на другое. Для этого у них появились специальные приспособления: липкая кожа на животе и присоски на пальцах. Многие лягушки так хорошо приспособились к жизни на деревьях, что на землю никогда не спускаются. Даже детей своих они как птицы выводят на деревьях, отклады-

Древесная лягушка

вая икру в крохотные водоемчики, образующиеся в период тропических дождей в листьях, в дуплах и под отставшей корой.

Древесные лягушки большую часть дня неподвижны. Много живых существ обладает покровительственной окраской, но для животных, ведущих неподвижный образ жизни, она особенно необходима. Не удивительно, что кожа древесниц обычно окрашена под цвет окружающих растений и имеет замысловатый рисунок. Стройная квакша напоминает поблекший лист, чернопятнистая — кору деревьев, поросшую лишайниками, географическая квакша без труда сойдет за засохший, готовый опасть лист дерева.

Этих квакш, которые только подражают, а не творят сами, нельзя назвать «настоящими художниками». Другое дело — лягушки, умеющие менять свою окраску. Обычно гамма доступных им красок не так велика, как у хамелеона. Чаще всего они способны повторить лишь все оттенки зеленых и желто-коричневых тонов, зато делают это, пожалуй, еще лучше хамелеона. Ведь им приходится гораздо чаще менять обстановку, а на новом месте следует как можно скорее слиться с окружающей окраской, и они с этим отлично справляются.

Некоторые рыбы тоже отличные художники. Скажем, камбалу, лежащую на дне, увидеть практически невозможно. Рыба не только умеет распластаться на песке, маскируясь под окружающий фон, но даже изобра-

зить на своей коже пестренький рисунок, имитирующий раскраску крупных песчинок и мелких камушков морского дна.

В морском аквариуме Севастополя мимо отсека, где на стекле обозначено «камбалы», посетители проходят не задерживаясь, бросив лишь беглый взгляд на совершенно пустой резервуар. Но если посетитель не торопится и может терпеливо постоять у аквариума, то в этом «пустом» аквариуме он обязательно насчитает десяток, а то и полтора ловко замаскированных камбал.

Некоторые рыбы используют свою способность менять цвета совсем не для маскировки, а, так сказать, ради чистого искусства. Когда такие рыбки бывают чем-нибудь встревожены, когда им приходится защищать себя или свое потомство, их тело раскрашивается яркими красками. Особенно красивы бывают такие рыбы в брачный сезон. В домашних аквариумах живут бойцовые рыбки, прозванные так за свой драчливый характер. В некоторых районах Китая и Бирмы издавна устраиваются рыбки корриды. Перед атакой или во время брачных танцев невзрачные до того рыбки преобразуются. Их тело и длинные вуалевые плавники окрашиваются в яркие синевато-зеленые, фиолетовые или красные тона. Цвета переливаются, переходят один в другой, все тело как бы светится изнутри. Зрелище столь яркое, что его, пожалуй, не с чем сравнить. Ни экзотические цветы, ни яркая раскраска тропических птиц и бабочек не могут соперничать с переливчатой игрой красок маленьких бойцовых рыбок.

Очень способные художники осьминоги, кальмары и каракатицы. Они умеют мгновенно менять свою окраску. По телу возбужденного чем-нибудь моллюска прокатываются цветные волны, словно сполохи северного сияния.

Могут изменять свою окраску и другие беспозвоночные — черви, иглокожие и даже одноклеточные существа. К числу «одаренных» художников нужно отнести насекомых и, безусловно, ракообразных, которые, правда, по скорости замены «платья» отстают от осьминогов, зато умеют так точно пе-

редавать окраску окружающих предметов, что разглядеть их на дне нелегко.

Говорят, хамелеон меняет кожу. Конечно меняет. Раз в год, как и все прочие рептилии. Если бы он ее не сбрасывал, то к старости вполне бы мог накопить десяток-два запасных кафтанов. Только не это помогает ему менять окраску. Скинутые с плеч кафтанчики, все как один, — грязновато-серого цвета. Нет, изменяя окраску, хамелеон не меняет своей кожи.

Что же это за волшебная краска? Где хранят ее животные? Как наносят на кожу? Чем смывают потом, чтобы окраситься в другой цвет?

Специальная краска для раскрашивания кожи существует, это — пигменты. Они бывают черные, красные, синие, зеленые, коричневато-желтые, белые и многих других оттенков. Иные животные имеют всего один пигмент, зато «художественно одаренные» снабжены двумя-тремя и более красками. У осьминога две краски — красновато-коричневая и желтая, у кальмара три — коричневая, красная и желтая.

Осьминог

Животные хранят свои краски непосредственно в коже, в особых клетках, получивших название хроматофоров.

Ученые далеко не сразу разобрались, как с помощью пигментов осуществляются световые эффекты. Оказалось, что существует два различных механизма. У осьминогов и кальмаров пигмент находится в маленьких овальных клетках с очень эластичной оболочкой. От хроматофора во все стороны, как солнечные лучи на детских рисунках, отходят полто-

ра-два десятка мышечных волокон. Все бесчисленные пигментные «солнышки» лежат в плоскости кожи.

Пигментные клетки головоногих моллюсков слишком миниатюрны, относительно редко разбросаны в коже и на ее окраску не оказывают никакого влияния, пока мышечные волокна не растянут их. При этом площадь хроматофоров увеличивается в 300—500 раз, они сливаются между собой, и кожа приобретает новую окраску. Мышечные волокна хроматофоров работают так энергично, что головоногие моллюски способны за доли секунды изменить окраску тела.

У остальных животных хроматофоры устроены иначе.

Обычно от крохотного хроматофора отходят многочисленные, длинные, замысловато ветвящиеся отростки. Цветной пигмент сосредоточен в центре клетки в особом мешочке. Когда же у животного возникнет необходимость заняться «художественным творчеством», пигмент переходит в древовидные отростки и равномерно по ним распределяется.

У позвоночных животных, рыб, амфибий, рептилий хроматофоры обычно однотонные. Чаще всего они содержат коричневатый пигмент меланин. Кроме того, встречается

Камбала

белая, красная, желтая и синевато-зеленая краска. Особенно интересна последняя. Этот пигмент представляет собой пластинчатые кристаллы. Цвет в этом случае зависит от расположения цветных пластинок и от направления, под которым падает свет. Изменяя положение пластинок пигмента или слегка изменяя свое положение относительно солнца, животное дает возможность переливаться зеленовато-синим тонам, переходящим затем в красную часть спектра.

Белый пигмент непосредственного участия в окраске не принимает. Он лежит под хроматофорами других цветов и

служит экраном для отражения света, прошедшего сквозь цветные пигментные клетки.

Кто же подает команду на изменение цвета и как она передается пигментным клеткам?

У низших животных хроматофоры просто сами реагируют на действие света. При ярком освещении пигмент рассеивается по отросткам, а в темноте, напротив, концентрируется.

Нельзя сказать, что хроматофоры высших животных полностью утрачивают способность реагировать на прямое раздражение светом. Просто большинство из них попадает под влияние высшего командного центра — мозга, который двумя способами передает свои распоряжения исполнительным органам. У миног и амфибий для этого используются гормоны, которые вырабатываются в особом отделе мозга — в гипофизе. Здесь они попадают в кровь, которая и несет их к хроматофорам. В гипофизе лягушки вырабатывается два гормона, один вызывает концентрацию пигмента, другой дает команду к его рассеиванию по отросткам.

Хроматофоры раков и крабов также подчиняются гормональным командам. Они способны воспроизводить не только все оттенки, но отчасти и рисунок того субстрата, на кото-

АЗЪ БУКИ ВЪДИ

ИНТЕРЕСНО ЛИ

ЧИТАТЬ СЛОВАРИ?

Французский писатель Анатолий Франс писал: «В словаре заключена вся душа нашей родины. Подумайте: на тысяче страниц убогой печати уместились весь гений и вся природа Франции, здесь — мысли, радости, нужды и горести всех наших предков... Если подумать хорошенько, словарь — это книга книг, это вселенная, уложенная в алфавитный порядок».

То же самое можно сказать и о русских словарях. Возьмем к примеру «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Его первое издание вышло в 1863 — 1866 годах и превосходило всех своих предшественников по богатству собранной в нем лексики —

около 200 тысяч слов. Больше того, Даль, неутомимый собиратель и знаток русского фольклора, включил в словарь десятки народных пословиц, поговорок и загадок.

Откроем этот бесценный ларец и увидим, что слово можно рассматривать с внешней стороны — звуковой, наблюдая, как блещут его грани. Можно заглянуть в его сокровенный смысл и следить, как изменяются его значения.

Вот первое слово, наугад, — **солнце**, солнышко. Автор объясняет его так: «Наше древнее светило и срединное тело нашей вселенной, господствующее силою тяготения, светом и теплом над всеми земными мирами, планетами». Слово пока

ром животным приходится длительное время находиться. Гормоны выделяются синусной железой, которая располагается прямо на глазном стебельке, поддерживающем глаз.

У рыб и рептилий большинство хроматофоров получает приказы, передаваемые из мозга по нервным волокнам.

Изменение окраски тела, которое осуществляется с помощью нервной или гормональной регуляции, называется вторичным. Оно может происходить только при целостности глаз и мозга. Чтобы подогнать окраску под окружающий цвет, глаз выполняет сложную работу. Он сравнивает количество света, падающего на него непосредственно сверху от солнца, с количеством света, отраженного от фона, на котором находится животное. При этом глаз должен еще различить длину волны света. Если животное находится на темном фоне, разница в интенсивности двух потоков света является сигналом к потемнению. Отсутствие существенных различий служит командой к посветлению.

Изменение окраски используется животными не только для маскировки, при обороне или в период брачных игр. Нередко эта реакция имеет и другое значение. Например, потемнение на свету, наиболее распро-

страненный в животном мире вид пигментных реакций, создает экран, препятствующий проникновению в глубь тела губительных солнечных лучей.

Не менее интересна способность к поддержанию температуры тела за счет деятельности пигментных клеток. Известно, что температура тела низших животных зависит от температуры окружающей среды. В прохладную погоду лягушки, ящерицы и змеи выходят из своих укрытий, чтобы погреться на солнце, а когда его лучи начинают припекать слишком горячо, переходят в тень.

Некоторые рептилии и амфибии научились иным путем регулировать количество поступающего в организм солнечного тепла. Черная саламандра, обитательница высокогорных Альп, иногда живет и размножается на высоте трех тысяч метров. Температура воздуха здесь слишком низка. Зато солнечные лучи за несколько минут могут нагреть тело до 45—50 градусов. Это уже смертельно для холоднокровных животных. Пользоваться солнечными ваннами в Альпах трудно: пришлось бы то и дело перебежать с солнцепека в тень и обратно. Альпийские саламандры поступают иначе. С первыми солнечными лучами они выползают из своих укрытий и приступают к

приему солнечных ванн. Под действием света черный пигмент рассеивается по отросткам кожных хроматофоров, кожа саламандр темнеет, начинает более интенсивно поглощать солнечные лучи, и животное постепенно согревается. Но как только температура тела становится оптимальной, начинается обратный процесс концентрации пигмента и продолжается до тех пор, пока кожа не посветлеет настолько, что дальнейшее нагревание животного прекратится.

Изменение окраски — реакция автоматизированная. Она осуществляется, так сказать, бессознательно, без участия высших психических центров мозга. Это, однако, не значит, что животные не замечают красочной картины мира, что цветовая гамма им безразлична. Все существа, наделенные цветным зрением, предпочитают освещение светом с определенной длиной волны. Они отлично умеют находить такие места, где их окраска хорошо гармонирует с окружающим фоном. Зеленая жаба, например, будет искать себе убежище среди растений, а адаптированная к темному фону рыба будет держаться над темными участками дна.

Б. СЕРГЕЕВ, доктор биологических наук

еще мертво: мы узнали лишь суть предмета. Но вот Даль окружает его другими словами, и оно оживает, становится осязаемым.

«Солнце меркнет, застилается мраком» — одна картина; «солнце играет, мечет лучи, по поверью, при восходе» — другая. «Солнце слезится» — значит идет дождь при солнечном сиянии, как часто говорят, грибной, слепой дождь.

«Солнце — князь земли, луна — княжна. На солнышко, что на смерть, во все глаза не взглянешь. Что мне золото — светило бы солнышко. Хорошо солнышко: летом печет, а зимой не греет. Солнышко, солнышко, выгляни в окошечко: твои детки плачут, по камешкам скачут, сыр колупают, в окошко кидают».

Еще одно слово — снег. Казалось бы оно выражает одно понятие. Однако, как много названий в народном языке этому обычному, простому, на первый взгляд, явлению, как по-разному можно сказать о снеге: «Снег идет, снег сыплется, снег падает». «Самый крупный снег — снег хлопьями, пушкой» (от слова пушистый, пух, — А. Б.) «Снег крупной, крупчатый» — пополам с мелкими градинками. «Снег мокрый, с дождем — лепень, ляпка, с туманом и моросом — чйдега». «Снег с сильным ветром — занос; снег с вихрем — метель, выюга, буран, кура» (от слова куриться — выдывать дым или дымку пара, тумана). Если метет

только низом, переметает, то это низовка, волокуша, заметь, заметуха. Снег пылью, как облетевший иней, — искра, блеска, Снег на талую землю, который не лежит, — снежура. Свежий, выпавший снег — пороша». Поговорки и пословицы: «Уж не первый снег на голову (значит много человек пожил). Не то снег, что метет, а что сверху идет. Много снегу — много хлеба, много воды — много травы».

Жизнь народа запечатлена в его языке. Сменяются поколения, оживают свой век предметы, которыми пользовались люди, устаревают и слова, их значения, им на смену приходят новые. Порой только слово, зафиксированное словарем, позволит нам восстановить какой-то кусочек исторического прошлого, рассказать о тяжелой жизни народа, его быте, обрядах, играх... И таких расказов, которые вряд ли где-нибудь встретишь еще, особенно много в диалектных словарях. Словарем словарей можно назвать создающийся ныне под редакцией Ф. П. Филина многотомный «Словарь русских народных говоров». В нем собирается лексика почти из всех имеющихся у нас областных словарей.

Диалектное слово **выставка**, широко распространенное в прошлом веке. Нет, это совсем не та выставка, которую мы привыкли связывать с этим словом...

«На камских пристанях хлебными торговцами употребляется выражение: «Послать приказчика на выставку», — что значит послать в ближайшее от пристани село приказчика для закупки хлеба. Приказчики, разбитные малые, встретив хлебный обоз иногда на дороге, недалеко от пристани, останавливали крестьян и каждый из них начинал звать мужиков к своему хозяину, суля им чуть не золотые горы. Место встречи приказчика с везущими хлеб крестьянами называлось выставкой. После долгих пререканий и брани приказчики, нимало не заботясь о согласии крестьянина, бросали жребий и делили крестьян между собой. С «достающегося» по жребию мужика приказчик снимал шапку, клал ее под мышку, брал лошадь под уздцы и вел своего пленника к хозяину. Приведенный таким образом крестьянин угощался хлебным торговцем водкой и чаем, затем уже начинал торговаться, причем подвыпивший мужичок почти всегда уступал хитрому кулаку и продавал свой хлеб по низкой цене».

А в «Словаре областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого есть весьма любопытная статья к слову гагарка. «Гагарка — водяющаяся на озерах у побережья Северной Двины птица. Рассказывают, что птица эта, прилетающая ранней весной, когда луга на островах залиты еще водою, привязывает свое гнездо на длинной, из прошлогодней травы свитой веревке к кусту и затем в плавающее гнездо несет яйца, а когда вода начинает сбывать, то, по мере стока, ее гнездо опускается на землю. Говорят так же, что птица эта, опустившись по прилете на воду, не поднимается с нее до самого полета».

В диалектном словаре я натолкнулся на слова беречь и брюзга. Они имели довольно странные значения: беречь — значит угощать гостя, брюзга — сваха в свадебном обряде. Откуда такие значения?

В далекие времена хозяину дома приходилось охранять, оберегать гостя от всякого рода посягательств, обид в самом прямом смысле. Даже возникли поговорки: мой дом — моя крепость, не дать гостя в обиду. И от того, сумел ли хозяин дома уберечь достоинство, а иногда и жизнь

гостя, зависела честь хозяина, его дома гораздо больше, чем от щедрости угощения. Ну, а потом, когда стали исчезать причины для такого оберегательства, изменение значения данного слова, видимо, пошло по следующему пути: беречь гостя — заботиться о госте — угощать гостя. Но почему сваху в свадебном обряде называли брюзгой? Неужели на свадьбе, где все веселятся, должна быть брюзга, которая своим недовольным ворчаньем может испортить всем настроение? Вот как описывается в «Словаре русских народных говоров» свадебный обряд, в котором принимает участие брюзга: «Брюзга — девушка, которая сидит за столом рядом с женихом и вместе с ним едет за невестой. Она должна брать с собой подушку, чтоб оберегать жениха, когда в него бросают подружки житом и рожью при входе в избу невесты. На голове у брюзги веноч из цветов или же веток и бус». Теперь совсем непонятно: девушку называли брюзгой, а она на свадьбе отнюдь не собирается брюзжать. Разрешить загадку нам поможет этимологический словарь, где рассказывается о происхождении слов. Оказывается, в древнерусском языке слово **брютъга** — посаженная от жениха, сваха, в свою очередь заимствованное из древнешведского языка. Потом уже в говорах под влиянием всем известного слова брюзга вместо мягкого Т появился звук З.

Подобная история произошла и со словом голубец, которым на Урале в некоторых местах называют памятник на могиле. В древнерусском языке было слово голбец — кладовая под полом, надгробие, пришедшее к нам из древнескандинавского. Потом в нем добавился всего лишь один звук, переместилось ударение, и у слова голубец — вид кушанья появился «двойник» — голубец — памятник.

Слов очень много, и у каждого из них, как и у людей, своя судьба. Поэтому невозможно оценить, исчерпать то богатство, которое собрано в словарях — хранителях судеб родных слов.

А. БЕЛЯЕВ

ПО СЕКРЕТУ ВСЕМУ СВЕТУ
Фото Ю. Илека (г. Вологда)

ЗАДАЧКА

Фото И. Большакова (г. Свердловск)

АДСКИЕ ВОДИТЕЛИ

Фото Н. Гелеверова (г. Свердловск)

БЕЗ СЛОВ
Фото О. Кононенко (г. Вологда)

ЛЕДОВАЯ РОБИНЗОНАДА

В 1757 году у северных берегов Исландии ледяные поля раздавили небольшой шотландский парусник «Анна Фобс». В живых чудом остался лишь матрос Брюс Гордон: его сбросило на льдину с мачты, откуда он осматривал горизонт в надежде увидеть чистую воду. Матроса ожидала голодная смерть. Но из-за перемещения льдин раздавленную «Анну Фобс» уже на следующий день вытолкнуло вверх килем на поверхность. Через окно кормовой каюты Гордон пробрался внутрь корабля, и с этого момента началась жизнь полярного Робинзона.

Длинная арктическая ночь во льдах. Гнетущее одиночество, если не считать встреч с белыми медведями... К счастью, припасов на корабле оказалось достаточно, и Гордон занимался тем, что исследовал трюмы парусника и окружающие «Анну Фобс» льды, читал выученную наизусть латинскую — единственную книгу, оказавшуюся на корабле, да разговаривал с прирученным медвежонком, которому дал кличку Нэнси.

Наконец, пришла весна, распались ледяные поля. Но надеждам Гордона на возвращение к людям не суждено было сбыться так скоро: шестимесячный дрейф закончился тем, что айсберг со льдиной, в которую вмерзла «Анна Фобс», снова прибил к ледяным полям. Однако на этот раз льды соединили айсберг с сушей; по ним Гордон и выбрался из ледяного плена. Но еще долгих четыре года предстояло ему провести в крохотном гренландском селении, прежде чем у приютивших его берегов появились китобойные суда.

До своей родной Шотландии Брюс Гордон добрался лишь через семь лет после гибели «Анны Фобс».

В ОБЪЯТИЯХ АНАКОНДЫ

Американский фоторепортер Курт Северин, блуждая с кинооператором и проводником по джунглям Южной Америки, неожиданно набрел на анаконду. Соблазн быстро заполучить серию душещипательных кадров навел Курта на дерзкую мысль — вступить с анакондой в единоборство. Он бросился вперед, одной рукой схватил змею за голову, другой крепко сжал ей шею... Снимки получились эффектными. Но если бы не оператор и проводник, трудно сказать, чем окончилась бы рискованная затея: лишь с их помощью удалось Курту освободиться из объятий едва не задушившей его анаконды.

ЛЕТЧИЦА-МАГЕЛЛАН

В 1964 году Джоан Мерриэм, двадцатисемилетняя американская летчица, первой среди женщин облетела земной шар на двухмоторном самолете. Подобная же попытка, предпринятая в 1937 году немкой Амелией Эрхарт, окончилась плачевно: ее самолет бесследно исчез над Тихим океаном.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

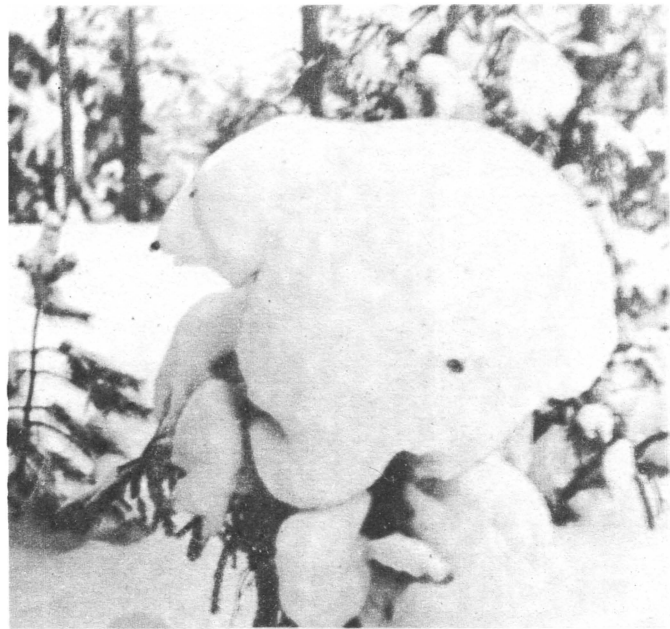
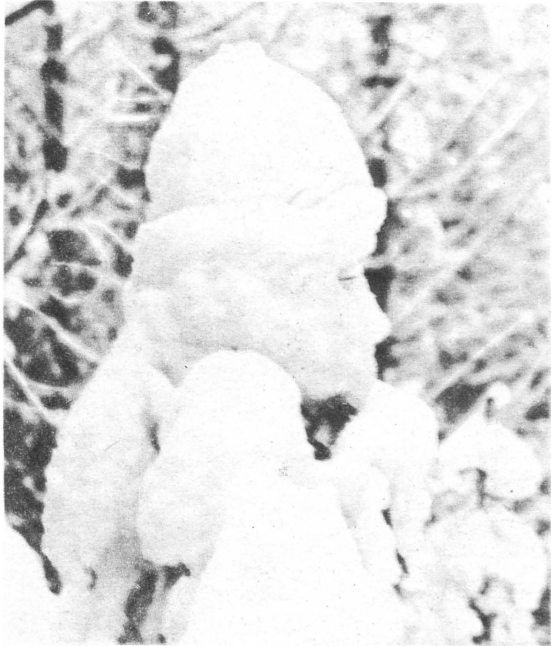
Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.

Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 18008. Подписано к печати 10/1 1972 г. Бумага 84×108¹/₁₆—2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,06. Тираж 185 000. Цена 30 коп. Заказ 597.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

В зимний лес я никогда не хожу без фотоаппарата. Иначе никто не поверит, что в этом лесу я встречал и «Ивана-царевича», и «белого медведя», и «спаниеля» и даже «попугая», которых вы видите на снимках.

Ю. ФРОЛОВ

Е. ВАГИН

РЕКА ЧУСОВАЯ У КАМНЯ ДУЖНОГО

30 коп.

73413

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ [зам. главного редактора],
М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА
ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН [ответственный
секретарь], В. ШУСТОВ